

ЛИНА ВАЛЬХ

Они
ступают
глазевы

Один шальной студент-журналист, один отставной экзорцист и один беспокойный демон, вставший у них на пути.

Александра Звягинцева закрыла свое прошлое на несколько амбарных замков и променяла любимую работу на размеренную жизнь рядового журналиста. Любимая работа, небольшая квартира и рыжий кот, занимающий половину кровати. Александра Звягинцева держит свою жизнь под контролем. Вот только просчитать все невозможно. И когда в полночь она вновь встречается со своими призраками, старые раны вскрываются, а студент-стажёр подливает в них кипящего масла.

Казалось бы, выход из ситуации очевидно простой и понятный. Если бы не ворох скелетов, всплывающий в ходе учебного журналистского расследования, и не Александра Звягинцева, для которой личные счёты стоят превыше профессиональных принципов.

Глава 1. Горький кофе

— Постарайтесь не перенапрягаться в ближайшее время, сохранять покой и не прикасаться к иконам.

Иссохшая костлявая старушка раскланивалась Александре до самого порога, рассыпаясь благодарностями и обещая снова обратиться, если понадобится помощь.

Александра в ответ лишь нервно улыбалась, спешно собирала свои вещи и с завидным упорством отнекивалась от протягиваемых ей денег.

Пустынный двор, в котором жила старушка, тихий и неуютный. Но Александра всё равно остановилась в самом его центре, запрокинула голову и подняла взгляд. Бледно-голубое небо подёрнулось молочными облаками, а грязно-жёлтые дома устремились в него своими плоскими крышами и волнистыми окнами-глазницами. Девушка нервно улыбнулась: по коже прошёлся лёгкий холод — и обхватила себя руками.

Лифт протяжно заскрипел и неторопливо двинулся вверх, разгоняя своим кряхтением столпившихся во дворе голубей да снующих по запылённым углам крыс. Александра вздрогнула и оглянулась, словно убеждая себя, что за ней никто не следит. Она бросила последний взгляд на потухшее яркой лампочкой окно квартиры на третьем этаже и проскользнула тенью в приоткрытую решетчатую дверь.

Солнце уже показало свои первые лучи и встретило редких ночных прохожих росчерками мягкой розовой пастели на бледно-голубом июньском небе. Длинные ровные улицы безлюдные, и лишь карканье ворон да далёкие перекрикивания чаек напоминали о том, что город все еще дышит и планирует пережить ещё не один туристический сезон, полный шумных китайцев и сдержанных местных жителей, обречёнными взглядами провожающих организованные толпы.

Шея затекла, и Александра нервно её потёрла. Стоило всё же прислушаться к Марине и намазаться мазью, прежде чем отправляться в двухдневное бессонное рандеву с книгами и сумасшедшими старушками. Губы девушки дёрнулись в слабой улыбке от этой мысли. Камушки на тротуаре как раз кстати попадались под ноги, тут же отправляясь в полёт о ближайшую грязно-жёлтую стену.

Двадцать пять лет. За спиной Александры Звягинцевой двадцать пять лет, пересолённый доширак и литры дешёвого растворимого кофе, который она заливала в себя в надежде проснуться. Но обычно все выходило как раз наоборот. И каждый раз Александра с тоской смотрела на очередной картонный стаканчик, утопающий под слоями обёрток в мусорном баке. До открытия офиса ещё шесть часов. Домой возвращаться никакого желания, а кот наверняка уже разорвал свой очередной лежак.

«Чтоб ему пусто было», — чертыхнулась в горячах Александра и рассеянно запустила руку в карман в поисках пачки сигарет.

Рюкзак за спиной вибрировал разрывающимся телефоном, а Александра только смотрела себе под ноги, тщательно избегая мелькающих за границей бокового зрения теней. До полного восхода солнца ещё около сорока минут, и нужно быть предельно осторожной, чтобы не попасться в очередную ловко расставленную ловушку.

Возможно, ей стоило проявить осторожность и укрыться в ближайшем круглосуточном кафе, но вместо этого она бесцельно брела по длинным ровным улицам, выхватывая взглядом в окнах таких же не спящих, как и она, людей, мурчащих на окне кошек да

следящих за птицами за стеклом собак. Проспект простирался перед ней серой лентой, а яркие вывески потухшими огоньками ждали своего часа, чтоб вновь возвестить об открытии маленьких кофеен да ароматных булочных.

Мечеть воззрилась на Александру своими лазурными куполами, стоило девушке ступить в небольшой зеленеющий парк, а небольшой серый памятник прямо напротив не вызывал никакого другого желания, кроме как смахнуть с него пыль и покрасить. Вздыхающиеся вверх крылья моста заставили Александру тяжело вздохнуть, и она свернула на полукруглую набережную, огибающую крепость. Бросив взгляд на наручные часы, девушка прибавила шаг, подставляя лицо тёплым солнечным лучам.

У неё было пятнадцать минут, чтобы спастись на другой стороне реки.

Ноги гудели, когда Александра практически влетела в замерший на перекрёстке фонарный столб и попыталась отдышаться. Сердце бешено билось в груди, а мост за спиной с противным скрипом раскрыл свою пасть под приветливые и нетерпеливые гудки небольших судёнышек. Александра отряхнула колени и уверенно шагнула на красный сигнал, даже не удосужившись осмотреться по сторонам.

В три ночи никому нет дела до правил дорожного движения.

Александра хотела пойти коротким путём, но мелькнувшая вдалеке тень быстро отговорила ее от этой идеи. Редкие, проносящиеся мимо машины создавали ощущение хрупкой безопасности, пока девушка брела по широкой «перспективе» в тени невысоких разноцветных домов. Людей на улице было много, даже, возможно, слишком, а приглядевшись, Александра поняла, что это всего лишь едва выпустившиеся школьники. Девушка ловко увернулась от брошенного кем-то из толпы стаканчика и нырнула в спасительную прохладу кафе.

В кафе пахло выпечкой, едой и домом. Забавно. Александра усмехнулась: если посчитать, сколько времени она проводила в своей квартире, а сколько в местах общепита — можно будет назвать ее бездомной.

Пятьсот рублей с кровью на сердце с негромким писком списались с бездушного куска пластика, и Александра поморщилась от маленьких цифр, кричащих, что до зарплаты она будет питаться святым духом.

Ноутбук запустился с негромким шумом и вспыхнул радужной подсветкой клавиатуры. Наблюдать за проходящими мимо людьми было гораздо удобней, когда от шумной улицы тебя ограждали затонированное стекло и фирменный логотип. Александра улыбнулась, проводив взглядом парочку туристов, и обратила все внимание на прогрузившееся окно программы. Пальцы застучали по клавиатуре, а надежда доделать интервью до открытия офиса всё ещё не покидала Александру, хотя и была такой же хлюпкой, как защитное стекло на телефоне.

— А что это такая красивая девушка делает одна?

Наушники были лучшим изобретением человечества — в них можно было легко игнорировать навязчивых людей. Чем Александра всегда успешно пользовалась. Она ленивым пустым взглядом скользнула по нарушителю ее спокойствия. Светлые волосы, голубые глаза и белозубая улыбка на смазливом лице — все то, что она бы нашла привлекательным каких-то десять лет назад. Сейчас же ее это скорее раздражало до боли в зубах, а едкие слова так и норовили сорваться с языка.

— Мне почти тридцать, мальчик.

Обычно это производило нужное впечатление на назойливых подростков, но, кажется, в

этот раз ей не так повезло.

— Женщины, как вино. С каждым годом становятся только лучше.

Парень широко улыбнулся и опустил на соседний стул, подперев голову рукой.

— Главное, чтобы в изюм не превратились, — хмыкнула Александра, не отрывая взгляда от тусклого экрана ноутбука.

— Я люблю изюм.

Александра раздражённо сжала пальцы в кулак, пытаясь сосредоточиться на тексте статьи, но слова плыли перед ее глазами, а смысл ускользал, как бы девушка ни пыталась за него ухватиться. Она потёрла глаза, мысленно радуясь, что никогда не красится, и широко зевнула. Мысли суетились маленькими муравьями, парень продолжал сидеть рядом и пялиться на неё, как будто он пришёл в Античный отдел Эрмитажа.

Александра усмехнулась: она уж точно не была похожа на одну из этих мраморных статуй. Маленький рост, вздёрнутый тонкий нос и слишком большие для ее лица чайные глаза всегда делали Александру главным объектом насмешек одноклассников.

Парень уже открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но в этот момент сотрудник выкрикнул имя Александры, и девушка подорвалась с места, поспешив забрать свою горячую, дымящуюся молочным паром чашку.

Навязчивый «поклонник» присвистнул.

— Да в такой и утопиться можно!

Парень бросил многозначительный взгляд на кружку в руках Александры.

— Уж всяко лучше, чем находиться в компании людей, не понимающих с первого раза, — хмыкнула Звягинцева и сделала небольшой глоток.

Обычно хватало одного ее взгляда, чтобы люди поспешили откланяться и ретироваться, однако сегодня действенная методика дала сбой. Парень продолжал сидеть рядом, болтал ногами и крутил в руке телефон.

— Андрей. Андрей Морозов, — парень резко выпрямился и протянул Александре свободную руку. — Мамина гордость, папина радость. — Андрей рассмеялся собственной шутке, но тут же осёкся и замолк под взглядом Александры.

Звягинцева посмотрела на протянутую ей руку и отвернулась к окну, потягивая горячий горький кофе.

— А, у, — Андрей почесал затылок, — прекрасной дамы есть имя?

Александра помедлила, прежде чем ответить, давай Андрею возможность осознать, что ее имя только что выкрикивал сотрудник кофейни.

— Для вас Александра Вячеславовна. — Девушка не смотрела на Андрея, рассматривая в стекло толпы подвыпивших школьников. — Еще вопросы? Я уже начала входить во вкус.

Александра резко обернулась к Андрею. Тот вздрогнул от ее движения и едва не выронил телефон. Уголки губ Александры дёрнулись в слабой усмешке, и девушка тут же поспешила спрятать ее в потоке нового кофе. Неловкость ситуации не могла скрасить даже тихая успокаивающая музыка, обволакивающая Александру. Андрей молчал, глядя на Звягинцеву своими яркими глазами, а та упивалась своим превосходством, уже планируя следующий удар.

— Еще будут вопросы, товарищ следователь?

— Что? Да. То есть нет, — растерявшись, замотал головой Андрей. — Я не следователь. По правде говоря, я никогда не хотел им быть.

— А вы спрашиваете, как заправский сотрудник органов, — хмыкнула Александра, и ее

осенила мысль. — Журналист?

Андрей сразу приосанился и гордо вскинул подбородок, подтверждая догадку Звягинцевой. Девушка медленно кивнула, не отнимая чашки от губ, и мягко невесомо улыбнулась.

— А как вы догадались? — спохватился Андрей. — Я настолько профессионально задаю вопросы?

— Нет. Вы настолько топорны, что могу предположить, что вы студент и еще ни дня не работали по профессии.

— И снова в точку.

Андрей поджал губы и поник, словно Звягинцева попала в цель, даже не целясь. Александра отвернулась, вглядываясь в освещённую золотистыми лучами улицу, и сделала глубокий и быстрый глоток, о чем тут же пожалела. Горячая жидкость обожгла горло, а горький привкус растёкся на языке патокой, забираясь в каждый уголок ее рта. Девушка сделала еще один глоток, пытаясь отогнать это наваждение, но это не помогло — горький вкус становился лишь сильнее, заставляя Александру морщиться и кривиться.

— Все хорошо? — Андрей обеспокоенно посмотрел на девушку и подался было вперед, но та тут же остановила его жестом.

Прочистив горло двумя громкими и надрывными покашливаниями, Александра ударила себя кулачком по груди и отставила в сторону чашку. Взгляд зацепился за мерцающие на экране буквы — пытаться написать хоть что-то было глупой затеей. Слова никак не хотели складываться в связные предложения, а тема, поначалу показавшаяся Александре заманчивой и перспективной, на деле оказалась очередной пустышкой. Что ж, придётся снова просить у редактора отсрочку, и Александра не была уверена, что ей ее дадут.

В конце концов, кто будет держать у себя сотрудника, который уже три месяца не может выдать одну несчастную статью?

— Что бы вы сделали, будь у вас возможность не работать и жить в своё удовольствие? — не отрываясь от экрана, поинтересовалась у Андрея Звягинцева.

Юноша что-то невнятно крикнул, и Александра обернулась, выгнув дугой тёмную бровь.

— Что, простите? — она нахмурилась.

Андрей хотел было что-то сказать, но его прервал звонкий голос баристы:

— Один большой латте на кокосовом молочке со взбитыми сливками и шоколадной крошкой для Андрея!

Морозов тут же подскочил и бросился за своим заказом, а Александра посчитала это удачной возможностью быстро скрыться от навязчивого кавалера. Крышка ноутбука негромко хлопнула, и Александра ловко подхватила компьютер, закинула сумку на плечо и вылетела прочь из кофейни на оживающий под лучами солнца проспект.

Тени начинали постепенно отступать, но это не решало основную проблему Александры. До работы было еще несколько часов и нужно было где-то скоротать своё время. Бесцельно бродить по улицам девушка не хотела, а снова сидеть под дверьми офиса — только вызывать новую порцию раздражения со стороны ворчливого старенького охранника и всемогущей уборщицы, для которой время до восьми утра было лучшим, чтобы высасывать из людей энергию. Если бы Александра трижды не проверила бабу Валю, то все еще верила бы, что та энергетический вампир. Но, увы, Валентина Степановна оказалась всего лишь скучающей пенсионеркой, единственными развлечениями которой были поездки на автобусе в пять утра и обсуждение молодёжи на лавочке у подъезда.

Спасение нашлось в небольшом тихом дворике недалеко от работы Александры. Крона развесистого дерева накрывала собой скамейку, и Звягинцева решила не раздумывать слишком долго. Рюкзак рухнул на свежеекрашенное сиденье, ноутбук приветливо отозвался переливами загрузки, а пальцы Александры тут же застучали по клавиатуре. Тишина двора помогала, слова сами складывались в предложения, а предложения тут же перетекали в яркие образные фразы. Жизнь дворовых кошек в последние десять лет — была не той темой, о которой Александра мечтала, но устроившаяся в ногах рыжая кошка мурчала так громко и уютно, что девушка даже не думала над тем, что она пишет.

Три часа пролетели за работой, как несколько минут.

Александра почти не отрывалась от экрана ноутбука, изредка поднимая голову и жмурясь от яркого солнца. Пару раз она провожала взглядом прохожих, и в какой-то момент ей даже показалось, что она видела того навязчивого Андрея, проходящего в сторону ее работы. Девушка тут же отмахнулась от этой мысли, списав все на своё богатое воображение.

В конце концов мало ли что может привидеться утром на небольшой городской улочке.

***

— Мы очень рады приветствовать вас...

Александра остановилась около знакомой двери, прижимая к груди свой ноутбук с готовой статьёй. Голос начальства был необычно радостным и приветливым для восьми утра. Придя на работу, Звягинцева поспешила бросить все свои вещи на рабочем месте и громко затопала по коридору в сторону дальнего кабинета. Еще только утро — а девушка уже морально выжата прошедшими сутками.

Быть может, босс отпустит ее, когда она покажет статью?

— Я тоже рад. Надеюсь, я не доставлю вам лишних неудобств. Не хотелось бы, чтобы из-за меня вставала работа всего офиса.

Александра прислушалась. Голос показался ей знакомым, но как бы она ни напрягала память, она не могла вспомнить, чей он. Осторожно постучав, Александра приоткрыла дверь, нырнула в полутёмный кабинет и...

...тут же замерла на месте.

Андрей Морозов. Кажется, именно так звали того навязчивого парня из кофейни. Непрофессиональный журналист. Студент. И в этот момент он полуразвалился в мягком кресле напротив начальника Александры.

— Я... Я вам не помешала? — Звягинцева нахмурилась, не сводя с Андрея взгляда.

Тот выглядел не менее озадаченным подобной встречей и поспешил подняться на ноги, проявляя те немногие крохи джентльменства, какие у него еще остались. Или же Александре хотелось так думать. Звягинцева поджала губы и вскинула подбородок, переведя взгляд на начальника, который в свою очередь выглядел весьма озадаченным.

— Нет, нисколько, — мужчина почесал аккуратно подстриженную бороду и поднялся вслед за Андреем. — Это наш новый стажёр. Будет проходить с нами учебный курс, чтобы...

— Чтобы получить зачёт, — с улыбкой закончил за него Андрей. — Знаете, сейчас столько проблем с получением какой-нибудь подписи. А оставаться без стипендии не хочется. Две тысячи лишними не бывают, — с многозначительным видом протянул Андрей.

С момента их встречи в кафе шутки Андрея не стали лучше, но Александра бы сильно удивилась, если бы за три часа парень смог продвинуться в своих умениях дальше телевизионных комиков.

— Очень приятно, — сухо отозвалась Александра. — Я принесла вам статью, как и обещала, Максим Олегович. Если есть минутка, то я была бы признательна, чтобы вы посмотрели и...

— Брось свою статью. Сейчас есть дело поважнее, — отмахнулся начальник и поправил съехавшие подтяжки.

Александра замерла с протянутым раскрытым ноутбуком и только удивлённо моргала, глядя на начальство. Она не была уверена, что повергло ее в шок больше: то, что статья, из-за которой ее дёргали несколько недель, сейчас оказалась совершенно не нужна начальнику, или то, что ее внутренний голос кричал как можно быстрее разворачиваться и убегать из кабинета, чтобы не найти себе проблем на голову.

Но вместо этого она продолжала стоять и смотреть на довольного собой начальника и не менее радостного Андрея, от выражения лица которого сводило до боли зубы.

— Если вас не затруднит мне объяснить...

— Конечно! — снова оборвал ее мужчина. — Так как Александра — наш лучший и самый ответственный сотрудник...

Статья, которую Александра задержала почти на месяц, пронеслась перед глазами Звягинцевой, а все исчерканные комментариями текстовые файлы начали водить в ее голове хоровод, заглушая своими криками все дальнейшие слова Максима Олеговича. Ноги медленно сделали два шага назад, но уйти незамеченной Александре бы уже не удалось: Андрей не сводил с неё взгляда, а начальник что-то оживлённо ему рассказывал.

Звягинцева даже ненароком вспомнила пару проклятий на расстройства кишечника, гадая, стоит ли испробовать их на боссе или еще подождать.

— ...вот поэтому мы поручаем это ответственное задание именно тебе! — Максим Олегович посмотрел на Александру, широко улыбаясь, а девушка поняла, что прослушала все, что он только что говорил.

— Я... задумалась. Вы не могли бы повторить?..

— С радостью! — привычка обрывать ее на полуслове начинала надоедать, но другую работу Александра все еще не нашла. — Посоветавшись, мы решили передать Андрея под твоё руководство. Расскажешь ему все. Обучишь. А он тебе поможет. Всего лишь две недели плодотворного сотрудничества. А нам от университета деньги за содержание их студента. Должна же быть от него какая-то польза.

— Эй! — возмущённо воскликнул Андрей.

— Мамке своей будешь эйкать, — буркнула Звягинцева.

— Александра!

Девушка насупилась, захлопнула ноутбук и прижала его к груди.

— Я уже двадцать восемь лет Александра. Придумайте что-нибудь новенькое.

Максим Олегович хотел было сказать что-то еще, но Александра воспользовалась его минутной заминкой и вылетела в кабинет, хлопнув дверью и осыпав начальника и Андрея хрустом слетевшей с потолка штукатурки. Александра еще пожалеет об этом решении, но сейчас она хотела поскорее найти ближайший кулер, чтобы смыть изо рта эту горечь после кофе за пятьсот рублей.

Потому что горче кофе могла быть только жизнь Александры в ближайшие две недели.

Глава 2. Следующая остановка — крематорий

— А где будет моё рабочее место?

— Я бы предложила тебе коврик, но он один и на нем уже расположился стул бабы Вали.

Александра была готова бросить свой ноутбук на рабочий стол с такой злостью, что тот тут же бы разлетелся на маленькие кусочки. Но Звягинцева всегда бережно относилась к технике, а потому предпочла аккуратно положить ноутбук на стол, бросить на Андрея хмурый взгляд и с размаху плюхнуться в мягкое глубокое кресло. Носочками Александра тут же оттолкнулась от пола и развернулась к парню спиной, уставившись в построенное практически впритык за окном здание.

— Ну, я в принципе и постоять могу, — пробормотал Андрей.

Александра промолчала, глубоко вздохнула и потёрла переносицу.

— Сделай мне кофе. А там посмотрим, — Александра жестом указала Андрею на старенький автомат для капучино. — У тебя две минуты.

Две минуты. Ровно столько, сколько обычно требовалось Александре для принятия окончательного решения. Девушка никогда не раздумывала долго, но порой обстоятельства требовали тщательного изучения и выбора: что будет лучше для других и как будет лучше поступить самой Александре. Две минуты обычно помогали Звягинцевой сохранить нервные клетки при работе с...

Александра замотала головой, отгоняя от себя воспоминания, и вздрогнула, когда перед ней появился улыбающийся Андрей с кружкой кофе.

— Вот.

Парень протянул его Александре, и та заметила выбитую крупными буквами надпись «Лучшему боссу». Почему-то это вызвало у девушки лёгкую улыбку, и она взяла чашку из рук своего стажёра.

— Не волнуйся. Я не расскажу боссу, что ты взял его кружку, — неожиданно для себя хихикнула Александра.

Парень невнятно пробормотал что-то вроде благодарности и опустился на соседний стул, заискивающе заглядывая в глаза Александры. Девушка неспешно потягивала вторую порцию кофе за это утро, подозревая, что кардиолог ей за это спасибо не скажет, но мозг отчаянно продолжал проводить манифестации, забираясь на воображаемый броневилок, и, картавя, требовал больше кофеина организму.

Андрей взъерошил волосы на затылке и неловко усмехнулся. Александра еще несколько секунд потягивала кофе, а затем развернулась на стуле, громко стукнула чашкой по столу, расплескав немного напитка, и сцепила пальцы в замок. Она не моргая смотрела на Андрея, наблюдая за тем, как парень начинает заметно нервничать, и наслаждалась моментом его беспомощности, как кошка наслаждается загнанной в угол мышью. Александра не любила мстить, но и забыть их первое знакомство она просто не могла.

— Итак, первое правило нашей работы. — Александра выдержала театральную паузу. — Я всегда права. Если тебе кажется, что я не права, то лучше перекрестись. Трижды. Но не при мне. А то я подумаю, что ты сумасшедший. И откажусь с тобой работать...

Звягинцева выдумывала правила работы в их агентстве на ходу, а Андрей слушал Александру с таким серьёзным видом, что ей даже почудилось, будто он действительно

верит тому, что она говорит. Морозов хватал каждое слово девушки так, словно это было самым важным в его жизни, и даже не давал ей ни малейшего шанса отдышаться от внутреннего смеха.

— Да я это, — отмахнулся Андрей. — Не верю я в бога, вот! — Морозов сделал большие глаза и поднял вверх указательный палец. — Бабушка в детстве пыталась таскать меня в церковь, а этот их священник местный пытался меня чем-то напоить. Так я истерику устроил. Вот кринж бабка моя словила...

— Так. В стенах этого офиса ты забываешь такие слова, как «кринж», «хайп», «инсайт», «ресурс», если только это не интернет-ресурсы. Говорим нормальным русским языком, — цокнула языком Звягинцева и, нажав на рычаг под сиденьем, откинулась назад вместе со спинкой стула. — Эссе размера Толстого я от тебя не жду. Но постарайся хоть немного проявить свои знания.

— Окей, — Андрей тут же спохватился и замотал головой, — то есть хорошо, понял.

Александра довольно улыбнулась, оценивая результат, который получился у неё довольно неожиданно. Наверно, не стоило так сильно перебарщивать с аурой, но парню будет полезно определить для себя границы дозволенного.

— Тик-токи не снимаем. Сториз в инсту не выкладываем и на работе работаем, а не чатимся с друзьями. И уж тем более не играем. Работы обычно у нас не так много, так что, — заключила Александра, — быстро все сделаем, раньше пойдёшь домой.

Андрей кивал каждому слову Александры, и его взгляд неожиданно вспыхнул и загорелся огнём энтузиазма — главным признаком того, что дело плохо.

— А что... что я буду делать? — Андрей подался вперёд, заглядывая Александре в глаза.

Звягинцева отпрянула и, оттолкнувшись носком, отъехала немного от Андрея.

— Приносить мне кофе, носить мой рюкзак и делать все, что я тебе скажу.

— А я буду брать интервью?

Бровь Александры изогнулась дугой, а губы скривились в едкой насмешливой ухмылке.

— Ну, если дворовые коты тебе что-нибудь расскажут, — пожала плечами девушка, — то пожалуйста. Бери интервью.

Звягинцева прикусила щеку, гадая, не перегнула ли она палку, но Андрей, кажется, даже не уловил иронии и сарказма в словах Александры. Девушка схватилась руками за столешницу и подтянулась поближе к офисному компьютеру, рассеянно нажав на пробел. Экран вспыхнул, выбросив на рабочий стол короткий список задач от босса, чья чашка сейчас стояла в луже из кофе.

— Итак, — Александра пробежала взглядом по поручениям, — сегодня нам надо взять одно интервью. Брать его, как ты понимаешь, буду я. Твоя задача — стоять и не отсвечивать. Потом я тебе пришлю материал, ты его оформишь и отправишь мне на правки.

— Мне казалось, — с сомнением протянул Андрей, — что это немного не так работает.

— Много ты понимаешь. У нас экспериментальное журналистское бюро, — с улыбкой протянула Александра.

Экспериментальное журналистское бюро, все выпуски которого напоминали криминальную сводку, было организовано Максимом Олеговичем Роговым несколько лет назад в целях поддержки потерявших работу коллег. О настоящей деятельности офиса знали немногие, а сами сотрудники предпочитали хранить гордое молчание, сочиняя на досуге статьи о жизни дворовых котиков, заброшенных колодцах и проблемах терморегуляции в трамваях в летнюю жару.

И причины, по которым начальство решилось на сотрудничество с университетами, все еще оставались для Александры загадкой.

Андрей понимающе промычал, но по пустому взгляду было ясно, что понимал он ровным счётом ничего. Однако, как истинный студент, старался сделать вид, что от первого и до последнего слова информация впиталась в его мозг и прочно осела там.

— Кстати, — Александра взглянула на маленькие цифры на экране, — если ты поторопишься, то успеешь закинуться кофе. Поверь, тебе не помешает кофеин. Ведь там, куда мы отправимся, царит вечный сон и беспросветная скука.

***

Старая квартира в центре города на подходе встретила Александру знакомым запахом пыли и горелого мяса. Звягинцева даже несколько раз на всякий случай осмотрелась в подъезде, но, увы, никого, кроме двух облезлых черных котов, не увидела. Андрей переминался с ноги на ногу за ее спиной и негромко вскрикнул, когда вместо привычного звонка раздалось воронье карканье. Александра рассмеялась и стала дожидаться, когда шаркающая за дверью хозяйка соизволит открыть им дверь.

Ровно в тот момент, когда дверь распахнулась, Александра начала жалеть, что прогуливала уроки плавания в школе — сейчас ей определенно пригодились бы навыки пловца и умение задерживать дыхание. Смрад, поваливший из квартиры, разъедал глаза, а лёгкие начинали гореть изнутри, стоило только первым тонким ручейкам воздуха проникнуть в них. Андрей, казалось, не испытывал таких проблем, но и он поморщился и неуверенно перешагнул порог квартиры, вертя головой и отшатнувшись от возникшей перед ним бабушки.

— А я уж вас заждалась, милки, — запричитала старушка. — Снимайте обувь. Тапочки под шкафом, — она кивнула на полуразложившийся деревянный «гроб». — И проходите поскорей. Не заставляйте бабушку ждать. Вы ж не смерть, чтоб я к вам готовилась.

Андрей непонимающе посмотрел на Александру. Та осторожно захлопнула дверь и, не снимая обуви, прошла дальше по коридору, остановившись около одной из комнат.

— Почему тут так воняет? — полушёпотом пробормотал Андрей.

— Если бы я знала.

Александра покачала головой и осторожно осмотрелась по сторонам. На старом серванте лежал настолько толстый слой пыли, что для его снятия потребовался бы топор: было проще разломать мебель и выкинуть, чем пытаться привести ее в былое состояние. Под диваном Александра заметила спящего кота, но решила его не трогать, а затем зацепилась взглядом за старинную люстру, на которой почему-то повисло несколько пар женских трусиков из отдела для тех, кому больше восемнадцати лет. Судя по удивлённому присвистыванию Андрея, он тоже заметил столь неожиданную деталь обстановки.

— А бабуська походу после смерти деда бросилась во все тяжкие, — захихикал Андрей, но тут же замолчал под хмурым взглядом Александры.

— Не бабуська, а Алевтина Георгиевна. И следил бы лучше за своим внешним видом.

Морозов тут же виновато подтянул сползающие штаны и потуже затянул ремень.

— Есть, товарищ капитан.

— Оставь свои шуточки для друзей.

Александра принялась. Сладковатый запах палёного полуразложившегося мяса становился сильнее, чем ближе они приближались к небольшой кухне, где их уже ждала старушка. Сомнение, поселившееся внутри девушки, с каждым шагом становилось сильнее,

и Александра безуспешно пыталась высмотреть главный атрибут квартиры любой пенсионерки: богатый иконостас, которого, увы, не было ни в одной комнате. Даже в небольшой комнате около кухни не было ничего примечательного, кроме текущего ручейком унитаза и рыжей от ржавчины ванны.

— Да вы проходите поскорее, не стойте в дверях!

Сиплый голос старушки раздался прямо над ухом Александры, и она обернулась, заметив, как Андрей мелко вздрогнул. Низенькая горбатая старушка улыбнулась беззубым ртом и, махнув Александре и Морозову, заковыляла к столу покачивающейся походкой. Старый советский антураж дополнялся крупной бронзовой люстрой, кажется, оставшейся еще со времён первых владельцев этого дома, когда квартиры не были поделены перегородками на маленькие комнатухи.

Отталкивающий запах, преследовавший Александру с самого порога квартиры, резью ударил по глазам. Маленькие слезинки тут же набежали в их уголки, и Звягинцева несколько раз быстро моргнула, пытаясь избавиться от неприятного чувства. Теперь источник вони стал для Александры предельно очевидным.

Алевтина Георгиевна. Та самая старушка, у которой они должны были брать интервью.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, чтобы быстрее привыкнуть к местной обстановке, Александра села на предложенный женщиной стул. Рюкзак бесформенной массой рухнул к одной из кривых шатающихся ножек, — Алевтина Георгиевна смерила все это действие недовольным взглядом, — а Александра выудила из него ручку и блокнот, который обычно использовала для работы. Андрей остался стоять рядом, неловко замявшись и упустив единственный из оставшихся двух стульев.

— Что ж, Алевтина Георгиевна, вы ветеран труда, заслуженный работник птицефабрики и многодетная мать, — Александра скептически выгнула дугой бровь и окинула взглядом небольшую кухоньку. — Не тесно было вдесятером жить в такой квартире?

— Ой, в тесноте да не в обиде, дочка, — отмахнулась старушка. — Грех мне было жаловаться, когда Г... когда мне столько счастья привалило.

— Так значит, счастливый брак и хорошая должность, — Александра чиркнула в своём блокноте.

— Я думал, сейчас уже никто не пользуется блокнотами, — перегнувшись через ее плечо, протянул Андрей.

Александра резко захлопнула книжечку и взглянула исподлобья на Андрея.

— У меня свои методы работы, — коротко кивнула Звягинцева. — А теперь не мешай и слушай. Вдруг ты не совсем бесполезен.

— Я все слышу!

Андрей обиженно фыркнул и отошёл в сторону, рассматривая выставленные на полке баночки с приправами. Александра пробежала взглядом по намеченному списку вопросов и уже хотела задать следующий, но только она открыла рот и постучала ручкой по столу, как кухню сотряс звон разбивающегося стекла. Найти источник шума не составило труда: Андрей, потянувшись за одной из банок, оперся на хлипкую деревянную полочку, не выдержавшую такого грубого обращения с собой.

— Ой, милоч. Ты шо это наделал?! — всплеснув руками, запричитала старушка и схватилась за грудь, откинувшись на спинку стула. — Ай, сердце прихватило! Что-то нехорошо мне стало. Прямо тут, кажись, и помру. И никто про бабушку не вспомнит.

— Ну что вы, Алевтина Георгиевна, — опешил Андрей. — Я все сейчас соберу. Где у

вас веник?

Его глаза тут же забегали по кухне в поисках нужных предметов быта, а Александра негромко хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

— Ох, Петра Михалыча да веником, — захныкала бабушка. — Ничего святого у молодёжи не осталось. Видел бы он это — умер бы на месте со стыда. Ой, дочка, нехорошо мне. Поддай капельки мне.

— Хорошо, мать. Как скажешь, — холодно отозвалась Александра.

Звягинцева бросила блокнот в рюкзак и поднялась на ноги. Кривая дверца подвешенного шкафа открывала вид на ряды стройных лекарственных баночек, и Александра вытащила одну из них, тут же вернувшись к столу. Андрей смотрел на старушку выпученными глазами, медленно сглотнул и перевёл взгляд на рассыпавшийся около его ног серый порошок.

— Я думал это перец, — растерянно пробормотал Морозов, почесав затылок. — А это... это...

— Андрей, подожди меня на улице, ладно? — Андрей открыл было рот, чтобы возразить, но Александра тут же резко его перебила: — Пока ты не стал следующим, кого она сожжёт.

Парень послушно кивнул и испарился, словно его здесь никогда не было. Находиться еще хотя бы минуту в этой квартире он явно не хотел, и Александра смогла облегчённо выдохнуть.

Звягинцева небрежно бросила рюкзак на пол и опустилась на стул напротив ковыряющейся в тарелке с кашей Алевтины Георгиевны, заглядывая той в глаза.

— Ах, Алевтина Георгиевна, кто же хранит прах своего мужа на кухне среди кардамона и кари? Наверно, тот кто использует его как приправу? — Александра протянула старушке баночку с корвалолом и тут же отдернула руку, не позволяя старушке его забрать. — А теперь расскажи-ка мне, зачем ты старушку мучаешь?

Ложка громко звякнула о тарелку, и старушка удивлённо уставилась на Александру, причмокивая бледными морщинистыми губами.

— Не понимаю, о чем ты дочка. Стара я уже. Глуха. Сердце вот что-то побаливает...

— Не надо пытаться меня обхитрить, — едко отозвалась Александра и подалась вперёд. — Я почувствовала тебя, как только перешагнула порог этой квартиры. Опять пытаешься издеваться над людьми, вселившись в старушку? Что теперь? Сгоняешь школьников с высоких сидений в автобусах, а потом не садишься? Ездишь в пять утра по маршруту и всех клюкой бьёшь? Или все время вызываешь скорую, потому что в глазах темно? Подсказка — у людей есть электричество. Его можно включать.

— Ой, Звягинцева! А я без Стаса тебя и не признал, — тихий писклявый голос старушки тут же перекатился в тяжёлый мужской бас, а губы бабушки растянулись в язвительной ухмылке. — Сколько лет, сколько зим.

— Три зимы и два лета, если тебя это интересует, — фыркнула Александра, потрянув собранными в хвост волосами. — А теперь отвечай на вопрос. И что это за спектакль ты тут устроил? А, Медей?

Старушка хитро прищурилась, перебирая своими крючковатыми пальцами рассыпанную по столу крупу, и улыбнулась.

— Так что ж мне еще делать? — пожалала плечами женщина; слова извергались из неё потоком низких утробных звуков, а губы едва шевелились, превращая ту в чревоушателя. — На работе скука смертная. Начальник — сущий дьявол, — старушка гаденько хихикнула

басом. — А зарплату задерживают уже на триста лет. А мне кушать между прочим хочется. Могла бы и войти в положение старушки.

— Поэтому ты решил полакомиться душой этой женщины? — скептически выгнула бровь Александра.

Медей нервно усмехнулся и повёл плечами, отчего спина бабушки подозрительно хрустнула и выгнулась дугой. Тело женщины начало дрожать, пальцы крючились в судорогах, а глаза начали судорожно вращаться в глазницах. Из горла, скрипя и скрежета, вырвались низкие надрывные хрипы, стул приподнялся, и старушка нависла над Александрой коршуном, пуская пузыри из слюны. Вероятно, этим Медей хотел произвести пугающее впечатление на Александру, но та лишь тяжело вздохнула и, потянувшись к своему рюкзаку, достала небольшой черный блокнот с красно-золотым причудливым узором на обложке.

— Можешь не стараться, — перелистывая страницы, пробормотала Александра. — На меня твои уловки не действуют. Был бы на моем месте кто-нибудь из младших сотрудников — пожалуйста, развлекайся на здоровье. А моё время лучше не трать.

Стул грузно рухнул на пол, и старушка вздохнула:

— Ну ладно. Не больно-то и хотелось. А что это ты делаешь?

Женщина подалась вперёд, и Звягинцева резко захлопнула записную книжку, подняв на Медея взгляд и прошипев под нос:

— Вспоминаю, который раз ты нарушил закон. У тебя было три предупреждения о незаконном занятии тела старше шестидесяти лет. Это последнее, — девушка многозначительно постучала пальцем по столу и откинулась на спинку стула.

Лицо старушки побледнело. Кончик языка облизал сухие морщинистые губы, а пальцы сцепились в замок.

— М-может, мы как-нибудь договоримся? — нервно пробормотал Медей. — Все-таки не чужие друг другу люди. Я готов на...

— С начальством своим договариваться будешь, — фыркнула Александра, поднимаясь на ноги. — Когда я доложу им о тебе. Возможно, Асмодей даже выслушает тебя. Если у него будет хорошее настроение.

— Александра...

— Для тебя — Звягинцева. Или же старший советник Звягинцева, — холодно отчеканила Александра, чувствуя, как каждое ее слово иголками вонзается в старушку. — Никуда не уезжай. Я все равно тебя найду, только в этом случае разбираться с тобой буду уже я. А наши методы ты знаешь. Уверена, у тебя найдётся еще одна урна. Разговор окончен.

Звягинцева наугад кинула блокнот в рюкзак, закинула его на плечо и быстрым шагом вылетела из квартиры. Сердце бешено колотилось в груди, ударяясь о плотную клетку рёбер. Ладони вспотели, и девушка нервно сжимала их в кулаки, пока слетала по узким лестничным проёмам. Пару раз ее ноги попытались соскользнуть с покатога края истоптанных за столетие ступеней, но Звягинцева вовремя успевала схватиться за поручни.

Хлопнув тяжёлой входной дверью, Александра остановилась около Морозова, не отрывая взгляда от экрана телефона.

— У нас осталось еще два дела на этой неделе. Одно завтра. Постарайся не опаздывать.

— Что там? — Андрей с интересом вытянул шею, пытаясь рассмотреть буквы на экране.

— Какие-то подростки по ночам проводят свои собрания уже несколько недель. Какой-

то бабушке это не нравится. Говорит, они мешают ей гулять, — пожала плечами Александра, быстро пролистывая сообщения от босса.

— А почему эта бабка гуляет ночью по кладбищам? — удивлённо вскинул брови Андрей.

Александра усмехнулась: это действительно было забавно для Андрея, но Звягинцева уже давно привыкла к подобным вещам. И квартира, из которой она только что вышла, была лишним тому подтверждением.

— Об этом история умалчивает. — Экран погас, и девушка сунула телефон в карман. — Останется время, можешь расследовать прогулки этой бабушки по кладбищам. Но только после репортажа о сектантах, — тут же угрожающе вскинула указательный палец Александра, завидев вспыхнувший в глазах Андрея энтузиазм. — Сначала все, что у нас по графику. Самодеятельностью заниматься — это, пожалуйста, без меня.

Андрей потупил взгляд и нервным движением поправил сползающую с плеча лямку ремня. Александра потуже затянула хвост на голове и в очередной раз бросила напряженный взгляд на горящее лампочкой в стене окно квартиры, прежде чем отдать Андрею последнее на сегодня указание:

— Так что жду тебя на Волковском. Опоздаешь хоть на минуту — и твоя стажировка отправится в утиль.

Глава 3. Если бы мы знали, что это

Сорок, три, шестнадцать.

Знакомый с детства маршрут, который должен был знать любой уважающий себя сотрудник организации, которой Александра посвятила тринадцать лет своей жизни. «Лихоборы» — от одного этого слова маленькая Звягинцева трепетала в немом предвкушении. Однако перспектива провести ночь на практически заброшенном кладбище со стажёром-однодневкой не прельщала Александру, но и лишаться части зарплаты девушка не хотела — Максим Олегович хоть и относился к каждому сотруднику с пониманием, но прощать срывы работы, пусть и номинальной, он просто не мог позволить.

Александра остановилась перед арочными воротами, тщетно пытаясь вспомнить, были ли они на этом месте в прошлый раз, или же память в очередной раз вела с ней свою коварную игру, подбрасывая в костёр агонии все новые и новые воспоминания. Все было в точности, как Александра помнила: такая же лунная ночь, таящая в разносящихся из-за горизонта солнечных лучах, такой же негромкий шум машин в отдалении и перекрикивания чаек. Все как и всегда кроме...

Александра стояла перед входом на кладбище одна, нервно теребила лямку рюкзака и страстно хотела, чтобы рядом оказался кто-то, кто сможет прикрыть ее спину, кто-то, на кого она всегда сможет положиться, кто-то...

— О, я вас уже заждался!

Морозов подскочил к Александре из-за невысокой колонны, но этого небольшого действия и его оклика хватило, чтобы заставить Звягинцеву подпрыгнуть на месте от лёгкой неожиданности — привыкшая ко многому, Александра была готова в любой момент встретиться с неизвестностью. Но Андрей Морозов смог удивить даже ее. Он не был тем, кого она хотела видеть сейчас рядом с собой, но выбирать не приходилось. Теперь этот студент-стажёр — ее единственная надежда и опора.

— Еще раз так сделаешь, и можешь прощаться с жизнью, — негромко процедила Александра, быстрым шагом устремляясь вглубь разросшихся деревьев.

Пару раз Александра оглядывалась, чтобы убедиться, что Андрей следует за ней, а затем резко остановилась на развилке, хмурясь и покусывая губу. Звягинцева не помнила, чтобы на этом кладбище хоть где-то было подобное место, а неожиданно возникший меж трех тропинок камень, заставил Александру невесело усмехнуться и пнуть валяющуюся под ногой гальку.

— Что хочешь потерять? Коня или жизнь?

— Ась? — непонимающе переспросил Андрей, подскочив к Александре сбоку, и уставился оценивающим взглядом студента на внушительных размеров камень, на котором готическими буквами было выбито какое-то послание. — Какая интересная надпись. Хорошо бы еще понять, что там написано. Жаль, что я прогуливал уроки немецкого в школе. О, точно! — Андрей потянулся в карман за телефоном. — Сможете посветить, чтобы Гугл распознал текст? Надеюсь, они поддерживают старые шрифты, а не то...

— Это предупреждение, — оборвала его Александра, сложив на груди руки. — И это не немецкий, а латынь. «Войдя, не бойся, а, побоявшись, уходи». Большого бреда я в жизни не слышала.

— Звучит, как слоган из рекламы презервативов, — Андрей хихикнул и яркой вспышкой

сфотографировал камень.

— Даже не могу поспорить с тобой, — губы Александры тронула лёгкая полуулыбка, и девушка поспешила спрятать ее за маской спокойствия. — Другой вопрос, что он здесь делает и с какой целью. И какой умник додумался его здесь оставить. Интеллектуальные способности этого человека просто поражают.

Звягинцева пару раз стукнула кончиком пальца по подбородку, а затем обошла камень кругом, критический осматривая его в надежде найти хоть что-то, что намекнёт ей на происхождение странной надписи. Увы, только свежий мох и поблёскивающее в свете фонарного столба золото. Ничего, что могло бы выглядеть достаточно подозрительно для намётанного взгляда Александры. Разве что...

— Войдя, не бойся, а побоявшись, уходи, — остановившись перед камнем, еще раз задумчиво протянула Александра и дотронулась до выбитых букв.

Вместо холодного камня ее пальцы ощутили тепло свежей краски. Александра распрямилась и, поднеся руку к лицу, поспешила размазать черную субстанцию по кончикам пальцев. Звягинцева принялась — знакомый тонкий запах пудры и маслянистая консистенция. Тот, кто поставил тут камень, определенно знал толк в женской косметике и глупых розыгрышах.

— Это жидкая подводка для глаз, — хмыкнула Александра в ответ на нахмуренные брови Андрея. — К тому же неводостойкая. Сегодня высокая влажность, и она легко смазывается. А камень притащили вот из той ямы. Она как раз от него и осталась, — Звягинцева коротко кивнула в сторону.

— Но зачем? — Андрей не отрывался от размазывающих подводку пальцев Александры.

— Чтобы отвадить от ночного похода таких, как ты, — усмехнулась девушка. — Ты задрожал, как осенний лист, едва увидел непонятные для себя слова.

Андрей насупился и уже занёс ногу, чтобы пнуть камень, но в последний момент передумал, решив, судя по всему, пожалеть свои пальцы. Парень запихнул руки в карманы и отвернулся от Александры, заставив ту в очередной раз за вечер удивиться. Нет, не поведению своего помощника, а тому, что услужливо подкинуло девушке ее сознание, выписывая слова серебристой краской.

«Хотел бы я стать маркетологом. Или основать свою фирму. Ух. Уже даже слоган придумал! Войдя, не бойся, а, побоявшись, уходи! Что думаешь, Сашка?»

Александра хмыкнула и нервным движением отёрла руку о светлые джинсы. Собранные в высокий тугий хвост волосы до боли тянули кожу головы, а глаза чесались от раздражения.

Чем дальше они брели между покосивших надгробий, тем Александра больше хмурилась, нервно дёргала лямку рюкзака и сдирала облупившийся за неделю лак с ногтей. Тихое непрерывное пение, напоминавшее завывания покойников, становилось все громче, и через несколько мучительных минут резко опустившейся на кладбище тишины, воздух прорезал протяжный истеричный женский крик. Андрей дёрнулся — Александре было хорошо видно, как его лицо побледнело в полумраке ночи, — а затем в искреннем испуге сделал несколько шагов назад, бегая взглядом по окружающим его каменным плитам.

Александра поёжилась. Ей была знакома эта атмосфера неизвестности впереди, и все же даже Звягинцева чувствовала себя неуютно. Тьма вокруг давила, становилась густой и налипала на лёгкие. Дышать было не то чтобы трудно, но каждый вдох гарью оседал в носу и горле. Запах горящих спичек и полыхающего в чашах вина — голова закружилась, словно Александра уже прилично выпила ничем не закусывая, а колени против воли задрожали.

Широкий развесистый дуб, каким-то чудом еще не срубленный оптимизаторами городского устройства и благосостояния, был достаточно удачным место для ведения наблюдения, и Александра, схватив Андрея за локоть, потащила парня в импровизированное укрытие. Голоса были уже достаточно громкими, чтобы можно было разобрать отчётливые слова на латыни вперемешку с незнакомым Александре языком, а свет от горящих факелов отбрасывал на могилы длинные уродливые тени.

Выдохнув и все еще держа Андрея рядом с собой, Александра прижалась к дереву, напряженно прислушиваясь.

Размеренное пение сменялось неразборчивым бормотанием, и тонкий слух Александры мог уловить только отрывки доносящихся фраз. Слегка выглянув из-за ствола дерева, Александра негромко выругалась — укрытие находилось слишком далеко от искусственной поляны, чтобы можно было понять чуть больше, и все же это было лучшим вариантом. Несколько человек в длинных темных плащах столпились в стороне, взволнованно перешёптываясь, пока облачённая в белое фигура размеренно перелистывала страницы потрёпанной толстой книги.

Пламя факелов едва дрожало в стоячем воздухе и не могло отогнать напозающих теней. Приближающаяся полночь зимним холодом разрезала еще неостывшую от жары землю, а опустившаяся на ветку сова, не мигая, уставилась на Александру своими оранжевыми фонарями глаз. Александра никогда не верила в приметы, но сейчас даже Звягинцевой стало немного не по себе, и девушка поспешила отвести взгляд от ночного хищника.

Через несколько минут тишину разорвал дребезжащий будильник. Александра бросила взгляд на часы. Без пяти минут новый день. Фигуры засуетились, их сплочённая до этого группа рассыпалась на маленькие силуэты, тут же заскользившие по земле. Низкий мужской бас сотряс воздух, и фигуры двинулись по кругу, монотонно растягивая гласные, словно были в церковном хоре.

— Но почему они здесь? — Александра непонимающе пробормотала себе под нос, осторожно выглядывая из-за дуба. — Это не их место. И не подходящее время. Если только они... О мой, — Александра запнулась и нервно сглотнула, — дьявол.

Александра побледнела. Желудок скрутило, когда взгляд девушки скользнул по вычерченной на земле белой краской пентаграмме, расставленным в ее вершинах высоким свечам — они показались Александре сначала факелами, — и плавно перемещающимся в темноте фигурам в капюшонах. Слишком знакомая для Александры картинка, которая могла бы показаться кому угодно подготовкой к очередным документальным съёмкам про ящероподобных людей, на деле скрывала под собой более тёмные и смертельные для людей секреты. Сердце Александры заколотилось, ногти с силой вгрызлись в кору дерева, и девушка отступила на шаг.

— Андрей, нужно уходить.

— Что? — удивился Андрей, непонимающим взглядом уставившись на Александру, и вытащил из кармана телефон. — Нет. Мы еще ничего толком не записали. Я должен хотя бы сделать пару фоток для отчёта. Нельзя без них уходить. Тут даже на курсовой проект хватит материала. Сатанисты прямо в центре города. Нужно побольше про них узнать и...

— Андрей, — оборвала парня Звягинцева и снова выглянула из-за широкого ствола дерева, — я сказала, что нам нужно уходить. Значит так нужно.

— А мне кажется, вы просто испугались. Вон как дрожите.

— Это не испуг, а предосторожность.

— Что вы тут делаете?

Знакомый голос раздался совсем рядом с Александрой, и уже через мгновение перед взглядом девушки появилась знакомая светлая копна волос и яркие голубые глаза. Дмитрий Вознесенский, брат... Александра мотнула головой. Было не очень важно, чей он брат и как это связано с самой Александрой. Сейчас Звягинцеву больше волновал совсем другой вопрос: действительно ли они приложили руку к огромному валуну с глупой надписью.

— Дима? — удивлённым шёпотом пробормотала Александра. — Это все-таки ваших рук дело?

— Ты о камне? — парень улыбнулся и пожал плечами. — Пришлось импровизировать. Стас очень хотел попасть сюда, а мне не хочется потом отчитываться, почему люди бормочут бред и все время твердят о демонах.

— Стас тоже здесь?

Не то чтобы Александра была не рада видеть старшего брата Дмитрия, но обстоятельства, при которых они расстались, нельзя было назвать обоюдно-дружескими, но и открытой вражды или ненависти между ними тоже не зародилось. По крайней мере со стороны Александры. Станислав же был настолько же вспыльчивым и эмоциональным, насколько может быть переполненный до краёв чайник, когда температура в ней наконец доходит до точки кипения. Стас еще долго преследовал Александру, предлагая разобраться и вернуться все, как было, но Звягинцева оставалась непреклонной в своём решении. И встретиться сейчас, через несколько лет, показалось девушка верхом случайности и насмешки со стороны этой жизни. Решила Александра много, и после смерти ее точно ждали не белокрылые ангелы в тогах, но даже это было слишком для ее пропащей души.

Дмитрий как-то грустно вздохнул и повёл плечами.

— Ну... да. Я приставлен к нему, как стажёр. Он остался без напарника, — Дима бросил на Александру осуждающий взгляд и покачал головой, — а мне нужно учиться. Это показалось нам вполне хорошим выходом из затруднительного положения. Мой брат не хотел ждать, пока к нему приставят «очередную раскрашенную фифу, которая побоится ответственности и сбежит через несколько месяцев».

— Он прямо так и сказал? — Александра скептически выгнула бровь и хмыкнула.

— Да, — скупой кивнул Дмитрий. — А потом добавил, что никогда в жизни не назовёт сына Александром. Даже если рядом будут подходящие дни для именин, а звезды на небе скажут, что это единственно правильное имя для сына. Или дочери.

Александра помедлила, прежде чем ответить на заочную колкость Станислава. Вознесенский имел полное право злиться на неё и выплёскивать за спиной яд, потому как сделать это лично он уже никак не мог: замки в квартире Александра поменяла в первый же день расставания, а заветная кнопка «добавить в черный список» спасла не один десяток нервов Звягинцевой. И все же иногда что-то внутри начинало невыносимо тянуть, отзываясь сжимающимся сердцем и охрипшим от немых криков горлом.

Но Александра продолжала упрямо повторять себе, что так было лучше для них обоих.

— Я бы на его месте в принципе не стала заводить детей. Его характер и все лучшие качества должны прерваться на нем.

— Смотрю, вы все еще без ума друг от друга, — Дима хмыкнул, пряча за этим смешок.

Александра неловко усмехнулась и в извиняющемся жесте пожала плечами, мол, «да, у нас все очень сложно».

— Андрей, ты... Где Андрей?

— Кто это? — нахмурился Дмитрий и тряхнул светлыми волосами.

— Мой стажёр, и он... — Александра обернулась: Андрея рядом с ней не было. — И кажется, сейчас он попадёт в самую большую проблему в своей жизни.

Звягинцева даже не сомневалась: Андрей воспользовался тем, что девушка отвлеклась и отправился делать заветные фотографии для отчёта. И Александра не могла точно ответить, что пугало ее больше: перспектива, что Андрей поранится или падёт от ножа сектантов, или же что пострадают как раз последние от врождённой неловкости Морозова. Александра нервно усмехнулась, вспомнив разбитую несколько дней назад урну с прахом несчастного старичка.

И словно в подтверждение слов Звягинцевой согнутая фигура Андрея мелькнула в свете факелов. Сектанты, кажется, не обратили внимания на крадущегося к ним тигром Андрея, а Александра побледнела, стоило девушке заметить с другой сторону вычерченной пентаграммы точно такую же сторбленную, как и у Морозова фигуру. Она скользила в ночи незаметной тенью, контрастируя с переваливающимся на каждом шагу Андреем, и достигла импровизированного алтаря гораздо раньше, замерев за спиной одного из участников ритуала.

Дмитрий напряженно засопел за спиной Александры. Андрей выглянул из-за могильной плиты и громко щёлкнул затвором камеры на телефоне. Если бы у Александры сейчас были силы — она бы непременно высказала Морозову все, что думает об умственных способностях последнего, но сейчас все ее внимание было больше привлечено к замершим от наглости чужака фигурам. Несколько из них все также продолжали выводить заунывные песнопения. Другие же обернулись в сторону Андрея.

Свет факелов дрогнул под порывом набежавшего ветра, а листва под ногами, закручиваясь в спирали, устремилась к центру пентаграммы. Фигура в белом двинулась в сторону Андрея, вытаскивая из висящих на поясе ножен кинжал.

— Вот и наша жертва, — низкий хриплый голос вырвался из тьмы капюшона. — Все оказалось намного проще, чем я предполагал.

Морозов, казалось, был слишком увеличен рассматриванием фотографий, чтобы заметить высокого человека за своей спиной, но все же упавшая на экран тень его насторожила. Андрей обернулся и тут же отпрыгнул на шаг назад, ловко перешагнув струящиеся по земле тонкие струйки черного тумана. Камера снова щёлкнула, и на этот раз отшатнулась уже фигура в белом, закрыв глаза рукой от яркой вспышки.

А затем время для Александры замерло. За спиной главаря вновь появилась крадущаяся фигура, взмахнув длинными концами серого шарфа. Пламя факелов потухло, устремившись в ночное небо белёсыми струйками, смешиваясь с наплывающим на поляну туманом и окружая собравшихся плотной стеной. Ветер усилился, срывая с деревьев листья и закручивая их в водовороте в самом центре пентаграммы, где лозы тёмного тумана сплетались между собой в подобие человеческой фигуры. Бесплотный дух проявлялся в воздухе, обрастал налипающими на него листьями и расходился рябью под безжалостной рукой ветра. Александра видела подобное уже несколько раз и могла с уверенностью сказать — ничем хорошим это сейчас не закончится.

Дмитрий замер рядом со Звягинцевой, так же как и она не в силах пошевелиться. Только смотрел на все широко распахнутыми глазами и бормотал себе что-то под нос — его слова тут же тонули в завываниях ветра, чьи порывы стали сильнее, едва не сбивая

Александру и Дмитрия с ног. Фигура в белом что-то вскрикнула и хотела было снова броситься на Морозова, пока тот нервно тыкал пальцами в экран, но яркая вспышка мобильного фонарика прервала неудавшееся нападение.

Белый плащ взметнулся в воздух. Фигура обернулась, и лезвие кинжала прошло в нескольких миллиметрах от стоящего позади Станислава Вознесенского. Громкий хлопок, и Станислава откинуло невидимой силой к черному туману, тут же растворившемуся в воздухе.

Александра успела лишь выскочить из-за дерева, чтобы в последнюю секунду вскрикнуть:

— Стас, нет!

Глава 4. Старые знакомые и новые неприятности

— Кто был вчера на Волковском с полуночи до двух?! Это кто-то из ваших?

— Побойся, Александра. Мы же взрослые люди. Давай я заварю чай и ты мне объяснишь, в чем дело.

Александра ворвалась в кабинет хлопнув дверью и не спрашивая разрешения. Александра ворвалась в кабинет в тот момент, когда ее старый друг и товарищ заваривал чай и перемешивал в чашке чайники пластиковой ложкой для мороженого из ближайшего «Макдоналдса»: экологию он не особо ценил, считая, что человечество умрёт раньше, чем Земля превратится в «безжизненный кусок камня вращающийся вокруг потухшей звезды, прямо как мои братья».

Подобное поведение никому не могло сойти с рук. Кроме Александры Звягинцевой.

Андрей осторожно заглянул в кабинет вслед за Александрой и закрыл за собой дверь, оставшись стоять у входа.

— Слышала, что наши московские коллеги учудили? — хозяин кабинета обернулся к Александре и помешал ложечкой чай в фарфоровой чашке. — Вывесили по всем пабликам объявление о быстром и лёгком заработке. И еще картинку с полуобнажённой девушкой прикрепили. Набрали себе молоденьких сотрудниц из провинции и заставили их работать у себя в офисе рекрутёрами с восьми до шести пять дней в неделю. Еще и без оплачиваемого отпуска. И это они еще нас тут называют снобами, — мужчина притворно возмутился, ставя перед Александрой чашку дымящегося чая. — Сущие демоны.

Его губы растянулись в ухмылке, и мужчина рухнул в кресло, жестом предложив Александре сделать то же самое, а не стоять над душой. Звягинцева поджала губы, но поспешила опуститься на стул, чувствуя, как по ногам пошла мелкая дрожь, и бросила рюкзак рядом. Александра посмотрела на Андрея и коротко кивнула на соседний стул. Морозов немного поколебался, прежде сесть рядом с журналисткой.

— Не делай вид, что ты не в курсе, Асмодей, — Александра поджала губы и сложила на груди руки. — Тебя не просто так тут держат.

— Разумеется, — мужчина улыбнулся уголками губ. — Но я не могу следить за всеми. К тому же, ты сама знаешь сколько сейчас развелось подражателей. Всех не упомнишь. А плодятся они с такой скоростью, словно практикуют почкование в домашних условиях. И я даже уверен, что так оно и есть.

Асмодей мягко рассмеялся, и от его смеха кожа покрылась мелкими мурашками. Давний знакомый Александры, он все равно порой пугал девушку своими словами и непредсказуемостью. Даже сейчас, когда Александра с трудом сдерживала громкие смешки над шуткой Асмодея. Он не моргая смотрел на Звягинцеву, сцепив перед собой руки в замок, и, кажется, по привычке втянул ее в гляделки, выжидая, когда девушка первая сдастся.

Андрей закричал, неловко осматриваясь по сторонам, чем тут же привлёк к себе внимание владельца кабинета.

— А это еще кто? — взгляд Асмодея метнулся на Андрея, и рыжая бровь выгнулась дугой.

Александра мельком посмотрела на Морозова и беспечно пожала плечами, мол, «ничего особенного».

— Стажёр.

— Стажёр, — ехидно улыбаясь, повторил за Александрой Асмодей и кивнул, словно в этом слове было вложено намного больше, чем просто «студент-третьекурсник».

Щеки Александры вспыхнули и потянулись горячей плёнкой румянца. Она заёрзала на своём стуле, словно и он раскалился от неловкости вызванной выражением лица Асмодея ситуации, и Звягинцева тут же поспешила замахать руками и быстро пробормотать:

— Да, стажёр. А не вот то, о чем ты сейчас подумал. Вечно у вас все сводится к сексу.

— Ну я же демон. Работа у меня такая, — развёл руками мужчина и затем обратился к Андрею: — Можете звать меня Амадей[1] Петрович. Если вам так будет удобней.

Он протянул Морозову руку. Сказать, что Андрей побледнел после слов Асмодея — было не сказать ничего. Он вжался в спинку стула, быстро заморгал и с недоверием покосился на предложенную ладонь. Андрей медлил еще несколько долгих мгновений, прежде чем глубоко вздохнул и пожал руку в ответ. Асмодей улыбнулся, сдерживая рвущийся из груди хохот, несколько раз тряхнул сжатую ладонь Морозова, и резко бросил ее, так что парень едва не ударился ею о стол.

— А ты все так же любишь каламбур, — закатила глаза Александра.

— Разумеется, — улыбнулся Асмодей. — Надо же как-то вносить краски в свою жизнь.

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент дверь в кабинет со скрипом приоткрылась и из-за неё робко выглянула секретарша, которая до этого безуспешно пыталась остановить Александру. Девушка осторожно огляделась и пискнула:

— К вам там посетители...

— Скажи, что я занят, Ань, — оборвал ее демон. — Пусть подождут часик или два. Если у них срочно. Если нет, то могут прийти в следующий четверг. Там как раз приёмный день. А если будут очень сопротивляться, позови Марка. Он вроде сегодня заступил на дежурство.

Анна кивнула и тут же скрылась за щёлкнувшей замком дверь.

— Рассказывай давай, что стряслось. На тебе лица нет. Вон со стеной уже сливаешься. Я могу еще чая заварить, — Асмодей крутанулся на стуле показывая на чайник за спиной. — Тебе какой? Ромашковый или эрл грей? Или предпочтёшь что-нибудь с корицей и гвоздикой?

— Нет, спасибо, — Звягинцева потёрла пальцами переносицу. — Ничего не случилось.

— Поэтому ты ворвалась ко мне в кабинет в разгар рабочего дня? — ехидно заметил Асмодей. — Нет, конечно, ты могла зайти из любви ко мне, но... Лошадей я тут не развожу, но дерьмом уже пахнет. Обычно ты приходишь вечером или даже ночью. Если честно, я этому удивлён. Недосып плохо сказывается на твоей внешности, Александра.

Асмодей покачал головой и, оттолкнувшись ногой, откатился к чайнику. Откуда взялись еще две чашки, ни Александра, ни Андрей точно сказать не могли, но Звягинцева догадывалась, что это очередная ловкость рук старого друга. Андрей же потрясённо смотрел на то, как Асмодей разливает кипяток по чашкам и несколько раз медленно окунает в воду пакетик.

— Давай, выпей чаю и все мне расскажи, — Асмодей кивнул на стоящую перед Александрой чашку, тут же прокользя на кресле обратно к столу. — С самого начала.

Александра молчала. Слова обжигали язык, взрывались на нем липкой шипучкой с хурмой и никак не хотели складываться в связные предложения. За последнюю ночь произошло слишком многое, и даже минувшие двенадцать часов не способствовали тому, что Александра ясней мыслила. Нет, напротив. Сейчас разум Александры был потянут неприятным осадком недосыпа и растерянности, а кровь, тягучая и медленная, разносила по

венам лишь боль сожалений. Звягинцева едва ли могла вспомнить все, что она делала последнюю половину суток, и единственным, что было как никогда отчётливым, оставалось лицо Станислава Вознесенского в тот момент, когда Александра его окликнула.

И Звягинцева уже успела проклясть себя до седьмого колена за то, что сделала это.

— Стас, — коротко выплюнула девушка, сжимая пальцами лямки рюкзака.

— Что «Стас»? — Асмодей даже не попытался скрыть раздражения, с которым он выплюнул имя парня. — Опять тебя обидел? Ну я ему быстро порчу прицельным огнём наведу. Еще месяца три придётся ходить в туалет раком.

— Нет, он... его... — Александра сглотнула застрявший в горле комок и, бросив взгляд на Андрея, вздохнула. — С ним произошло несчастье. И я не представляю, что мне теперь делать.

— Несчастье? — бровь Асмодея выгнулась дугой, и он, открыв один из ящиков, вытащил небольшую металлическую фляжку. — Несчастье бывает разное. Порча, проклятье, сглаз. Истеричная девушка. Работа в выходные. Задержка зарплаты. ЖКХ. Говори конкретнее, иначе я не смогу тебе помочь.

— Он одержим.

Асмодей хотел было сказать что-то еще, но замер и многозначительно цокнул языком. Пальцы быстро открутили крышку у фляжки, и демон щедро плеснул прозрачной жидкости в расставленные на столе чашки. Он не торопился продолжать этот разговор. Только молча смотрел на Александру, неспешно закручивая крышку кончиками пальцев. Александра физически чувствовала, как его любопытный взгляд пробирается под кожу, расползается там и ищет нужные ответы. Но сейчас девушка была не в настроении на его игры и поспешила переплести ноги, обхватив колени руками.

— Вот как, закрываешься, — язвительно протянул Асмодей, убирая фляжку на место. — Что ж, помянем Стаса. Он был хорошим парнем. Когда не пытался всадить мне пули в задницу. А я не один век потратил, чтоб ее накачать.

Морозов сдавленно-истерично хохотнул.

— Асмодей!

— Ох, Александра, — демон криво улыбнулся, отпивая из своей чашки. — Носишься с этими Вознесенскими, словно они тебе родня. А должна была, по-хорошему, удалить номер этого своего Стаса и держаться как можно дальше. От этих охотничков ничего хорошего не дождёшься. Только и могут, что размахивать кулаками да честной рабочий люд пугать. Вот скажи, зачем он тебе?

— С каких пор ты так беспокоишься обо мне? Не тебе же возиться с Вознесенскими.

— Переживаю я о тебе, Александра, — страдальчески выдохнул Асмодей, тут же соорудив мученическое выражение лица. — И очень даже сильно. По ночам не сплю, а утром, как встану, сразу думаю о тебе.

— Неплохо. Я польщена. Ты не ответил на мой вопрос, — упрямо тряхнула собранными в хвост волосами Александра.

— Так с тех самых пор, как меня сюда назначили. Пришлось приобрести новые навыки. Правда немного нервным стал... — Асмодей резким движением распахнул один из ящиков стола и достал оттуда литровую бутылку валерьянки под удивлённый взгляд Александры. — Что? Вот, учусь сочувствовать людям и переживать за них. Говорят, что очень помогает при работе с вами. Мне же не так повезло, как моим братьям. Тем можно просто сидеть и раздавать указания — американцы и европейцы проще в общении. А с вами вечно нужно

особый подход находить. Вот даже с тобой сейчас. Сидишь, молчишь, не хочешь рассказать мне нормально, в чем дело. Опять начинаешь винить себя и, что самое главное, не позволяешь другим тебе помогать!

Асмодей замолчал. Губы Александры сжались в тонкую полоску, пальцы переплелись до побелевших костяшек и ногти соскребали друг с друга остатки алого лака. Александра видела, как Морозов смотрел на них обоим, и догадывалась, какие мысли крутятся сейчас в голове у этого студента. Что происходит? Почему они здесь? Как это связано с произошедшим? И самое главное — почему все это походит на серию из дешёвого подросткового сериала?

Наконец, Александра выпрямила спину, глядя на Асмодея поверх поднимающегося от чашек дымка.

— Слишком сильно, — едко отозвалась Звягинцева. — Жаль только, что мимо.

— Обманывай себя сколько хочешь. Но мы оба знаем, что это правда.

Асмодей укоризненно покачал головой и сделала несколько глубоких глотков чая. Морозов тоже потянулся было за своей чашкой, но тут же замер, стоило Александру бросить на него предостерегающий взгляд. Не доверять сотрудникам нижних отделов было первым правилом, вбитым в голову Александры, когда она только приступила к учёбе. Но ни оно, ни врождённая уверенность в собственной правоте не уберегли Александру от подозрительных знакомств и специфической даже для ее профессии работы.

Глупо было рассчитывать, что Асмодей поможет. И еще глупее было врываться к нему в кабинет, зная, что ничего не выйдет. Молчание разрывалось треском секундной стрелки и тихим бульканьем пузырей в неоновой лампе.

— А какой он? — вопрос Александры сорвался с кончика языка быстрее, чем Звягинцева это осознала.

Асмодей несколько раз медленно моргнул и, заёрзав в кресле, переспросил:

— Кто?

— Ну... *он*.

Александра попыталась вложить в свой голос всю доступную ей таинственность, но вышло все равно плохо. Почему ей захотелось именно сейчас спросить об этом — оставалось загадкой даже для самой Александры. Ей просто показалось, что это самый подходящий момент, что именно это подскажет ей, что делать со Стасом и их новообразовавшейся проблемой.

Асмодей закатил глаза, фыркнул, а затем громко рассмеялся, похлопав себя по колену.

— Ой дурная ты, Александра. Вот вроде умная, но такая дурная.

Александра в ответ только поджала губы и сильнее стиснула сложенные на груди руки. Асмодей несколько раз вздохнул, подтянул к себе чашку Александры и, резко выдохнув, залпом вылил в себя дымящийся чай. Отставив чашку в сторону, Асмодей крутанулся на стуле несколько раз, а затем резко замер и уставился на Александру из-под сведённых к переносице рыжих бровей.

— *Он* самое несчастное создание в этой вселенной. Но я тебе этого не говорил, — Асмодей тут же вскинул вверх палец и погрозил им Александре. — И ты от меня этого не слышала. Не хватает еще по хвосту получить за длинный язык.

— У тебя нет хвоста, — хмыкнув, Александра откинулась на спинку стула, скептически выгнула бровь и сложила на груди руки.

— А ты проверяла?

Губы Асмодея искривились в ухмылке. Морозов, чьи длинные руки все же добрались до предложенной чашки чая, громко и надрывно закашлял, подавившись напитком. Асмодей коротко кивнул в сторону студента, но Звягинцева только повела плечами, вытянула в сторону одну руку и, не глядя на Андрея, несколько раз с силой стукнула его по спине, после чего снова приняла любимую оборонительную позу насупившегося ученика. Морозов еще несколько раз громко кашлянул, уже самостоятельно ударив себя по груди, и поморщился, скидывая проступившие на глазах слезы.

— Проблемы у нас, Саша, — тяжело выдохнул Асмодей и потёр переносицу. — Я не могу распространяться об этом под страхом смерти, но мы с тобой достаточно долго работаем, чтобы я мог тебе об этом сказать. И проблемам нашим нет конца. Каждый день все новые и новые неприятности. Скоро и до нас, возможно, доберутся.

— Что происходит? — Александра подалась вперед, ловя каждое слово Асмодея. — Это связано с тем, что случилось со Стасом?

— Не думаю. В основном это касается американского департамента, но кто знает... — пальцы Асмодея медленно стучали кончиками по поверхности стола. — Я стараюсь держаться подальше от всех этих интриг и заговоров. Мне еще моя голова на плечах нужна. Но поговаривают... — он замялся, явно подбирая слова и словно бы боясь за все сказанное в этом кабинете. Александра даже могла поклясться, что щеки Асмодея побледнели. — Поговаривают, что в стенах княжеского дворца зреет переворот. А все заговорщики тайно собираются в американском отделе под видом обычных планёрок.

Заговорщики. Планёрка. Это показалось Александре слишком знакомым и банальным, чтобы быть правдой. Но почему-то подкативший к горлу горький комок отдавался привкусом дешёвого кофе из автомобильного вагончика и пережаренной картошкой. Кровь отлила от лица Звягинцевой — щеки тут же обдало холодом ночного кладбища, и она едва смогла разлепить губы, чтобы прохрипеть:

— Как они смеют...

— Смеют, Саша, еще как смеют.

— Эм, я, конечно, дико извиняюсь, но о чем вообще речь?

Подавший голос Морозов тут же сжался под вспыхнувшим опасными огоньками взглядом Александры. Звягинцева обернулась на него, открыла рот и так и замерла. Андрей услышал уже слишком много, чтобы оставаться в стороне — к тому же, именно он был виноват в произошедшем со Стасом. Но и оставаться в кабинете еще дольше, грозило большими проблемами, узнай Морозов то, что должно оставаться дворцовыми секретами княжеских придворных.

— Ладно, — Александра наконец опустила руки и закатила глаза, заметив тут же воодушевившегося Асмодея. — Со Стасом ты все равно не поможешь. Только продолжишь издеваться и шутить. В таком случае... Мы наверно в таком случае пойдём. Пока он еще чего лишнего не услышал.

— Как вам будет угодно, — ехидно оскалился демон. — И знай, что мы всегда рады тебя здесь видеть. Особенно после того, как ты перестала работать на этих мясников из «Лихобор».

— Приятно слышать, что хоть кого-то мой уход порадовал.

Александра немного помедлила, прежде чем подхватить с пола рюкзак. Морозов, все еще растерянно смотрящий по сторонам, поспешил повторить действия Александры, но как он ни шарил рукой около стула, найти там своего рюкзака просто не мог. Потому что его там

и не было.

Александра перекадилась с пятки на носок, почесала кончик острого носа и широкими шагами направилась к выходу, остановившись у самой двери. Рука девушка в нерешимости замерла над ручкой, и Звягинцева обернулась к вальяжно лежащему в кресле Асмодею.

— Ты точно не знаешь, кто это мог быть? — Александра постаралась, чтобы в ее голосе не звучало и капли мольбы, но понимала, что это у неё никогда бы не получилось. — Ну, со Стасом.

— Абсолютно. А знаешь, чиркну я тебе один адресок, — Асмодей сорвал один из ядовито-жёлтых клейких листочков и бросил в сторону несколько ручек в попытках найти ту, что будет писать. — Там часто бывает тот, кто может быть в курсе, что произошло и как помочь твоему Стасу.

— А сам ты не можешь у него узнать? — обойдя застывшего посреди кабинета Андрея, поинтересовалась Александра.

— Упаси меня я, — ужаснулся Асмодей, выводя округлые правильные буквы на листке, и, кажется, этот страх впервые не был наигранным и притворным. — Да он меня убьёт быстрее, чем я рот открою!

— У вас настолько плохие отношения?

— Да нет. Это у него условный рефлекс уже, — отмахнулся Асмодей и повёл плечами. — В общем, найдёшь его в этом кафе. Если тебе очень повезёт.

Демон протянул Александре жёлтый стикер, и Звягинцева тут жехватила его из рук Асмодея. Пристально взглядевшись в написанный там адрес, Александра несколько раз пробежала взглядом по строчкам. Она прекрасно знала это место, потому что они со Стасом сами там частенько бывали. Вот только Александра не могла понять, почему она должна искать помощи именно там, а не в главном департаменте своей бывшей работы или в кабинете у лучшего друга.

Еще раз перечитав адрес, Александра с недоверием покосилась на Асмодея.

— И почему же он не убьёт нас?

— Вы люди.

Кажется, это было достаточно аргументным ответом по мнению демона. Выпытывать еще больше информации Александра не стала, предпочтя остаться в некотором приятном неведении. Свернув листочек в несколько раз, Звягинцева сунула его в карман куртки и, коротко кивнув Асмодею, направилась навстречу ждущим ее проблемам. Уже у самой двери, Звягинцева снова остановилась, и, если бы не стоящий рядом Андрей, несомненно осталась в уютном и родном офисе, за стенами которого можно было легко спрятаться от реальности.

Ручка щёлкнула и, прежде чем окончательно покинуть кабинет Асмодея, до Александры донёлся немного насмешливый голос демона:

— И да, Александра. Будь осторожна. Я, конечно, буду рад видеть тебя по нашу сторону окончательно. Но живой ты мне нравишься больше.

Он всегда шутил, когда боялся.

[1] От лат. amo (любить) + Deus (Бог). Иногда имя использовалось как аналог греческого имени Феофил (Теофил), имеющего сходное значение.

Глава 5. «Стас занят. Перезвоните позже»

— Где Стас?

— Все еще без сознания. Я пытался привести его в чувство. Но ничего не помогает.

Андрей Морозов всегда считал, что хорошо разбирается в людях. Однако на этот раз он понял, что девятнадцатилетнего опыта было явно недостаточно, чтоб понять, что творит на душе у его нынешнего куратора в лице Александры Звягинцевой. Выйдя из невысокого старинного особняка в центре города, журналистка даже не оборачивалась на Андрея: только неслась вперёд по переулкам, быстро печатала что-то в телефоне и несколько раз резко останавливалась, так что Андрей едва не врезался в неё. Они оба не спали уже больше двенадцати часов, и единственным желанием Морозова сейчас было найти ровную и мягкую поверхность, на которой можно было бы подремать пару часиков.

Звягинцева заговорила с ним только раз. Когда они шагнули на трамвайную остановку. Александра сказала, что сегодня он ночует у неё, и, не дожидаясь отказа, вскочила в подоспевший красный вагон. Андрей поспешил за ней, но в трамвае Звягинцева сохраняла молчание, листала ленту в телефоне и все время с кем-то переписывалась, снизив яркость экрана до минимума.

И вот теперь Морозов толкался в тесной прихожей старенькой квартиры, а стены тряслись от проезжавших за окном трамваев и машин.

— Откачку пробовали, Дим? — скидывая рюкзак на пол, пробормотала Александра и заглянула в приоткрытую дверь спальни.

— Конечно. Заряды тоже. И даже обычные методы, — парень, оказавшийся из которого разговора со Звягинцевой неким Дмитрием потёр глаза и зевнул. — Адриан отвесил ему пару пощёчин и сделал искусственное дыхание. Но безрезультатно.

Звягинцева замерла, и следовавший за ней Андрей едва не врезался в спину девушки. Александра вздрогнула и обернулась на Дмитрия, тут же обеспокоенно пробормотав:

— Адриан? А он тут зачем?

— Я позвонил ему, — лениво повёл плечом Дима. — Он все-таки врач. И немного знает о... нашей деятельности. Он всегда помогает, когда Стас влезает в неприятности. Он сейчас на кухне? — Дима коротко кивнул куда-то в стороне обшарпанной приоткрытой двери. — Заливает бессонницу кофе.

Если бы Андрей не заметил, как едва уловимо дрожат веки парня, как напряжены его плечи и как он выдавливая из себя слабую улыбку, он бы непременно подумал, что Диму ничуть не беспокоит то, что его брат валяется без сознания на диване и не пытается подать признаки жизни.

Звягинцева тяжело выдохнула, потёрла лоб и опустилась на ближайший в коридоре стул.

— Ох как это все невовремя, — пробормотала Александра. — Ко мне должен Феликс приехать, а дома проходной двор.

Звягинцева хотела сказать что-то еще, но тут из-за двери кухни появилось очередное незнакомое Андрею лицо. Морозов уже должен был привыкнуть к новым неожиданным знакомствам, преследовавшим его с самого начала стажировки. Сначала странный Стас, испортивший ему отличную фотографию сектантов на ритуале. Потом странный рыжий черт с бородой, считающий себя одним из герцогов Ада. Или королей?

Андрей нервно усмехнулся. Вот он уже пытается вспомнить титул демона. Пора завязывать смотреть сериалы.

Незнакомец в дверях с заинтересованным видом дожевывал кусок бутерброда и тряхнул собранными в небольшой пучок на затылке светлыми волосами.

— Феликс? Он еще не помер?

— Очень смешно. — Александра закатила глаза, вскочила на ноги и, отобрав у мужчины бутерброд, откусила внушительных размеров кусок. — Конечно, не помер. — Андрей едва разобрал, что сказала Звягинцева сквозь пережёвывание. — То, что мертво, не может умереть. А он мёртв уже почти сто пятьдесят лет.

Сопоставив два факта: наличие в квартире еще одного человека и упоминание, что он на кухне, — Морозов сделал логичный вывод, что это тот самый Адриан, которому позвонил Дима. На врача мужчина не слишком подходил. Неряшливый внешний вид, осунувшееся лицо и щетина, что вот-вот перейдёт в полноценную бороду. Андрей непроизвольно почесал свой подбородок, проверяя, не появилась ли и у него щетина. Увы, столь важный для него фактор мужского статуса, все еще не прорезался сквозь кожу.

Александра пробормотала что-то на латышском, — или на латыни, Андрей не был уверен, как этот язык правильно называется, — и Адриан тут же хохотнул, отвечая на этом же языке. Дима не влезал в их разговор. Только беспокойно бегал взглядом по прихожей и все время останавливался на Андрее. И по его взгляду, ждать Морозову ничего хорошего не приходилось.

Тихий навязчивый звук вибрации ударил по ушам Андрея. Морозов заозирался в поисках источника звука, тут же обнаружив его в комнате на тумбочке рядом со Стасом. Телефон вибрировал с таким усилием, что через несколько секунд соскользнул с края тумбы, ударившись ребром о старую парку. Видимо Стас всегда держал телефон на беззвучном.

— Там у него это... — Андрей кашлянул, привлекая к себе внимание, — телефон звонит. Что делать?

Все трое синхронно обернулись на Андрея. Дима вздохнул, Адриан отобрал у Звягинцевой бутерброд и закинул оставшуюся часть в рот, а Александра сжала двумя пальцами переносицу и мотнула головой.

— Ответь на звонок, — сухо приказала девушка. — Нужно узнать, кто это.

«Ответь на звонок». Последний раз, когда Андрей ответил на звонок, на том конце раздался грузный голос военного комиссара. После этого Морозов еще несколько месяцев не подходил к телефону, не открывал дверь незнакомцам и говорил, что родителей нет дома.

Но ответить все же пришлось. Под суровым холодным взглядом Александры, даже айсберг, атаковавший «Титаник», несомненно раскололся бы пополам и пошёл ко дну вместе с кораблём. Так что Андрею ничего не оставалось, кроме как аккуратно приоткрыть скрипнувшую дверь, нырнуть в комнату и вернуться в коридор уже с мобильным. Поколебавшись несколько мгновений, Андрей мазнул пальцем по экрану и приложил телефон к уху.

— Д-да? — Андрей чуть было не выронил телефон из рук, но холодный взгляд, которым его наградила Александра, удержал от необдуманных поступков. — Нет это не... Да, это Станислав. Какое еще задание? Нет, я не пил, — прохрипел Морозов, испуганно поглядывая на Александру. — Честное пионерское. Хорошо, понял.

Андрей с силой вжал нарисованную кнопку сброса вызова на экране и выдохнул. Он усиленно игнорировал направленные на него взгляды трех пар глаз и поднял на них взгляд,

только когда Александра красноречиво кашлянула и развела руками с видом неблагополучных одноклассников Морозова, после которого они обычно отбирали у незадачливых граждан телефоны и деньги.

— Что там?

Морозов нервно хохотнул.

— Призраки в квартире. Попросили убрать побыстрее, а то жильцы в соседней квартире жалуются на шум по ночам. — Андрей помедлил и сглотнул собравшуюся о рту слюну, пытаясь понять, сходит он с ума, говоря это, или нет. — Говорят, что те все время катают металлические шары по полу после одиннадцати и врубают Рамштайн в два ночи.

Дима грузно выдохнул и ушёл на кухню, махнув на Андрея рукой. Александра снова потёрла переносицу — кажется, у неё болели глаза. Насколько мог судить Андрей по ее покрасневшимся глазам. Лицо же Адриана было спокойным и умиротворённым. Кажется, его не особо удивило задание на отлов призраков. Как будто это было чем-то естественным и обыденным для обитателей этой квартиры.

— Больше похоже на маргиналов, чем призраков, — вставил пять копеек Адриан.

Тихий негромкий писк раздался из спальни, и Андрей уже было снова кинула внутрь, но тут же был остановлен врачом, который, вскинув палец, проскользнул мимо Морозова с коротким «Это уже ко мне». Дверь захлопнулась, и Андрею оставалось только гадать, чем занимается за дверью таинственный хладнокровный врач. Но зато Морозов смог уловить тонкий аромат винного перегара, осевший на кожу, когда мужчина пролетел мимо Андрея.

Ждать Адриана долго не пришлось. Он вернулся через две минуты, вертя в руках термометр и недовольно хмурия брови.

— Тридцать два и два. Боюсь дело пахнет горелым эчпочмаком.

— Да у всех такая температура если полежать под открытой форточкой, — пожал плечами Андрей, сунув телефон Стаса в карман.

— Ректально.

— А. Ой.

Из школы Морозов точно вынес знание о том, что нормальная температура тела человека равнялась тридцати шести и шести. Он примерно помнил, что происходит, если у человека жар: белки, денатурализация и структура прочно сидели в его памяти. Или все же денатурация? Морозов мысленно отмахнулся, пытаясь понять, что произойдёт с человеком, если он остывает. И все идеи, которые подкидывал ему разум, намекали на то, что пора покупать венок и заказывать четверых весёлых носильщиков.

Александра не то простонала, не то отправила Андрея в далёкое путешествие и поспешила за Дмитрием на кухню, где уже во всю свистел кипящий чайник. Мимо ноги Морозова что-то скользнуло, и парень отскочил в сторону, прямо в объятия Адриана, чтобы в следующую секунду понять, что это был просто кот. Большой, толстый кот. Он высокомерно поглядел на Андрея, понял, что еды от него не дождёшься, и, махнув хвостом, скрылся на кухне вслед за хозяйкой.

Андрей выдохнул. Но уже в следующую секунду у него над ухом раздалось тихое:

— Я конечно не против, но вообще-то у меня уже есть девушка.

Морозов отпрыгнул от Адриана, неловко улыбнувшись и взъерошив на макушке волосы. Парень оглянулся, шаркнул ногой и решил последовать самому логичному пути к отступлению — перевести тему в интересное для себя русло.

— А вы... Вы давно ее знаете?

Адриан отёр руку о штанину, вскинул светлую бровь и зевнул

— Сашу? Достаточно. Мы были соседями по лестничной клетке, — мужчина потянулся. — Потом как-то наши пути разошлись и я познакомился со Стасом. Который оказался коллегой Саши и ее парнем.

— А, он ее па... — Андрей осёкся, непонимающим взглядом уставившись на Адриана. — Что? Кто?

— Бывший. Сложная история.

Сложная история складывалась сейчас в голове Андрея Морозова. Со стороны кухни раздалось напряженное перешёптывание. Адриан в свою очередь еще раз потянулся, привстав на цыпочках, громко простонал и, отстранив Андрея в сторону, снял висящую на крючке куртку. Врач несколько раз взглянул на часы, еще раз заглянул в комнату ко Стасу и только затем почтил Морозова своим вниманием. В этот же момент из кухни показалась голова Звягинцевой, смотрящей на Адриана с немым осуждением. Взгляд, от которого у Андрея сразу же бежал мороз по коже, оказался для врача не больше чем комариным укусом. Мужчина приветливо улыбнулся Александре, помахал на прощанье рукой и, схватив свою сумку, попятился спиной к двери.

— Ладно. Пойду я. Работы еще полно. Да и у вас тут как-то тесновато становится. Не дай бог еще пол провалится. Вот баба Клава-то удивится, — хохотнул Адриан, скидывая свои пожитки в небольшой портфель. — Звоните, если понадобится помощь. Но только в привычных приземлённых делах. Стасу привет. И напомните, чтоб вернул пять косарей, которые занимал до зарплаты. Уже два года жду. А если помрёт, то так и останусь ни с чем.

Он еще раз помахал Александре, щёлкнул замком, надавил локтем на дверную ручку и вывалился в коридор. Андрей с трудом подавил в себе желание последовать за Адрианом, потому как ноги словно приросли к полу, а взгляд Александры сканировал каждую клеточку его тела. Он мог даже предположить, что она читает его мысли.

— Нет, я не читаю твои мысли, идиот, — фыркнула Звягинцева. — У тебя все на лице написано.

— Вот дерьмо. Кто положил меня на эту кушетку?

Хриплый ссохшийся голос раздался из спальни, которая все это время хранила молчание. И Андрей был уверен, что это не барабашка. А то, как Звягинцева и Дмитрий вылетели из кухни и поспешили на зов, не оставляло сомнений — Стас пришёл в себя. А значит и участь Морозова, возможно, будет не столь печальной.

— Стас!

Морозов заглянул в спальню через минуту. Или две. Осторожно приоткрыл захлопнувшуюся перед носом дверь и нырнул внутрь, так и оставшись стоять около входа, перекатываясь с пятки на носок. Андрей собирался с силами достаточно долго, чтобы упустить часть разговора со Стасом, и теперь чувствовал себя четвертым лишним на семейных посиделках. К тому же слова Адриана об отношениях Стаса и Александры прочно засели в голове у студента. Он даже по-другому воспринимал каждое движение Звягинцевой, пойманное его внимательным взглядом. Александра и Дима кружили вокруг Стаса, и Андрея это неожиданно стало раздражать.

— Как ты себя чувствуешь? — Дима опустил на придвинутый к кровати стул, щёлкнул выключателем фонарика и, приподняв веко Стаса, засветил тому в глаз.

— Как будто по мне проехался асфальтоукладчик, — Стас поморщился и попытался

увернуться от слепящего света, но Дима оказался сильнее, — а потом еще сверху попрыгала парочка сумоистов. А так у меня все в полном порядке. Ты можешь не светить мне в глаз этой... штукой? Она меня раздражает.

— Это фонарик, если ты вдруг забыл, — хмыкнул Дима.

Александра нависла над кроватью и Стасом бледной тенью. Она разглядывала не менее бледное лицо Стаса, расспрашивала его о самочувствии, периодически прикладывала ладонь ко лбу и качала головой, словно ей это о чем-то говорило. Звягинцева нервничала и пыталась скрыть это за показушной заботливостью. Андрей прекрасно это видел. Потому что и сам частенько прибегал к подобному методу.

Простояв немым наблюдателем еще несколько минут, Морозов медленно сглотнул, скрипнул старым паркетом и негромко кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Не хотите мне объяснить, что вообще у вас тут происходит?

Александра и Дима синхронно обернулись на Андрея. Даже Стас приподнялся на локтях и, прищурившись, взгляделся в лицо Андрея. Кажется, вместо Морозова он увидела манную кашу со сливочным маслом, иначе было трудно объяснить то отвращение, что появилось на лице парня. И чем дольше он разглядывал Андрея, тем яснее становилось — Морозов ему не нравится.

— Это вообще кто? — если бы Стас мог, он бы непременно ткнул в Андрея пальцем. — И что он тут делает?

Звягинцева раздражённо выдохнула:

— Мой стажёр. Журналист. Потом объясню.

Кажется, подобный ответ полностью устроил Стаса, потому как он тут же кивнул и рухнул обратно на постель, крикнув. Александра и Дима переглянулись и одновременно закатили глаза. Они проводились над Стасом еще какое-то время. Поправляли постельное белье, расспрашивали парня о самочувствии и причитали, как бабушка Морозова. В какой-то момент Александра переключилась на покосившуюся тумбочку и начала в ней рыться, что-то напряженно бормоча под нос и выкидывая на пол все, что попадалось под руку. Дима поспешил ей на помощь.

И стоило только Андрею двинуться в сторону дверной ручки, как Александра и Дима резко замерли, кинули друг на друга многозначительные взгляды и подскочили на ноги.

— У нас нет выбора. Либо рассказываем ему, либо вызываем сапёров.

— Зачем сапёров?

Голос Андрея показался ему самому чужим. Тихий и истерически взвизгнувший он скорее подходил герою подросткового сериала, чем студенту журфака. Губы Александры растянулись в улыбке, и девушка резким движением затащила потуже хвост на затылке.

— Должность есть такая. Сапёры, — Звягинцева оперлась о тумбочку. — Занимаются устранением особо опасных для нашей работы элементов.

Особо опасный элемент. Это они сейчас про Андрея сказали или предположили теоретическую возможность того, что опасным для них станет валяющийся на кровати Стас. И все же по позвоночнику Морозова пробежала дрожь, и он попятился к двери.

— Вы бандиты? Русская мафия? — брякнул первое, что пришло на ум Андрей, нашаривая рукой за спиной дверную ручку.

— Какой идиот, — сухо констатировал Дмитрий. — Напомни, почему он сейчас здесь с нами и мы должны с ним возиться?

— Потому что такие правила, Дим. Круг не должен разрываться.

— Ах да, точно.

Александра коротко кивнула Андрею на выход и, бросив сухо «Пойдём», вытолкнула Морозова из комнаты. Дима выскочил вслед за ними и помог Звягинцевой дотолкать парня до кухни, хотя Андрей сопротивлялся изо всех сил. Он даже предпринял попытку вцепиться в дверной косяк, но был повержен один чётким ударом Димы по пальцам. Обиженно зашипев, Морозов ввалился в кухню мешком картошки.

— Так, садись.

Александра указала Андрею на стул. Спорить было бесполезно, поэтому Морозов устроился рядом с тихо жужжащим ноутбуком — ему определенно не нравилось стоять на клеёнчатой скатерти, но Андрей решил, что хозяйке квартиры было виднее. Звягинцева опустила на противоположный стул, хлопнула крышкой ноутбука перед любопытным носом Андрея и внимательно уставилась на него. Выдержав паузу, Александра осмотрелась, словно их кто-то мог подслушать, и коротко кивнула на Дмитрия:

— Это Дима, младший брат Стаса, — Звягинцева говорила тихо, но отчётливо, как будто Морозов был мало того, что глухой, так еще и обделён умственными способностями. — Он экзорцист. Как и я. Стас — охотник. Мы все обеспечиваем спокойствие жителей земли и конкретно этого города по ночам и защищаем вас и конкретно тебя, — Александра ткнула пальцем в Андрея, — от того, что обитает в тенях. А это Адриан. Он врач и уже собирается уходить. Еще вопросы?

— Э-э-э, — взгляд Андрея перебежал с Александры на Диму и обратно, и парень нервно улыбнулся, — нет. Вопросов нет. Я звоню в психушку.

Андрей попытался встать из-за стола, но был остановлен предупреждающим движением плеч Дмитрия.

— Сел на место, — Звягинцева шлёпнула рукой по столу и зло сверкнула взглядом. — Я еще никуда тебя не отпускала. В соседней комнате сидит Стас, от которого непонятно чего ожидать. — Звягинцева понизила голос, как будто Стас мог услышать ее через стенку. — Нет, я примерно представляю на что способен Вознесенский, но в данный момент он несколько в неадеквате. Поэтому ты сейчас будешь сидеть здесь и ждать, пока я не позову тебя.

— Ждать? Зачем?

Александра посмотрела на Андрея, вкладывая, судя по всему, в свой взгляд все сомнение в умственных способностях Морозова. Парню даже стало неудобно сидеть на стуле — словно сиденье под ним раскалилось, а он был свежим угрём, кинутым в самое жерло вулкана. Сделав несколько глубоких вдохов и остановив жестом Диму, Александра закрыла глаза.

— Чтобы выполнить задание, которое не сможет сейчас выполнить Стас, — процедила Звягинцева. — Потому что он *болен*. По *твоей* вине. К тому же ты сам на это согласился. Ты ведь ответил на звонок. Любой при прослушке записи подтвердит, что это был ты.

Александра распахнула глаза, уставившись на Андрея взглядом двух омутов цвета разбавленной колы, и, убедившись, что Морозов никуда не денется, вышла в коридор. Дима еще несколько мгновений сверлил Андрея льдинками глаз, и последний уже собирался попросить не делать этого, как и брат Стаса вышел с кухни, оставив Морозова в компании просыпающейся совести, тикающих часов и осуждающего взгляда толстого рыжего кота. Дверь на кухню захлопнулась, и снаружи кто-то щёлкнул ключом в замочной скважине, заперев Андрея.

В конце концов, ему нужно было хорошенько обдумать произошедшее.
Но вины Андрея в случившемся не было.

Глава 6. Ведьма из «РивГош»

— Что мы здесь делаем?

Высокая тридцатиэтажная новостройка в спальном районе встретила Андрея и Александру яркими перемигиваниями оконных рам, гирляндами лампочек на черной лестнице и заставленными впритык друг к дружке машинами, сквозь которые с трудом удавалось пробираться. Несколько раз Андрея окатило из лужи, на что Александра только покачала головой и продолжила их путь, пока едва не скрылась из виду Морозова. Догонять ее пришлось сквозь боль и чертыханья.

О цели их визита Звягинцева не сказала. Только с силой вжала кнопку лифта и пробуравила взглядом мигающий дисплей с неоновыми цифрами. Двери раскрылись, но вместо кабины, на них уставилась пустая шахта и болтающиеся тросы. Небольшое объявление о ремонте было замечено только после этого, и Александра, закатив глаза, направилась к лестнице. Андрей всю дорогу до двадцать восьмого этажа не отваживался спросить у неё, зачем они сюда пришли. Морозов тяжело дышал и проклинал лифтёров, которым вздумалось именно сегодня проводить работы.

— У нас дело с призраком, — коротко бросила Александра. — Нам нужно получить больше информации. Или ты хочешь сразу броситься в бой сломя голову? Хотя было бы что там ломать, — уже значительно тише добавила девушка.

— Эй! — щеки Андрея возмущённо вспыхнули. — Я вообще-то все слышу.

— И на этом спасибо.

Звягинцева с силой толкнула бедром дверь, впустившую их в коридор. Осмотревшись, Александра кивнула сама себе, повернула направо и остановилась только перед дверью в тупике, на которой гордо красовались три шестёрки.

— Почему этот номер? У соседней квартиры пятисотый ведь, — непонимающе пробормотал Андрей, разглядывая ярко-малиновую дверь перед собой.

— Не только у тебя плохое чувство юмора. Но ты еще можешь это исправить, — едко отозвалась Александра и вдавила звонок с пронзительным вороньим карканьем.

Дверь открылась не сразу. Протяжно скрипнула и выпустила в коридор запах булочек с яблоком и душистых благовоний. Хозяйка квартиры появилась из-за неё через мгновение, прилипнув ко взгляду Андрея, как жвачкой, ярко розовыми волосами. Девушка лениво потянулась и оперлась о дверной косяк, сложив на груди руки. Она несколько мгновений изучала Александру и Андрея, прежде чем изогнуть губы в ухмылке и выдохнуть:

— Смотрите-ка какие люди. Вспомнила обо мне наконец? — тёмная бровь выгнулась острым изломом, а губы обиженно поджались. — А о косаре до зарплаты ты не вспомнила?

Звягинцева тихо зарычала и, вытащив из кармана сложенную в несколько раз зелёную бумажку, сунула ее в руки девушки.

— Держи свой косарь и сбавь язвительность. Мы по делу.

— По делу? — с еще большим удивлением протянула хозяйка квартиры, разглядывая новенькую купюру. — Ну проходи, коль по делу. — Девушка отошла в сторону, пропуская Александру, и тут же возникла на пути Андрея, нависнув над ним розовым моховым утёсом. — Э, нет, парень, тебе придётся подождать снаружи.

— В смысле?

— В коромысле. В мою хату вход только по приглашению.

— Марьян, прекрати над ним издеваться. Он же верит всему, что слышит.

Марьяна мельком оглянулась на Звягинцеву, тяжело вздохнула и отошла в сторону, жестом приглашая Андрея внутрь.

— М-да уж. Ладно, проходи. Но не вздумай ночью ко мне через окно лазить после этого, — пригрозила ему пальцем Марьяна перед самым носом и захлопнула вдохнув дверь, предварительно выглянув на лестничную клетку.

— Ты живёшь на двадцать восьмом этаже[1] [2] [3], — пробормотал Андрей.

— Предупреждаю на всякий случай. Знаю я этих Сашкиных хахалей. Сначала пускаешь к себе в дом, — Марьяна резко кивнула на Морозова, — а потом гоняешь веником по квартире в три ночи, потому что ему вздумалось навестить меня.

Звягинцева кинула рюкзак на пол. Внутри что-то подозрительно звякнуло, но Александра только с силой поправила стянутый на затылке хвост и повернулась к ухмыляющейся Марьяне.

— Мы уже проходили это. Он, — Александра ткнула пальцем на Андрея, — не мой хахаль. А уж Феликс тем более.

— Да кто это такой ваш Феликс?! Второй день подряд только о нем и разговоров.

О некоем Феликсе за последние сутки не упомянул разве что ленивый. Но понять из разговоров других людей Морозов смог только то, что никто из окружающих Александру людей не питал к тому тёплых чувств и не собирался терпеть дольше пяти минут. Поэтому чувство неосведомлённости раздражало Андрея больше, чем очереди в женский туалет, из-за которых было невозможно куда-либо прорваться.

— О, — загадочно протянула Марьяна с таким видом, словно это была величайшая тайна человечества, — это известный в узких кругах самодур.

— Феликс мой кузен, — бесстрастно парировала Александра, втаскивая Андрея за руку в квартиру подруги. — Но никогда не приглашай его в свою квартиру. Потом замучает тебя расспросами о личной жизни и работе. У самого ни того ни другого нет, вот до окружающих и докапывается. Сколько он у меня уже крови выпил.

— Главное, чтоб не буквально. А то знаем мы эти его ролевые игры. «Сегодня я буду Дракулой, а ты моей невестой», — пискляво передразнила Марьяна. — Я скорее буду Хью Джекманом с лицом алкаша, чем невестой Феликса.

Сомневаться в словах Марьяны не пришлось бы: выражение ее лица выражало крайнюю степень отвращения, и для пущей убедительности девушка изобразила, что ее сейчас вырвет, но остановилась, стоило Александре бросить на неё хмурый недовольный взгляд из-под сведённых к переносице бровей. Марьяна тут же натянула на лицо серьёзную маску и посмотрела на мнущегося в коридоре Андрея.

— А он?.. — Марьяна коротко кивнула на Морозова.

— Вместо Стаса. Замещает его временно.

Тон Александры был холодным, и Андрею стало не по себе. Замещать Стаса он не планировал, но Звягинцева просто еп оставила ему выбора сначала приказными фразами, а затем чушью про экзорцистов, охотников и нечисть. Если она пересмотрела подростковых сериалов, то стоило вовремя остановиться. Если же нет... Андрей пожалел, что не взял номер Адриана для подобного случая. Но мужчина, кажется, был терапевтом, а не психиатром. А жаль.

— Мне казалось, что Стас сейчас работает с Димой. Нет? Тогда почему ты здесь, а не он, — Марьяна многозначительно поиграла бровями.

— Работает, да. Просто Дима сейчас тоже немного занят и я его подменяю. — Звягинцева вытряхнула не пол скудное содержимое своего рюкзака и, найдя среди вещей записную книжку, стала запихивать все обратно. — И откуда только ты все знаешь?

— Карты рассказали. Значит, вы оба подменяете Вознесенских. Занятно.

— Тебе все занятно. Хватит расспрашивать, о чем тебе не следует знать, — с раздражением рявкнула Александра.

Марьяна обиженно поджала губы, кивнула и посмотрела на Андрея. Девушке было на вид не больше тридцати лет. Розовые волосы, похожие на жвачку, вытянутая клетчатая рубашка и рваные джинсы. Неряшливый вид дополняли несколько рядов бус, обмотанные вокруг шеи и широкий плетёный браслет. Она походила на одну из одноклассниц Андрей, помешанных на эзотерики и гаданиях, только в улучшенной и просветлённой версии. Кажется, эта девушка точно умела правильно послать запросы вселенной. Главное, чтобы вселенная слышала тебя и отвечала.

И от Марьяны не укрылся интерес Андрея к ее персоне. Девушка распрямила плечи и протянула Морозову руку.

— Марьяна. Ведьма. Иногда подрабатываю таргетарологом.

— Тарге-что? — рассеянно пробормотал Андрей, надеясь, что ему послышалось.

— Таргетаролог, — повела плечами Марьяна, словно Андрей спросил очевидную глупость. — Настраиваю рекламу исходя из раскладов карт. Да, такое тоже есть. Очень популярно среди блогеров. Они вообще сейчас все помешались на эзотерических штучках. То в типирование личностей ударяются, то воздух продают, то воду из своей ванной. Еще обожают натальные карты строить. Вот я и рублю с них бабло. Блогер не мамонт, если и вымрет, то ненадолго.[4]

Андрей, все еще ничего не понимая, понимающе хмыкнул и предпочёл умолчать, что и сам не прочь позаниматься подобными вещами, а эзотерика стояла у него на втором месте в списке хобби после поездок в метро с надетым рюкзаком.

Руку Морозов так и не пожал, отчего на лице хозяйки квартиры на мгновение промелькнула тень недовольства, но девушка тут же взяла себя в руки. Андрей продолжал топтаться на месте, озираясь в поисках тапочек, пока Александра пыталась застегнуть расходившуюся от переизбытка содержимого молнию рюкзака. Зевнув, Марина небрежно толкнула Андрея плечом, отесняя к забитому куртками и кедами шкафу, явно устав ожидать, пока гости разденутся и наконец покинут и без того маленькую прихожую. Александра

Андрей еще несколько минут озибался вокруг, цепляясь взглядом за разукрашенные фломастерами обои и непонятные символы, складывающиеся в слова и предложения на, кажется, выдуманном языке, пока Александра не цокнула на него. Звягинцева кивнула в сторону кухни и хлестнув хвостом по лицу Андрея, проследовала за Марьяной. Та уже разливала по кружкам кипяток, макая один пакетик на две чашки, и напевая под нос музыку из прогноза погоды.

— Так зачем пришли? Не томите. — Марьяна рухнула на скрипнувший стул и качнулась на нем, хватая со стола кружку с кофе, по кругам в которой можно было угадать, сколько времени хозяйка квартиры не мыла посуду.

Александра заняла стол напротив, кивнув Андрею на табуретку, а он в свою очередь сделал себе пометку быть чуть активней, когда речь заходит о выборе места для выслушивания очередных небылиц о сверхъестественных существах, сущностях и том, как

важно защищать этот мир от зла. И чтобы в следующий раз не выглядывать из-за стола, как Пятачок, пытаясь хоть что-то рассмотреть — табурет оказался настолько низким, что колени Андрея доставали ему практически до груди, а вытягивать шею приходилось с двойным усердием.

— Задание. Предположительно призрак. — Александра раскрыла блокнот и, развернув его к Марьяне, ткнула пальцем в одну из записей. — Хотелось бы узнать наверняка, чтобы лишний раз не тащиться на юг города. Никакого желания нет опиваться по спальным районам после полуночи.

— Боишься нечисти? — скептически выгнула бровь Марьяна, отпивая из кружки.

— Боюсь местных жителей. У меня там, кхм, бывший живёт.

— Да брось. Стас не нечисть, а просто... — Марьяна прикусила щеку, подбирая слова, а затем взмахнула рукой, как будто ее озарила светлая мысль, и щёлкнула пальцами, — Стас. Из него максимум, что можно изгнать, так это ведро острых крыльев и шутки с центральных каналов тридцатилетней давности. Если это признак нечисти, то да, Стас и вправду одержим.

— Как же ты права, Марьян. Как и всегда.

Искры, взрывающиеся между Александрой и Марьяной, можно было заметить, даже если у тебя минус тринадцать, единственная буква, которую ты видишь у окулиста, это «Б», потому что «Ш» сливается в заборчик, а в комнате полярная ночь без единого источника света. На всякий случай Андрей подхватил табурет двумя руками и в несколько коротких рывков отсел подальше. Так было безопасней. Да и стол рассматривать оказалось намного удобней.

Марьяна качнулась на стуле, многозначительно хмыкнула и ногой выдвинула из-под стола картонную коробку, обмотанную бело-синими почтовыми лентами.

— Должна сказать, вы как чувствовали, что мне пришёл заказ. Раздевайтесь и проходите в ванную. — Марьяна кивнула на коробку и, залпом влив в себя кофе, подскочила на ноги. — И чай захватить не забудьте. Жаль, если остынет. Я его по акции схватила. С клубникой и шоколадом.

Андрей Морозов любил полежать в ванной, тратя запасы средств по уходу за кожей своей младшей сестры, но еще никогда не делал этого попивая чай. В отличие от Александры, потому как та сдержанно кивнула и вскочила вслед за Марьяной, тут же скрывшись в коридоре. Андрей помедлил, следя, как «ведьма» вскрывает коробку, и все же решил уточнить:

— В ванную? Зачем?

— Мыть тебя будем. Духи не любят грязнуль, а ты сегодня явно в душе еще не был. Ой, да шучу я, — закатила глаза Марьяна, стоило Андрею начать расстёгивать молнию на толстовке. — Бомбочки в воду пускать будем. Духов спрашивать. Могла бы предложить погадать на энергетиках, но я все выпила, так что не судьба.

Ванная комната встретила Андрея мерным жужжанием узенькой стиральной машинки, поблескиванием светильников в почерневшем по краям зеркале и пожелтевшей новенькой ванне, которой на первый взгляд было не больше нескольких лет. Да и новостройка, в которой жила Марьяна, на это намекала. Тем не менее все трое смогли разместиться на паре квадратных метров и даже не соприкасались друг с другом.

Александра молчала, шкрябая ногтями друг о друга и отрывая облупившийся лак. Марьяна сосредоточенно разворачивала запакованную в вощёную бумагу бомбочку. Андрей

же несколько мгновений пялился на маленькие лампочки на потолке и почерневшие швы кафеля, прежде чем посмотреть на Марьяну и удостовериться, что ему сейчас все это не снится.

— И... как мы поймём, что нам отвечают духи?

— Если бомбочка начнёт раскручиваться по часовой стрелке — это значит «да». Если против... — Марьяна откинула в сторону упаковку и заткнула слив ванны. — Ну, тут либо бомбочка палёная, либо духи не в духе.

Андрей недоверчиво покосился на зажатую в руке Марьяны ядовито-розовую шершавую бомбочку с причудливыми вкраплениями фиолетовых волн и поджал губы. Ведьма на это вскинула бровь и обиженным взглядом уставилась на Морозова.

— Ты мне не веришь? Я между прочим потомственная ведьма. В первом поколении.

— Тебя даже на Битву экстрасенсов не взяли, — сочувствующе протянула Александра, сложив на груди руки.

— Просто у меня не было лишних десяти миллионов рублей.[5]

Язвительный тон Марьяны просто не оставлял простора для дополнительных наводящих вопросов, поэтому Андрею пришлось довольствоваться малым: молча признать, что в этом мире всем правят деньги, и позволить Марьяне включить кран с горячей водой на полную мощность. Струя взорвалась о рыжее дно ванной и разлетелось каплями по стенкам, медленно затихая по мере того, как уровень воды начал волнами подниматься. Марьяна присела на край ванны, Александра разглядывала себя в зеркале, а Андрея мучил один единственный вопрос: он тоже после смерти полюбит приторно-сладкие бомбочки для ванн из мейнстримных магазинов или все же станет brutальным призраком и поселится в старом шотландском замке?

— А духи эти добрые? — подал голос Андрей, инстинктивно приподнимая плечи и вжимая в них голову.

— Иногда добрые, — пожала плечами Марьяна и опустила рычаг крана, — а иногда запевают Стаса Михайлова. Но Михайлов это еще ничего, а вот когда врубают «Казанову» или Меладзе, то пиши пропало. Ничего в этот день от них не узнаешь, — сокрушилась Марьяна, и Андрею показалось, что она делает это специально, чтобы произвести на него впечатление. — А так обычно всегда идут на контакт. Главное знать как с ними общаться.

Едва бомбочка коснулась поверхности воды, как от неё начали разбегаться маленькие розовые ручейки. Несколько секунд все прожигали шар напряженными взглядами и одновременно выдохнули, как только он начал медленно вращаться в воде по часовой стрелке, выпуская во все стороны розовые блестящие волны. Вскоре к ним присоединились и фиолетовые разводы, но Марьяна уже выдернула слив и вода стремительным потоком устремилась в водопровод, унося с собой и духов и адекватность происходящего.

Еще несколько секунд все стояли в тишине, пока Марьяна смывала с рук блестящую пыльцу.

— Что ж, сегодня звёзды определённно на вашей стороне. Да, — Марьяна встряхнула руками, и Андрей поморщился, когда капли попали на его лицо, — это призрак. Так что готовьтесь соответственно.

Тон Марьяны намекал на то, что гости могут допить свой остывший чай и в принципе уходить из ее без того тесной квартиры, но Александра прервала эти немые намёки, схватив подругу за предплечье и остановив ту в дверях из ванной.

— Марьян.

— Ммм?

— А можешь нам... погадать?

Глаза Марьяны округлились, как если бы ей показали, что доллар в обменниках снова по двадцать шесть рублей, и она присвистнула, выворачиваясь из хватки Александры и выходя в коридор.

— Что я слышу? Александра Звягинцева просит ей погадать? Неужто небеса обрушились на землю, а море затопило сушу, что ты решила поверить моим картам? — Марьяна даже не пыталась скрыть своей язвительности: тряхнула ярко-розовыми волосами и ухмыльнулась. — Помнится, ты всегда нос воротила от гаданий.

— Да. И я все ещё считаю вас шарлатанами и бездельниками, — холодно отозвалась Александра, стеной возникая перед Андреем.

— Но ты просишь погадать.

— Я прошу... прояснить ситуацию.

Голос Звягинцевой был мягким и вкрадчивым. Она объясняла, пыталась донести мысль, что гадания Марьяны это ее последняя надежда понять, что происходит, и Андрей прекрасно понимал Александру. Ему и самому было очень интересно, что происходит, если не брать в расчёт всю ту чушь, что ему наговорили за последние сорок восемь часов. Поверить в заговор рептилоидов и репортажи с канала про инопланетян было намного проще, чем в то, что в этом мире водятся призраки и демоны, а Александра помогает оберегать от них людей.

Марьяна смотрела на Александру несколько секунд, а затем коротко кивнула и направилась на кухню. Звягинцева не обернулась к Андрею и ничего не сказала: лишь повела плечами и хлестнула по лицу собранными в хвост волосами. На кухне их уже ждали выставленные на стол чашки с остывшим чаем и Марьяна, сосредоточенно тасующая стопку ярких малиновых карт. Андрей даже был удивлён, что квартира не была такой же розовой, как и ее хозяйка. Разве что чайник выделялся своим неоновым жёлтым цветом, но и он не был столь запоминающимся как внешность Марьяны.

— Какой расклад будем делать?

— Сама решай. Тут ты главная, — пожала плечами Александра, опустившись на стул и протянув руки к своей чашке.

Андрей мысленно перекрестился и уселся на табуретку. Вытягивать шею было не впервой — хотя она у него и подозрительно хрустнула несколько раз, — но и упустить гадание он просто не мог.

Марьяна тасовала карты долго и тщательно, недовольно поджимала губы и бормотала под нос. Пальцы скользили по картам, но девушка на них не смотрела: она прожигала взглядом Андрея, как будто он был виновником всех бед в этом мире, а затем вытащила сразу три карты положив перед собой рубашкой вверх. Одна из карт легла криво, по диагонали, но Марьяна не обратила на этого внимания, выложив на стол следующие три карты. Но когда ее пальцы уже подцепляли новые карты, Андрей резко подался вперёд.

— А это... — он кивнул на стол, как будто намекая, что выглядит это не слишком традиционно.

Откуда ему было знать? Сестра Андрея увлекалась всей подобной чепухой, делая расклады всем родственникам, друзьям и даже своему парню, с которым они расстались сразу же, потому что «карты никогда не врут». Морозов предпочитал держаться от подобного подальше, но некоторых наблюдений за сестрой ему хватило, чтобы понять, что Марьяна делала что-то не так. Но что именно, Андрей сказать не мог.

— Мой собственный расклад, сладкий, — мурлыкнула Марьяна. — Поможет понять, что было причиной происходящих событий, что ждёт нас в скором времени и чем все закончится. Но предупреждаю сразу. Никаких чётких ответов вы не получите.

— Как и всегда, — недовольно фыркнула Александра.

— Да. Как и всегда. Потому что это карты, а не буфетное меню. Все толкование будет зависеть уже от вас самих.

Пальцы Марьяны потянулись к краешкам карты, но одна с краю тут же выскользнула из колоды и полетела на пол. Марьяна нахмурилась, между ее бровей пролегла глубокая морщинка, и девушка бросила на Александру опасливый взгляд. Андрей хотел было поднять карту, но Звягинцева остановила его, вытянув перед ним руку, и не моргая смотрела на Марьяну.

— Не трогай. Это может быть опасно, — негромко, одними губами протянула Александра.

Андрей закатил глаза, но отодвинулся вместе с табуреткой назад.

— Ох, вот значит как? — растерянно пробормотала Марьяна и наклонилась, поднимая упавшую на пол карту. — Хм. Это должно было быть ваше будущее. И подозреваю, что это не о ситуации, а о человеке.

— С чего такие выводы? — Александра скептически выгнула бровь, откинулась на спинку стула и закинула ногу на ногу.

— Он выпал отдельно. А значит, вам стоит опасаться императора, — Марьяна выложила вперёд карту, ткнув ногтем прямо в лицо нарисованному человеку в смешной фетровой шляпе. — Амбициозный мужчина. И обладает авторитетом. Каким? В душе не имею представления. [6] Но он опасен. Это я могу точно сказать. От карты веет холодом.

— Обычно это значит, что человек мёртв, — пробормотал Андрей и тут же вжал голову в плечи, когда на него устремились одновременно две пары глаз. — Ну, так в программе говорили. У меня бабушка любит смотреть про гадалок и экстрасенсов.

— Мало ли что там говорят. Он не может быть мёртв. От мёртвых вообще ничего не ощущается. Лежит карта себе и лежит. Сигнал потерян. Ошибка четыреста четыре.

— Уверена? — Александра с осторожностью потянулась к карте и, взяв ее, поднесла к лицу. — Он ведь может просто... не быть человеком. Разве нет?

Андрей сделал вид, что он понял все из сказанного, как делал это каждый раз на занятиях в университете.

— Да, — Марьяна прищурилась, производя в уме какие-то сложные вычисления, — но обычно от этих товарищей еще такое лёгкое покалывание исходит. Как... как когда отлежишь руку, но слабее. А здесь ничего. Только холод и пустота. Никогда такого не встречала.

Хозяйка квартиры отложила карту в сторону, боязливо на нее поглядывая, а потом и вовсе перевернула карту рубашкой вверх. Плечи девушки дернулись, как будто по ее телу пропустили электрический разряд, и Марьяна грузно выдохнула.

— Что ж, посмотрим, что привело все к нынешней ситуации. — Марьяна посмотрела на первые три карты, резким движением перевернув их. — Не люблю, когда они ложатся по диагонали. Можно было бы списать все на кривые руки, но нет. Обычно это неслучайно. А в вашем случае еще и базовая карта.

Марьяна хрустнула пальцами, согнув их в кулак и всмотрелась в изображения на картах.

— Маг, Повешенный и Жрец. Могу зачитать, вам среднестатистическое толкование

карт, если хотите, — Марьяна усмехнулась, отпивая чай из уведённой из-под носа Андрея чашки, к которой тот так и не прикоснулся. — Тупиковый кризисный момент, из которого нужно найти выход. Сильное давление и ограниченность. Хм. Кто-то или что-то является орудием в чужих руках, марионеткой, и, увы, решить это можно было только сменой своих ценностей. Ладненько, что там у нас дальше?

Марьяна отхлебнула еще чая, и перевернула три следующие карты. Говорить девушка начала не сразу: нервно постукивала ногтями по чашке и напевала мелодию сквозь плотно сжатые губы. Александра нервничала, напряженно стучала ногой и поглядывала на настенные часы. Шесть утра уже освещали кухню ярким солнцем и слепили Андрею глаза маленькими зайчиками, проносящими по стеклянным дверцам кухонного гарнитура. Марьяна тянула время, раскаляя напряжённость и наконец зевнула.

— Дьявол, Влюблённые и Луна. Перевернутые Влюблённые, как мило, — натянут улыбку девушка. — Неправильный выбор и ошибочная одержимость другим человеком. Или ситуацией, — лениво протянула Марьяна и потянула кофе из чашки. — Невозможные несовместимые отношения. Все время нужно делать выбор между двумя альтернативами, но никогда не знаешь, который из них будет верным. Конфликты и неумение общаться. Это наше настоящее. А еще это любовный треугольник, — ехидно хихикнула Марьяна. — Ну рассказывай, Саш, что вы там со Стасом мутите?

— Ты прекрасно знаешь, что у меня никого нет. Поэтому твои карты не имеют никакого смысла. — Александра сжала челюсть с такой силой, что Андрей мог поклясться, что слышал как скрипят ее зубы.

Марьяна улыбнулась. Натянуто и настолько мило, что если бы у улыбок были цвета, ее улыбка непременно окрасилась бы в ядовитый цвет волос Марьяны. Девушки прожигали друг друга взглядом, игнорируя существование Андрея в этой комнате, а Морозов начал медленно отсаживаться вместе с табуреткой к выходу. Увы, сделать он успел только несколько шагов, когда взгляд Марьяны переметнулся на него и заставил остановиться.

— Думаю, это все, что я могу тебе сказать, Саш. И если честно гадать на твоего Стаса было намного проще. Там хотя бы все ясно и понятно, а тут без пол-литра не поймёшь. Могу заглянуть еще в будущее, но Император... — Марьяна сделала большие глаза и поиграла бровями, явно наслаждаясь испуганным Андреем. — Этим уже все сказано. К тому же, все может измениться уже через две недели. Или даже завтра. Будущее слишком неопределённо.

— Но ведь мы сами должны это истолковать, разве нет? — осторожно подал голос Морозов.

— Да. Но теперь мне и самой интересно, что у вас там происходит. — Марьяна улыбнулась, скидывая карты в одну колоду. — Предлагаю встретиться недели через две или три и повторить. Могу еще сделать расклад на отношения. Если хотите. Вы очень мило выглядите вместе.

Александра оглянулась на Андрея, обведя оценивающим взглядом, и лицо девушки скривилось.

— Нет, спасибо. Я уж как-нибудь сама разберусь.

Марьяна пожалала плечами, мол, делай как занешь, и убрала карты в небольшую деревянную коробочку.

Задерживаться в квартире подруги — а были ли они подругами? — Александра не стала. Быстро вытолкала Андрея в коридор вместе с табуреткой и, закинув записную книжку в рюкзак, начала одеваться. Андрей, который даже не разувался, надеялся, что никто этого

сейчас не заметит, так что на всякий случай присел на корточки и, развязав шнурки, принялся сосредоточенно их завязывать. Марьяна стояла в дверях кухни, разглядывала гостей и жевала жвачку. Девушка даже не сказала им «до свидания», когда вежливо-настойчиво вытолкнула в коридор. Только пожелала удачи с охотой и скрылась в квартире.

— А как... а как гадать на энергетиках?

Этот вопрос крутился у Андрея на языке с того самого момента, как он впервые услышал об этом. Но задать его Морозов осмелился, только когда за их спинами хлопнула входная дверь, а лифт с глухим писком принял вызов, объявляя о своей долгожданной работоспособности.

Александра промолчала, натягивая и без того напряженные нервы Андрея до предела, улыбнулась и взглянула на него с полуулыбкой.

— Сам и спросишь у Марьяны, когда придёт время. А пока надо разобраться с этим призраком.

так стоп. 28 или 10?

бля

я забыла за полгода ахха

ехехе

это божественно

лосяш

лосяш

Глава 7. Инфузория-пупелька

— Знаешь, что меня больше всего сейчас волнует?

Андрея Морозова волновало многое. Счёт за ЖКХ, несданный зачёт по безопасности труда и неудачная школьная фотография за одиннадцатый класс. Но даже все это меркло с тем, что сейчас Андрей был вынужден слоняться по спальному району, застроенному низенькими пятиэтажными домами, и перепрыгивать глубокие лужи, в которых Морозов был бы не прочь и сам утопиться. Александра не стала ждать, а Андрей не сопротивлялся, позволив потащить себя на остановку. Он даже стерпел бесконечные переходы между ветками метро и вечную толкучку перед небольшим эскалатором, лишь бы только поскорей выбраться на свежий воздух и вдохнуть знакомые ароматы родного района.

Да и до дома добираться было не так долго, как от квартиры Александры.

— Что? — Звягинцева обернулась к Андрею, занеся руку над металлическими цифрами домофона.

— Я не сказал тебе, куда нужно идти, — воспользовавшись уделённым ему вниманием затараторил Андрей, — но ты сказала об этом своей подруге. Откуда ты?..

— У Стаса на телефоне громкость всегда выкручена на максимум, — пожала плечами Александра и вдавила несколько кнопок, от чего дверь противно пискнула и щёлкнула магнитным замком.

— Какое удобное объяснение.

— Увы, другого у меня нет. — Александра скользнула внутрь подъезда и не придержала дверь для Андрея, так что ему оставалось только подставить ногу и попрощаться с новыми кедами. — Но ты можешь все еще считать, что я забираюсь в твою голову. Если тебя это устроит, конечно.

Да, поверить в то, что Александра умеет читать мысли, — было намного проще, чем поверить в очевидное и разумное объяснение. Пусть даже голос на том конце телефона с такой силой ударил в барабанную перепонку Морозова, что он еще несколько часов плохо слышал, ощущая себя в аквариуме.

— Откуда ты узнала пароль домофона? — не унялся Андрей, перескакивая через несколько ступенек следом за Звягинцевой.

— Ниоткуда. — Александра повела плечами, словно скидывая с них невидимое пальто, и сильнее сжала рукой перила. — Все домофоны имеют два кода. Свой и организации. Мы можем войти в любой подъезд не беспокоя жителей.

Четвёртый этаж встретил Андрея полными пепла банками из-под кофе, сообщением, что Соня из двадцатой квартиры обладает интересными межличностными связями, и потемневшим бетоном в углу около лестницы. Проверять догадки Морозов не стал, а просто поспешил за Александрой к покоцанной рыжей деревянной двери с почерневшими прожилками. Одна цифра отвалилась, но на ее месте все еще отчётливо виднелся тёмный силуэт двойки. Соседняя троечка же грустно перекосилась на одном гвозде, раскачиваясь, стоило только подуть на неё.

Александра остановилась рядом с дверью, пропуская Андрея вперёд, а затем кивнула на дверь.

— Постучи два раза.

— Почему не три?

— Потому что надо два. Стучи и не задавай лишних вопросов.

Андрей сморозился и два раза вкрадчиво стукнул по двери. Парень замер, напряжённо ожидая ответа с той стороны, но вместо этого слышал лишь урчание собственного желудка. Морозов постучал еще два раза и снова принялся терпеливо ждать. Но и на этот раз ответа не последовало. Зато из соседней квартиры высунулась лысая голова толстой старушки в цветастой чересчур объёмной футболке и лосинах.

— Чевой-то вы тут стучите? Нет никого дома. Нечай и стучать, — шлёпая губами, запричитала бабушка.

Александра вздохнула, закатила глаза и качнула головой.

— Возвращайтесь домой и не мешайте.

— С чего-то это? Не пойду, — упрямо повторила бабка.

Морозов замер. Напряжение заструилось по его телу, а рука так и замерла, готовая снова постучать в дверь указанной некой организацией квартиры. Александра фыркнула, поджав губы, вытащила из кармана какое-то красное удостоверение, подошла к старушке и, махнув корочкой у той перед носом с такой скоростью, что разглядеть что-то было невозможно, убрала удостоверение обратно в карман.

— Не мешайте работать, гражданка. Иначе будете следующей, — сухо протянула Александра.

Старушка тут же запричитала извинения и хлопнула дверью.

— То есть звонить в домофон нельзя, — шёпотом пробормотал Андрей, нависая над Звягинцевой, — чтобы людей не беспокоить, а как стучать в дверь — так это нормально?

— Морозов, не задавай слишком много вопросов. А то рано состаришься и спать перестанешь, — зевнула Александра.

— Я и так нормально не сплю после начала работы с тобой. Что может быть еще хуже?

— То, что поджидает тебя за этой дверью, — фыркнула Александра и потянула на себя ручку двери.

Дверь скрипнула, выпуская в подъезд затхлый воздух квартиры. По традициям жанра на Андрея тут же должна была бы выскочить неведомая хтоническая сущность, но вопреки ожиданием, единственным, кто вырвался из квартиры вместе с запахом вяленого мяса был тощий черный кот.

Александра осмотрелась, состроила в глазок соседней двери кривое выражение лица, отчего тут же послышалось недовольное старушечье бурчание, и вошла в квартиру, щёлкнув выключателем на стене. Морозов шаркнул ногой и замахнулся было на кота, но сник, когда голос Звягинцевой позвал за собой. Да и кот как-то больно осуждающе посмотрел на Андрея.

Квартира дышала плесенью и сыростью. Отстающие от стен обои нависали в коридоре аркой, а обитая изнутри дерматином дверь смотрела на Андрея своими маленькими глазками-кнопками. Морозов слышал только своё дыхание и бешено колотящееся сердце, пока Звягинцева быстро прокручивала что-то на экране телефона. Журналистка хмурилась, морщила лоб, отчего на коже пролегли глубокие складки — прямо как у французского бульдога мамы Андрея, — а затем девушка тихо цокнула языком и погасила экран.

— Никогда не работала с призраками. Хотя была уверена в обратном, — рассеянно пробормотала Александра. — Главное, держись рядом.

— Меня могут съесть? Призраки любят мозг? — неловко крикнул Андрей и тут же пожалел о сказанном, стоило только Александре повернуться в его сторону.

— Было бы что там есть. — Звягинцева тряхнула волосами и медленно направилась вглубь квартиры.

Ждать Андрея Александра очевидно не собиралась, так что закрывать дверь пришлось самому. Замок предательски щёлкнул, отделяя Андрея от адекватного мира разлагающих мозг подростковых сериалов, фастфуда и очередного повышения стипендии на восемьдесят рублей. А впереди Морозова ждала только тьма квартиры, потому что как бы Андрей не дёргал старенький выключатель на стене, лампочка под потолком не начинала мигать, а только шипела и в конце концов громко хлопнула, разлетевшись на маленькие осколки.

Александра застала Андрея стряхивающим остатки лампочки с головы: журналистка выглянула из ванной и посветила на него фонариком мобильного телефона. Говорить Александра ничего не стала. Только нахмурила брови и покачала головой, поспешно вернувшись к своим поискам.

— И откуда у тебя ксива? — Андрей заглянул в комнату напротив входа, оказавшуюся кухней, и спешно огляделся, подсвечивая себе пространство так же, как и Александра — выключатель не работал даже на кухне. — Я тоже такую хочу. Она волшебная? Показываешь людям, и они сразу тебе верят? Или забывают, что видели тебя? Как нейтрализатор?

Ответом Андрею было напряженное молчание. Посчитав, что Александра слишком занята воображаемым призраком, Андрей принялся с усердием осматривать кухню. Маленькая, неказистая, с отклеивающимися клетчатými обоями и рядом закатанных на зиму банок, она была слишком темной даже в два часа дня. Солнце практически не попадало в эту комнату, да и сгустившиеся дождевые тучи нагоняли тоску и ощущение безнадёжности от приближающейся сессии.

— Это не ксива.

Александра возникла за спиной Андрея так же, как снег возникает перед работниками коммунальных служб в декабре, а голос Звягинцевой почему-то оказался таким тихим и шипящим, что Морозов подскочил на месте, едва не выронив из рук мобильный.

Отдышавшись и почувствовав, что испуганное сердце замедлилось, Андрей обернулся к Звягинцевой, посветив на неё фонариком, как в глупых детских фильмах.

— А что тогда? — передёрнул плечами Андрей.

— Аспирантский билет.

Подсвеченное снизу вверх лицо Александры добавляло словам значимости и ужаса. Аспирантский билет. Андрей с трудом представлял людей, которые добровольно учатся десять лет ради трех букв с точками перед своим именем, поэтому видеть перед собой одного из них казалось сродни встретить птицу додо.

— Аспирантский? Ты кандидат наук?

— Была бы, — Александра повела плечами. Махнув рукой, Звягинцева выскользнула в коридор, тут же останавливаясь вместе с Андреем перед дверью в зал. Третья и последняя доступная для осмотра комната. Уверенно сжав дверную ручку, Александра нажала на неё и помедлила. — Но решила, что предпочту быть сытым магистром, чем голодным кандидатом.

— Мой батя всегда говорил, что все эти учёные — нахлебники, которые ничего не делают и сидят на шее у простых лю... А-а-а!

Поскользнуться на банановой кожуре было бы для Андрея более ожидаемым исходом событий. Но нет. Морозов допустил привычную для себя ошибку: полез вперёд преподавателя. И сколько бы раз он не говорил себе, что нужно терпеливо ждать, он все равно протиснулся между Александрой, открывающейся дверью и косяком, чтобы в

следующую секунду резко отпрыгнуть и повалиться на пол.

— Что... что это еще за инфузория-пупелька? — чувствуя, как кровь отливает от лица, пробормотал Андрей.

Александра смерила его сучающим взглядом, повела плечами и хмыкнула.

— Инфузория-туфелька. И если не поднимешь свою задницу, превратишься в неё.

Подняться было просто на словах. На деле оказалось, что ноги Морозова бьёт мелкая леденящая дрожь, а ступни словно приросли к полу. Найти в себе силы сделать шаг вперёд оказалось труднее, чем сдать экзамен по отечественной истории, и все же Андрей медленно сглотнул, так что застрявший в горле горький комок покатился обратно в желудок, оставляя после себя желчный привкус, и зашёл в комнату вслед за Звягинцевой.

— Что... Что это? — чувствуя, как волосы на шее зашевелились, пробормотал Андрей, разглядывая воспарившую перед ним с Александрой «инфузорию-пупельку».

Круглая, пухлая и жужжащая, она была похожа на светлячка-переростка, парила в воздухе и резала его быстрыми невидимыми взмахами крыльев. Два ряда мелких лапок безвольно покачивались из стороны в сторону, пока пара черных глаз рассматривали Андрея так же пристально, как учительница математики рассматривала его пустые листы с контрольной работой. «Светлячок» переливался сине-фиолетовыми оттенками, мерцал зелёным металлом, стоило фонарному свету с улицы упасть на него, и жужжал. Пронзительно и раздражающе.

Александра в очередной раз хмыкнула и зарылась в сумке, снова выкидывая все содержимое на пол. Наверно, стоило ей сказать, что есть другие способы находить нужную вещь среди беспорядка. Например, можно было просто посветить фонариком.

— Призрак. Или ты думал, они похожи на людей?

Андрей думал только о том, чтобы побыстрее выбраться из этой проклятой квартиры, выпить с друзьями в баре и сделать вид, что он не видел этого... призрака. Но вместо этого, Морозов приосанился, гордо вздёрнул подбородок и посмотрел на Александру.

— Ну, я как-то в принципе не думал, что они существуют. А почему... — немного стусевавшись и понизив голос, произнёс Андрей, — почему он на меня так пялится?

— Возможно это твой родственник и ты задолжал ему сотку, — пространно предположила Александра, медленно снимая со спины и рюкзак и бесшумно, придерживая язычок, расстёгивая молнию. — Но скорее всего это из-за твоей красной футболки. Они ненавидят красный цвет. Но это и к лучшему. Можем использовать тебя, как приманку.

— К-как приманку?

— Да. Стой на месте и не шевелись. Он нервничает, — заботливо протянула Александра, едва заметно кивнув в сторону призрака.

«Он нервничает». В половой принадлежности призрака Андрей не был уверен так же, как Александра. Как и в том, кто из них троих нервничал больше: Андрей, призрак или бесконечно спокойная Александра. К слову, Звягинцева уже во всю копошилась рукой в своём рюкзаке, не сводя взгляда с парящего под потолком призрака. Когда же Александра наконец закончила свои поиски и распрямилась, Андрей заметил, как у неё в руках слабо блеснула небольшая прозрачная ёмкость, похожая на пластиковую банку для чая. Александра повертела ее в руках и, поняв, что там пустая, спешно сунула в руки Морозова.

На деле ёмкость оказалась холодной, стеклянной и тяжёлой.

— Открой банку.

— Что еще за «Фантастические твари»? — непонимающе пробормотал Андрей.

мысленно пересчитывая каждый шевелящийся на задней стороне шеи волосок.

— Открывай банку быстрее, если не хочешь сам ею стать.

Просить несколько раз не пришлось. Дрожащими пальцами Андрей открутил пластиковую крышку, сунул ее в карман и вытянул руки: пальцы срослись со стеклом, но парню все равно было боязно выронить вручённую банку. Александра вытащила из сумки маленький пакетик с сахаром, неотрывно следя за зависшим около люстры призраком, оторвала уголок и высыпала все содержимое в банку. На вопросительный взгляд Андрея она одними губами ответила: «Сладкоежки», — и, сунув пустую упаковку, попятилась в сторону.

Призрак смотрел на Андрея. Андрей смотрел на него в ответ. И лучше бы между ними пробежали искра, буря и безумие. Но нет, этот «светлячок» продолжал бессмысленно парить в воздухе, раздражая своим жужжанием и освещая полумрак комнаты своим зеленовато-синим светом. Ни сахар, ни банка не прельщали привыкшего к вольной жизни призрака, а Андрей ощущал себя еще более глупо, чем на выпускном, когда все напились и разбрелись встречать закат школьной жизни, а он безуспешно пытался флиртовать с одноклассницей. Через год он узнал, что у неё уже ребёнок и она замужем за главным хулиганом класса.

Что-то щёлкнуло в стороне, пока Морозов предавался воспоминаниям, и Андрей успел только заметить зажигалку в руках оказавшейся позади призрака Александры, как тот зажужжал с новой силой, выписал в воздухе спираль и, съёжившись, спрятался в сахарную банку. Андрей тут же закрутил вытасченную из кармана крышку, ощущая, как призрак дрожит все больше с каждой секундой, что Александра в нем приближалась. Когда же девушка поднесла огонёк на краю зажигалки поближе, банка завибрировала с такой силой, что Морозов удержал ее только чудом, желая не испортить все хотя бы сейчас.

Звягинцева удовлетворённо хмыкнула и погасила яркий огонёк.

— Что ж, — пряча зажигалку в карман, улыбнулась Александра, — поздравляю с первым пойманным призраком. Стас будет гордиться тобой. А теперь нужно отвезти его в управление.

***

Метро встретило Андрея, Александру и бьющуюся в стеклянной банке неуспокоенную душу завываниями ветра в тоннелях и отзвуками удаляющихся поездов. Несколько раз Андрей опасно покачивался на эскалаторе, прижимая к боку вибрирующую банку, и Александра тут же подхватывала его под локоть, недовольно шипела и прижимала руку парня к бегущему вперёд поручню. Спускаться несколько минут было для Андрея невыносимо и в обычные дни, а сейчас, после нескольких бешеных суток и лапши с азиатскими приправами, Морозов хотел скинуться вниз, чтобы мучения для его желудка наконец закончились.

Крюк через центр не казался Андрею обоснованным, но Александра слишком настойчиво уверяла, что им нужно предварительно заехать к некоему Петру. Увидеть его Андрею не удалось: Звягинцева оставила его с вибрирующей банкой перед дверьми подъезда и вернулась уже через несколько минут, вертя в руках пластиковый пропуск, как у сотрудников банков или общепита.

Маленькие мозаичные глазки императора смотрели на Андрея, пока Александра торопливо ходила из стороны в сторону, сжимала пальцами пропуск и нервно смотрела на циферблат, отсчитывающий время с ухода предыдущего поезда. Ветер гудел в тоннелях, как голова Андрея. Ко всему прочему ему было неловко под взглядами проходящих мимо сотрудников, которые, к удивлению Морозова, сразу отворачивались, стоило заметить

пропуск в руках Александры.

— Смотрит прямо в душу, — неловко крикнул Андрей.

— Это он в Европу смотрит.

Александра прожигала взглядом изображение, нервно крутила пластик в руках и всячески игнорировала пытающегося заговорить с ней Морозова. Отчего Андрею не оставалось ничего, кроме как ходить вокруг журналистки кругами, скользить по отполированному до блеска полу и рассматривать успокаивающе-фиолетовые стены станции.

— И чего мы ждём? — через три поезда наконец не выдержал Андрей, прижимая к груди банку с призраком.

Александра ответила не сразу. Она помедлила, проводила взглядом прогуливающегося по платформе полицейского и вздохнула.

— Честно? Ничего. Я просто не хочу туда идти.

По правде говоря, Андрей ожидал очередную длинную лекцию об устройстве этого мира и скорее поверил бы в то, что нужно разбежаться и прыгнуть прямо в грудь мозаичного «Петра», чтобы попасть на таинственную платформу, чем в то, что Александра просто не хочет прикладывать злополучный пропуск к замку. Звягинцева впервые выглядела... не так. Андрей не знал, что сломалось в девушке, но сейчас она не внушала Морозову того трепета, что был у него, когда он пришёл в их журналистскую контору, или когда они пошли к Асмодею.

— А почему ты не отдала им ту старушку? — негромко протянул Андрей, на всякий случай отступив назад.

Звягинцева подняла плечи, словно вжимая в них шею, а затем резко опустила и запрокинула голову, простилав. Александра до побелевших костяшек вжимала пропуск в ладонь, ее опущенные веки едва заметно подрагивали, а вместе с ними и сама девушка, как будто ей было холодно.

— Потому что я не была на задании. — Александра разомкнула сухие потрескавшиеся от жары и влажности губы, и даже ее голос казался песчаным и сорвавшимся. — Я бы и сейчас не отдала этого... малыша, но такие правила.

— А почему отдаём?

— Потому что на задании ты, идиот, — рявкнула Александра, мигом возвращая себе вид учительницы, которой не сдали контрольные работы все ученики класса. — От имени Стаса. И с него будут требовать добычу. Они не должны знать, что с ним произошло. Пусть считают, что все нормально.

Резко выдохнув, Александра бросила на Андрея недовольный взгляд, поправила лямку рюкзака и, оглядевшись, быстро зашагала вдоль края платформы.

— Добычу они требуют. Тоже мне, охотнички нашлись, — буркнул Андрей.

Звягинцева шла быстро, пока не остановилась перед неприметной металлической дверью, около которой красовался магнитный замок. Подоспевший Андрей дышал тяжело: Александра ходила слишком быстро, а Морозов слишком любил покушать, чтобы делать подобные марш-броски за небольшое время.

— Я... я думал, мы будем через картину проходить, — пытаюсь отдышаться, пробормотал Андрей.

Бровь Александры взметнулась и выгнулась, когда журналистка, прикладывая пропуск, потянула на себя дверь под шум прибывающего на противоположную платформу поезда.

— Ты «Гарри Поттера» пересмотрел? — Александра схватила Андрея за предплечье и толкнула сквозь дверной проем. — Ты не можешь проходить через стены. А делать вход прямо посреди платформы — глупо и неэффективно. Нельзя выдавать себя.

Когда дверь за Звягинцевой закрылась, в помещение на несколько долгих секунд воцарилась тьма. Только призрак в банке слабо светился зеленым, но разглядеть что-то все равно было тяжело. Андрей потёр глаза, чувствуя, как линзы скользят песком по глазам, и пожалел, что не взял с собой очки. Затем раздался короткий тихий щелчок, как от зажигалки, и ряд маленьких лампочек вспыхнул перед Морозовым, освещая длинный и узкий коридор, как в фильмах ужасов.

Оглянувшись на Александру и получив от неё воодушевляющий кивок, Андрей покрепче сжал банку и направился вперёд. Коридор оказался длинным, шёл вниз под небольшим уклоном — но отклоняться назад все же приходилось, чтобы не упасть; и в противоположность сложившимся в голове Андрея стереотипам расширялся, перейдя в конце концов в яркий светлый холл. Морозову пришлось зажмуриться — глазам стало больно от ослепившего их света после полумрака коридора, а Звягинцева только понимающе хлопнула Андрея по спине. Когда же он нашёл силы медленно открыть глаза, то обнаружил на Александре солнцезащитные очки и ехидную ухмылку.

На немой вопрос Андрея, Звягинцева только пожала плечами и сделала несколько шагов вперёд, прежде чем, замереть на месте, впиваясь ногтями в ладони.

— Саша!

— Вот дерьмо, — сквозь зубы процедила Александра.

Андрей с любопытством вылез из-за спины Звягинцевой, осматриваясь в поисках источника раздражения журналистки. И искать долго не пришлось: в нескольких метрах какая-то девушка активно махала им рукой, подпрыгивая на месте, как заводная игрушка, и быстро приближаясь.

— Подруга?

— Хуже. Девушка Димы.

Глупое каре трёхлетки, короткая клетчатая юбка и большие карие глаза на пол-лица — это было первым, что бросилось Андрею в глаза, при взгляде на девушку Димы, когда он обернулся. Нет, Андрей не мог сказать, что у Дмитрия Вознесенского был плохой вкус, но для Морозова девушка выглядела слишком по-детски. Вот только гордо пригвождённый к груди бейджик с фотографией, именем, должностью и возрастом девушки, прокричали двумя цифрами, что Андрей младше ее на три года. А затем с фотографии на него так же уставились два больших глаза ребёнка, который пытается выпросить у тебя конфетку.

— Са-а-ашка! — девушка едва не кинулась на шею Александре, но в самый последний момент резко затормозила, привстала на носочках и опустила на полную стопу, смешно покачнувшись. Разумеется, по мнению Андрея. — Не думала уже, что когда-нибудь тебя увижу!

— Да. Тоже не думала, что когда-нибудь увижу себя здесь, — едва слышно пробормотала Звягинцева, бегая взглядом по полу под ногами, а затем резко вскинула голову и улыбнулась. — Как жизнь, Лер? Все так же работаешь с братом?

— Да. То есть нет. Не совсем. Ну ты в принципе знаешь нашу ситуацию. Мы теперь оба с Антоном. Он единственный любезно согласился работать с нами обоими после инициации, — шаркнула ногой Валерия, опуская взгляд.

Неловкое молчание, повисшее между девушками, напомнило Андрею семейные встречи

по праздникам, когда каждому хочется рассказать новости, но в итоге все молчат, потому что родители любую историю сводят к историям молодости и нравственным поучениям, от которых у Морозова каждый раз сводило зубы. Он смог привыкнуть к открыткам с котиками, которые его мама присылала каждый день ровно в шесть утра — причём каждый раз была новая открытка, и их источник оставался для Морозова загадкой, — но к непонятым анекдотам и расспросам о личной жизни, парень привыкнуть так и не смог.

— Я чего за тобой пришла, — девушка сцепила руки за спиной и перекатилась с пятки на носок, глядя на Александру самым виноватым из виноватых взглядом. — Тебя Слава зовёт. Разговор есть.

— Хорошо. Передай, что я приду сразу же...

— Нет, — неожиданно резко и холодно для растянувшей губы улыбки оборвала Александр Валерия. — Он хочет видеть вас сейчас. — Девушка перевела взгляд на Андрея. — Обоих.

— Он уверен, что хочет пережить этот опыт? Он в курсе, что он?.. — Александра коротко кивнула в сторону сохранявшего молчание Андрея.

— Да. — Короткий кивок. — Поэтому зовёт вас к себе. И, должна сказать, он очень... подгорает. Еще чуть-чуть и выйдет на собственной тяге на орбиту. Но пока что только прожёт дыру в кресле.

Валерия многозначительно цокнула языком и для пушей убедительности подняла глаза к потолку. Александра промолчала, все так же с силой сжимая в ладони пропуск. Звягинцева поджала губы в тонкую бледную полоску и прищурилась, словно пыталась прочитать что-то на лице стоящей напротив девушки, но та только продолжала улыбаться, пока ее взгляд наконец не остановился на сжатой Андреем банкой с призраком. Карие глаза тут же потемнели и вспыхнули заинтересованностью: Валерия разве что не протянула сразу же руки, чтобы поскорее забрать себе добычу Морозова, но девушка нашла в себе силы и только дёрнулась в коротком порыве, прежде чем посмотреть на Андрея и еще шире улыбнуться:

— А этого малыша отдайте мне. Я о нем позабочусь.

Не верить этой милой улыбчивой девушке, у Андрея не было ни единой причины.

И все же что-то внутри сжалось, а под ложечкой засосало, когда Морозов передавал банку с дрожащим призраком и думал о его будущем.

Глава 8. Богатырь из табакерки

Просторный белый холл сменился несколькими узкими коридорчиками, по которым их повела Лера. Александра не была рада компании юного экзорциста, потому как и сама могла добраться до кабинета Ростислава Дементьева. Однако Лера так настойчиво предлагала свою помощь, что через несколько секунд Александра смирилась с неизбежным — только бы девушка замолчала и перестала бубнить на ухо своим раздражающе звонким голосом.

Двери лифта тихо сомкнулись перед лицом Звягинцевой, навевая воспоминания, когда она точно так же спускалась в Управление. Но в совершенно другой компании людей. Сейчас никто не дышал тяжело ей на ухо, не кашлял и не отирал со лба пот, копошась по карман в поисках таблеток. А Александре не нужно было любезно протягивать их в ответ, в очередной раз причитая, как можно быть таким рассеянным. И теперь вместо холодно-серых глаз на неё смотрели яркие голубые глаза Морозова. Он ждал объяснений, которых у неё не было. А те что были — она уже ему давно рассказала. Других пока не объявлялось.

— Приготовься, — когда цифры на экране лифта показали минус-шестой этаж, выдохнула Звягинцева, поправляя рюкзак на плече. — Нас ждёт встреча с Ростиславом.

— А что он такой страшный? — встрепнулся Андрей, выглядывая перед Александрой прямо ей в лицо. — Кто он?

— Сущий дьявол.

— Он демон? Ведь тот твой товарищ... — Морозов запнулся, вспоминая имя, — Асмодей. Он ведь демон, да?

— Да, он демон. Но не называй его по имени. Еще появится и будет требовать с тебя три желания. А Ростислав он... — Звягинцева покосилась на притихшую в углу перед ней Леру в дрожащей банковской в руках и повела плечами, — хуже. Намного хуже. Он человек.

Человек. Всего лишь человек, который своим существованием отбивал любое желание жить и работать в «Лихоборах». Мот, скряга и сплетник, какого только можно было найти не то что во всем городе, во всей стране. Он был способен довести даже Александру. О старшем Вознесенском и говорить было нечего — губы Александры изогнулись в усмешке, стоило ей вспомнить все перепалки Стаса и Ростислава.

Морозов быстро заморгал, открыв рот и уставившись на Звягинцеву.

— Не понял. В чем разница? — он взъерошил светлые волосы, и несколько прядей упали ему на красные раздражённые глаза.

— Демоны играют отрицательную роль во вселенной с рождения. Никто не знает, откуда они появились. Никто не знает даже с какой целью. Но они существуют. По своей природе они несут только хаос и страдания. Одержимые ими люди всегда умирают: их тела остывают, кровь замерзает в сосудах, и тела становятся непригодны для жизни, — слова сдавленным хрипом вырвались из Александры, и девушка несколько раз негромко кашлянула в кулак. — Но это их суть, и они не могут быть другими. Это не делает их злом. Они делают все инстинктивно. Люди же... Люди творят все сознательно. Каждый поступок человека — его собственный выбор. И, как понимаешь, ответственность за подобное совсем иная.

— Как-то все у вас слишком сложно. В сериалах намного проще объясняется, — смутился Андрей.

— И это мы еще не дошли до самого главного, — Александра почувствовала, как губы растягиваются в предвкушении очередной реакции новичка на правду в этой жизни.

— Есть что-то еще главнее?

— Да. — Александра кивнула и помедлила, следя, как неоновые цифры на экране сменяют друг друга, приближая встречу с Ростиславом. — Демоны не являются злом. И что весь Ад пуст. Да и еще в нем нет ни лавовых рек, ни невыносимой жары. Только холод и смерть.

— Но, если люди замерзают, то это значит... — с широко раскрытыми от ужаса осознания глазами пробормотал Морозов.

— Мы приехали. — Звягинцева оборвала его даже резче, чем предполагала, и Лера тут же сделала вид, что ей не интересны разговоры Александры с Андреем. — Запиши все свои вопросы на листочек. Я отвечу на них позже. Спасибо, Лер. Дальше мы точно сами, — Александра дотронулась до плеча девушки, и та засмузилась, пробормотав что-то в ответ.

Двери лифта отворились с тихим многообещающим звонком, и створки разъехались в стороны, открывая вид на знакомый длинный узкий коридор, переходящий в просторный холл, разделённый на несколько полуоткрытых офисов, за которыми виднелся следующий коридор. Половицы тут же приветливо скрипнули, стоило Александре выйти из лифта, а пальмочка в кадке качнула листьями под потоками кондиционера. Даже уродливое архитектурное решение в виде прозрачных перегородок и старых двухстворчатых дверей все так же взирало на Александру.

— Добро пожаловать в «Лихоборы», Петербургский департамент. — Звягинцева быстро зашагала, минуя двери с прозрачными офисом. — Сейчас мы находимся в Управлении. Над нами, — Александра ткнула пальцем в потолок, — архив и специализированные отделы охотников, медиумов и экзорцистов. Слева — Нева, так что лучше не прибивать картины к стене — можно устроить потоп. И осторожно, тут все очень... старое.

Морозов осматривал каждый сантиметр коридора с открытым ртом, разглядывал фрески на стенах и пытался потрогать сусальное золото на гипсовых очертаниях древнегреческих богинь, на что тут же получал недовольное шипение снующих из стороны в сторону техничек. Паркет под ногами скрипел и складывался в неровную лакированную ёлочку.

— И чем же вы тут занимаетесь? — Морозов посмотрел на Александру и едва не врезался в возникшую перед ним стену нового коридора, но вовремя увернулся, скользнув в приоткрытую створку двери.

— Вампиры, оборотни, призраки, демоны, — загибая пальцы, ответила Александра, — все это в нашей компетенции. Мы занимаемся их отловом, контролем и учётом. Ну или в другом порядке, не суть важно. Тут у нас отдел по учёту призраков... — Александра махнула рукой на возникший перед ними новый офис.

Проходные комнаты всегда раздражали Звягинцеву, но со временем человек привыкает ко всему. Вот и сотрудники этого отдела не обратили никакого внимания на ввалившихся в помещение Александру и Андрея: только продолжали заполнять что-то в компьютере, а возле некоторых виднелись похожие на пойманного призраки.

— А это... на нашего похож, — пробормотал Андрей, указывая головой на маленьких разноцветных светлячков.

— Да. И если они хотят остаться в этом мире в виде духов, они обязаны зарегистрироваться на сайте нашей организации и встать на учёт. Обычно мы с этим

помогаем.

— Почему?

— Потому что, чтобы нажать на клавиши компьютера или, тем более, на экран планшета, нужно обладать материальным телом и электромагнитным полем вокруг него. — Не то чтобы Александра до этого ставила под сомнение отсутствие интеллектуальных способностей у Андрея, но сейчас она усомнилась, что он в принципе знает, что такое мозг. И тут же с раздражением выдохнула, напоминая, что она обещала себе быть терпимее к другим людям. — И если с последним у призраков проблем нет, то с материальностью... У многих уходят годы, чтобы научиться жить, как при жизни. Прости за каламбур. А у нас есть трёхмесячный срок, в который нужно встать на учёт и получить необходимые документы. Не успел? Тогда мы спешим к вам, чтобы навечно решить все проблемы. К тому же, как ты мог заметить, выглядят они немного... иначе. Но это пока что. Когда вырастет — будет похож на человека. Просто не спрашивай почему и как. Мы и сами не знаем. Только помогаем им и все.

Одна из сотрудниц все же подняла на них головой и с раздражением поджала губы, но Александра сделала вид, что не заметила этого. Отдел по учёту вампиров, отдел по учёту оборотней — долго пришлось объяснять Морозову, что оборотни превращаются не только в собак и волков, но еще в лис, ворон и прочую живность в зависимости от происхождения, — и отдел по учёту неучтённых существ. Родной отдел, в котором Звягинцева провела большую часть своей работы, заполняя бессмысленные карты учёта, анкеты и докладные для Ростислава, чей кабинет выделялся из окружающей исторической обстановки дверью из «Икеи» и яркой безвкусной вывеской «Дементьев Р.И., координатор отдела по неучтённым существам».

— Что ж, вот мы и на месте. Поправь причёску. — Александра рассеянно скользнула хмурым взглядом по растрепавшейся чёлке Андрея и поправила съехавшую набок куртку парня. — Ростислав не любит, когда люди небрежны к себе. Он у нас пижон.

Морозов тут же спешно прилизал волосы назад, но чёлка упрямо распрямилась и, на секунду замерев, упала ему обратно на лоб. Звягинцева хотела бы осуждающе покачать головой, но смогла лишь закатить глаза. Помедлив несколько мгновений перед пластиковой дверью, Александра постучала и уверенно нажала на ручку, открывая ее и заглядывая внутрь.

— Добрый день, ты нас зва...

Александра осеклась, замерев в дверях. На привычном месте Ростислава сидел незнакомый ей человек, а сам Дементьев недовольно тряс ногой, сидя на стуле для посетителей.

— Звягинцева, — растягивая гласные воскликнул Ростислав, — не ожидал, что ты так быстро придёшь! Обычно тебя нужно ждать несколько часов.

Ростислав оскалится, подскочил со стула и уже через несколько широких шагов оказался рядом с дверью, не пуская гостей дальше порога. Как это было типично для Ростислава.

— А это что еще за кадр? — понизив голос, Александра кивнула за спину мужчины.

— Да так, — Ростислав махнул рукой отводя Александру и Андрея в сторону от двери, к высокому книжному шкафу, полузасохшей пальме в горшке и мягкому креслу. На удивление Александры, Ростислав в него не сел, оставшись стоять вместе с гостями. — Товарищ один. Из европейского департамента. Ходит тут все, вынюхивает. Не доверяют нам, видите ли. Хотят проверить в порядке ли у нас документация. Не сиделось что ль ему в своей Англии?

Чёртов англичашка...

— Вообще-то он американец, — подал голос Андрей.

— Что? — повернувшись к Андрею, рявкнул Ростислав.

— Ну, у него американский акцент. Он не из Англии. — Морозов стушевался и втянул голову в плечи, пытаясь стать незаметным.

Ростислав промолчал, изучая Андрея внимательным взглядом. Густые брови мужчины свелись к переносице в глубокую складку кожи, а болотные зелёные глаза не моргали, пока Ростислав не вскинул подбородок и не хмыкнул.

— Тебя не спросили, — Ростислав смахнул с плеча невидимые пылинки. — Сами разберёмся англичанин он, или американец.

— А ты... узнавал у Лондона, посылали ли они своего сотрудника?

— Александра, кхм, я работаю на этой должности не первый год. Конечно узнавал. Послал им с десятков писем. Но они как обычно вежливо ответили, что они проверят полученную информацию, и молчат. Уже три месяца, к слову. На звонки там никто не отвечает, а автоответчик предлагает послушать классическую музыку, пока освободится подходящий оператор. Ничего нового. Стабильность в Соединённом Королевстве.

Он был красив. Нет, не так. Он был до тумана в голове *красив*. Как Кларк Гейбл с афиши «Унесённых ветром». Мужчина все время нервно одёргивал серый жилет от костюма и иногда рассеянно рылся в карманах висящего на спинке пиджака. Было даже удивительно, что на его лбу не выступило ни капельки пота — от стоящей в кабинете жары не спасали даже включённые на полную мощность кондиционеры, — но ответ нашёлся быстро: в руке незнакомец плотно сжимал носовой платок, то и дело промакивая блестящие от влаги лоб и виски, не давая каплям собраться и покатиться вниз по контуру челюсти.

Пялиться на незнакомцев не было в привычке Звягинцевой, но и тех нескольких мгновений, что девушка изучала сидящего на месте Ростислава мужчину, хватило, чтобы выхватить взглядом лежащие волной каштановые волосы, темно-синие глаза, устремлённые на мелкие строчки отчётных документов, и с силой сжатую челюсть. Если бы незнакомец поднял голову, Александра смогла бы разглядеть еще больше деталей, но мужчина удачно игнорировал людей в кабинете, погруженный в бумаги Ростислава.

И кажется, он был чуть старше самой Александры. По крайней мере он выглядел ровесником Стаса. Слишком официальный костюм добавлял ему несколько лет — или это были морщинки в уголках глаз? — но он определенно точно не мог быть старше тридцати пяти. Удивительного в этом ничего не было: сотрудники «Лихобор» редко доживали до сорока лет, а если им и удавалось перешагнуть этот порог, то они непременно начинали скупать по скидкам весь доступный алкоголь, пытаясь забыться. У Александры на этот случай был подготовлен собственный план, о котором она пока старалась не вспоминать.

— Уверен, что рядом с ним можно разговаривать? — следя за незнакомцем, поинтересовалась Александра, слегка наклонившись в сторону Дементьева.

— Конечно. Он ни слова не понимает. Эй, мудила! — Ростислав окликнул мужчину и, когда тот поднял голову, с приветливой улыбкой помахал ему. — Чтоб ты своим чаем подавился на завтрак.

Тот в ответ только улыбнулся, коротко кивнул и вернулся к разложенным на столе документам.

Александра никогда не была приверженкой столь грубого отношения к другим людям и тем более иностранцам, и от девушки не ускользнуло, как рука мужчины вскользь сжалась в

кулак, готовая вбиться в лакированную поверхность стола до разбитых костяшек. Ростислав же не заметил ничего, с победной ухмылкой повернувшись к Александре и глядя на неё снизу вверх.

— Видишь? Ни черта не понимает, — хохотнул Дементьев.

— Я бы все-таки не был так уверен в этом... — пробормотал Андрей, бросив на иностранца напряженный взгляд.

Александра же промолчала. Еще несколько секунд Звягинцева смотрела на работающего с бумагами мужчину, а затем наконец обратила свой взгляд на ухмыляющегося Ростислава — захотелось за эту улыбочку попросить наложить на него порчу. Но это было бессмысленно — жизнь и так уже наложила на Ростислава порчу.

— Лера сказала, что ты хотел нас видеть. Обоих.

— Да-а, — Ростислав мерзко хихикнул, тут же кашлянув в кулак. — Хотел. Больше, чем квартальную премию. Соскучился, Сашка. Кто же еще сможет мне рассказать о своих достижениях, как не Александра Звягинцева?

Он вальяжно оперся плечом о стену, слегка зацепив висящую рядом картину, и сложил на груди руки, рассматривая Александру и Андрея по очереди. Звягинцева привыкла к Ростиславу уже давно, но обычно он был более разговорчив, когда злился, поэтому она поспешила приподнять бровь, намекая, что ждёт от него хоть каких-то объяснений его слов.

— Что ж, — Ростислав слегка повёл плечом, — видишь ли, мы недавно поменяли систему безопасности. Теперь на входе помимо имени, показывается еще и лицо входящего. И представь, каково было моё удивление, когда вместо Пети, мне показали двух проникающих в штаб посторонних человек, одного из которого я лично уволил несколько лет назад и отобрал пропуск без права восстановления.

— Могу представить. Наверно, ты был вне себя от радости.

— Ничуть. Впрочем, я не могу не признать, что я рад тебя видеть. Отчасти.

Дементьев замолчал, но и Александра не спешила делиться с ним мыслями. Они прожигали друг друга взглядами, и, как бы Ростислав не пытался храбриться, быть ниже ростом для него всегда означало стоять ниже психологически. Александра это знала и использовала в каждом споре, нависая над координатором или просто распрямляясь во все свои сто восемьдесят сантиметров роста.

На секунду на лице Ростислава отразилось раздражение, губы поджались, а желваки заходили под кожей, и Дементьев тут же метнулся взглядом на Андрея, выбирая свою следующую жертву.

— А теперь мне бы хотелось узнать, что ты здесь делаешь, Звягинцева, почему с тобой вот этот, — он ткнул пальцем в Морозова, и со стороны стажёра послышалось возмущённое пыхтение, — и как Пётр вообще додумался отдать тебе свой пропуск.

— Знаешь, Слав, если не называть людей безмозглыми имбецилами и тунеядцами, они будут идти тебе навстречу в трудной ситуации, — пожалала плечами Александра.

Лицо Ростислава скривилось, как у его любимого мопса, взгляд потемнел, и мужчина, сжав зубы, зло процедил:

— Все шутки шутишь, Шура?

— Нет, — Александра тряхнула хвостом, — говорю исключительно правду. И для тебя я Александра. На крайний случай — Саша. Будь добр, запомни это. Повторять еще раз я не намерена.

Больше, чем раздражать Ростислава, Александра любила пломбир с клубникой. Свежей,

только снятой с дедушкиной грядки. Но выводить из себя Дементьева было святой обязанностью каждого сотрудника «Лихобор», потому что Ростислав никогда не упускал случая ответить взаимностью. Он был едким и ядовитым человеком, да и класть палец ему в рот означало лишь одно — теперь у тебя на один палец меньше. Справлялись с характером Ростислава не все, но среди этих счастливиц были Александра и Вознесенский Стас, работавшие к тому же до этого вместе.

Ростислав вздохнул, пропустил несколько светлых прядей волос между пальцем, растрепав причёску, и улыбнулся. Остро, резко и надломленно.

— Что ж, не буду ходить вокруг да около. Что вы со Стасом задумали?

— Со Стасом? Он то тут при чем? Мы с ним не виделись уже... года два. — Александра нервно дёрнула плечами, сбрасывая невидимый пиджак лжи. — У вас снова что-то случилось?

— Не пытайся увливать, Звягинцева. Что. Вы. Задумали. Со. Стасом? — чеканя каждое слово повторил Ростислав, прожигая Александру своими болотными глазами.

Морозов что-то рассеянно крикнул у Александры над ухом, и Звягинцева тут же вскинула руку, давая знак замолчать. Андрей крикнул что-то еще раз, и на этот раз Александре пришлось посмотреть на него, чтобы стажёр наконец заткнулся, а затем девушка снова посмотрела на Ростислава.

— Я не увливаю. Ты знаешь, какие у нас отношения с Вознесенским. Если бы я что-то с ним и задумала, так это переезд на разные концы страны, чтобы не видеть его рожу.

— Он подослал тебя, да? Чтобы ты сейчас меня заговаривала и отвлекала от правды.

Александра негромко рыкнула от раздражения, сжимая руку в кулак и медленно вздохнула.

— Г... Черт, Слава, ты такой идиот.

— Может я и идиот, но из нас двоих координатор я. А это уже о чем-то говорит. Знаешь, *Саша*, — выделяя имя Звягинцевой, Дементьев распрямился, но и этого было недостаточно, чтобы его глаза оказались на одном уровне с глазами Александры, — если быть чуть более открытой к людям и не ставить себя выше других, можно получить хорошую должность.

— Я не привыкла лизать задницы начальства. Это ты у нас в этом деле профессионал. Завяжешь травинку в узел языком.

Ростислав опасно сверкнул взглядом, слегка надвигаясь на Александру.

— Знай своё место, Звягинцева...

— Знаю, — резко и холодно оборвала его Александра. — И смею напомнить, что ты не мой координатор. Так что все, что ты сейчас можешь — выставить нас за дверь. Но тогда ты не узнаешь нужную информацию и будешь из-за этого срываться на остальных. И вот ты стоишь и думаешь, что же выиграет первым: твоё неумное честолюбие или желание получить очередную звёздочку на задницу.

Ростислав хотел сказать что-то еще, но в этот момент мужчина сидящий за его столом довольно громко и, кажется, *предупреждающе?* кашлянул, скрипнул офисным креслом и уронил одну из папок. Дементьев осунулся: его плечи опустились, воинственный настрой слетел маской с его лица, и он стал выглядеть даже немного жалко. Забавно, как легко выбивает человека из колеи то, что имеет для него важное значение.

— Так что там про Стаса, Слав? — привлекла к себе снова внимание Александра. — Мне даже теперь интересно.

— А? Ах да, — рассеянно отозвался Ростислав, возвращаясь взглядом к Звягинцевой. —

Мне тоже интересно, Звягинцева, почему везде, куда отправляются мои ребята, ты оказываешься на несколько минут раньше и перехватываешь заказ.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. Я не занимаюсь халтурой, если ты намекаешь на это. Не в моих принципах.

— Да, не в твоих. Зато в принципах Максима. Ты ведь у него теперь работаешь. — Ростислав улыбнулся, заметив, как Александра дёрнулась при упоминании нынешнего начальника. — Передай, что я не потерплю, чтобы он крал *нашу* работу.

— А ты передай своему начальству, что мы всего лишь занимаемся *своей* работой. И не нуждаемся в ваших наставлениях. Мы сами решим, писать нам репортаж про бездомных кошек или про старушек-героев труда.

Александра попыталась пройти к выходу, но Дементьев тут же преградил ей путь. Морозов растерянно оглядывался, как щенок, готовый в любой момент ринуться в бой, а Александра просила у всех известных ей всемогущих существ дать сил пережить эту встречу и не убить Ростислава. Иначе вечность в компании Асмодея ей точно была бы обеспечена.

— Не каждый бездомный кот на самом деле кот, — едко заметил Ростислав.

— И не каждая старушка — герой труда, — парировала Александра, предприняв еще одну попытку прорваться к выходу. И снова безуспешную: Ростислав словно предугадывал каждое движение Александры на несколько мгновений раньше, чем она их делала. — Но мы их находим. И намного быстрее, чем вы. Вам стоит пересмотреть свою уродливую и неповоротливую бюрократию. Ведь ты все так же ходишь на ковёр к начальству за разрешениями на охоту?

Бюрократия была бичом «Лихобор», как крутящийся вокруг Александры Андрей был сейчас ее собственным бичом. Она даже не совсем понимала, зачем таскает его за собой: Морозов просто все время неловко стоял в стороне, как ребёнок, которого родители потащили с собой на встречу с друзьями. Андрей не могу понять, что ему делать, но почему-то от этого Александра испытывала странное удовольствие. Было ли это связано с произошедшим со Стасом, или Александра просто превращалась в Ростислава, и когда-то он тоже был нормальным человеком, который не получал наслаждение от издевательств над подчинёнными? Звягинцева не знала ответа на этот вопрос. Возможно, она просто старела.

— К слову о старушках, — задумчиво протянул Ростислав, постучав себя пальцем по подбородку и промычав под нос. — Алевтина Георгиевна.

— Что с Алевтиной Георгиевной? — Александра спрашивала только из вежливости, понимая, что это не могло не укрыться от Ростислава и «Лихобор».

— Нехорошо, Саш, отпускать добычу, — оскалился Ростислав.

— Я не охотник, чтобы хватать старушек. К тому же она ничего не сделала.

— Для тебя да. Увы, — наигранно театрально вздохнул Дементьев, подняв взгляд к потолку, — нам пришлось ее арестовать. Сама понимаешь, правила. Уверен, твой дружок из Нижнего очень расстроился, когда его ребята не нашли бедняжку в квартире. Их мы, кстати, тоже забрали. При всем уважении к вашему отделу — одержимость наказывается по закону.

— Ни в законе, ни в Уставе нет такой статьи. Ты только что это придумал.

— М-м-м, да. Потому что могу.

— С чего это?

— Я начальник, — самодовольно ухмыльнулся Ростислав.

Александра не признавала начальство. И еще больше не признавала начальников, которые считают себя выше других и пользуются своим положением. Увы, выбора с кем

работать у Александры не было, и потому приходилось мириться с самодурством Ростислава, несдержанностью Стаса и собственной апатичностью к происходящему вокруг. Александру Звягинцеву беспокоила только ее работа. До всего остального девушке по большей части было плевать.

— Так зачем вы нас звали? — осторожно подал голос Морозов.

— Предупредить. Что мы внимательно за вами следим и не допустим самодетельности. Надеюсь, я это ясно объяснил. И к слову... Почему призрака принесли вы, а не Стас?

Сказать правду о Стасе означало бы подписать мертвецу смертный приговор. А портить Вознесенскому последние дни его жизни — Александре не хотелось. Нет, Звягинцева все еще надеялась найти редкое лекарство от охватившей Стаса болезни, но с каждой минутой эта надежда таяла в воздухе, рассеивалась маленькими капельками от бьющих по городу фонтанов и растворялась сахаром на дне чашки кофе. Но молчание позволило бы больному воображению Ростислава додумать за Александру все сокрытые ею детали.

Поэтому оставалось только одно.

Сказать правду. Но не всю.

— Стасу нездоровится, — быстро и негромко пробормотала Александра, делая шаг навстречу Ростиславу.

Маленькие болотные глазки Дементьева, сокрытые под густыми бровями, налились кровью, ноздри раздулись, когда мужчина тяжело задышал, а затем его губы вытянулись в тонкую обескровленную полоску. Ростислав упрямо мотнул головой и тут же победно вскинул подбородок.

— Значит, вы все-таки виделись. Нехорошо врать, Звягинцева. А ведь ты уверяла, что со Стасом не виделась.

— Да. Я сказала, что мы не виделись два года. — Александре было физически больно признавать правоту Ростислава, но другого выбора не было. — Но я не говорила, что мы не виделись вчера. Все зависит от постановки вопроса.

— Нет, Звягинцева. Все зависит лишь от того, насколько ты уважаешь других людей. — Дементьев рассеянно поправил покосившуюся на стене картину. — Можете идти. И передай Стасу, что я жду от него подробный отчет. Это уже пятый выговор за два месяца. Я не смогу и дальше прикрывать его задницу от начальства.

— Пятый?..

— Да. Скатился твой Стас. Как пошёл по наклонной после твоего ухода, так с каждым годом становится все хуже. Погибнет, парень. Буквально. Постарайся, чтобы и этот, — Ростислав кивнул на Морозова, — не кончил как Стас. Они и так долго не живут. А без хорошего экзорциста тем более. Нет, Дмитрий хороший, но еще слишком зелёный. И идёт на поводу у брата. Было бы лучше, чтобы его взял под крыло кто-то более опытный, кто-то вроде старшего советника, — многозначительным тоном протянул Ростислав.

Александра сделала вид, что не поняла намёка, и поджала губы.

— Разумеется. Спасибо за совет. Передам твои слова обоим Вознесенским. — Звягинцева упрямо сжимала челюстью, чувствуя, как по ней идёт мелкая предательская дрожь. — Они сами решат, что с ними делать.

Ростислав ничего не ответил: молча вернулся к столу и рухнул на стул тяжёлым мешком с картошкой. Незнакомый Александре мужчина, чьё имя она так и не спросила у Дементьева, однако попрощался с ней взглядом и понимающе улыбнулся, словно ему тоже

приходилось иметь дело с напыщенными идиотами. Хотя, если он действительно работал в «Лихоборах», то это была его рутина.

Дверь хрустнула за спинами Александры и Андрея, и Звягинцева тут же опустилась на стоящий рядом стул без сил. Морозов обеспокоенно переминался подле неё, на что Александра рассеянно рывкнула и кивнула на стул напротив. Они сидели молча, вслушивались в тихие щелчки клавиатуры и тиканье часов. Александра даже не могла сказать, почему она сейчас без сил: глаза засадило, во рту пересохло, а руки тряслись. И как бы Александра не сжимала по очереди кисти — дрожь продолжала пробивать ее тело. Даже ноги вибрировали. Александра не спала еще ни часа и почувствовала это только сейчас.

— А тебя не смутило то, что он проверял документы на русском?

Резонный вопрос Андрея расшевелил маленького червячка внутри Александры, но Звягинцева только медленно и глубоко вздохнула, успокаивая бешено колотящееся в груди сердце. Ей только сейчас не хватало заниматься таинственными иностранцами в управлении «Лихобор», пока дома без сил лежит Стас.

Которому помощь была нужна больше, чем Ростиславу.

Глава 9. Жареный цыплёнок из Кентукки

— Это точно нужное нам место?

— Абсолютно. Асмодей именно его написал.

Улыбающийся седовласый мужчина, похожий на товарища Троцкого, игриво взирал на Александру и Андрея со своего плаката, приглашая в мир чревоугодия и грехопадения. И аромат жареной курицы, доносящийся через приоткрытое от летней жары окно, не помогал бороться с возникающими соблазнами. Вечер уже опустился на город сумерками, и неоновая вывеска разрывала собой устанавливающуюся тишину вместе с гулкими хлопками отбывающих на север электричек.

Кафе оказалось пустым и грустно перемигивалось лампочками и экранами автоматов для заказа еды. Кондиционер гулко жужжал, а несколько посетителей расселились по его пространству, как жители России: редко, но метко, — заняв все лучшие места у окна и за столиками с мягкими диванчиками.

— И как мы поймём, кто именно нам нужен? — остановившись посреди небольшого зала и быстро осмотрев помещение, понизил голос Андрей. — Твой этот Асмодей мог бы и оставить более чёткие инструкции. Дамблдор блин. Пойди туда, не знаю куда, Гарри. Найди то, не знаю что, Гарри. Убей древнее чудище, Гарри. Заплати за коммуналку, Гарри. Сдай вышмат на пять, Гарри. Что значит «я гуманитарий»? От этого зависит судьба мира!

— Тихо.

Александра шикнула на Морозова не слишком громко, чтобы об этом узнали сотрудники, работающие на кухне под шум кипящего масла, но достаточно для настороженных взглядом кассиров на выдаче заказов.

Мило, насколько смогла, Александра улыбнулась парню за кассовым аппаратом, жестом показав, что они с Андреем пока думают над заказом, и повернулась к Андрею, поправив воротник куртки. Пальцы с силой вцепились в мягкую ткань, и Звягинцева слегка притянула Морозова к себе.

— Во-первых, я уже говорила тебе не называть имён. Это... — Александра устало вздохнула, — может быть опасно. Во-вторых, ты нам так все...

— Не волнуйся, он ничего не испортит.

Насмешливо-издевательский тон за спиной, так нагло прервавший приготовившуюся к воспитательной тираде Александру, заставил обернуться к себе. Карамельно-каштановые волосы, трёхдневная щетина и журнал по вязанию крючком — развалившийся на красном диванчике человек определенно умел привлечь к себе внимание. Кожаная куртка и три ведра куриных крыльев на столике дополняли образ. Как и ехидная ухмылка, когда мужчина заметил, что Александра смотрит на него.

Пальцы Звягинцевой только сильнее сжали воротник куртки Морозова, и Андрей попытался слабо запротестовать, но Александра шикнула на него снова, не сводя взгляда с ухмыляющегося мужчины за столиком.

— Простите, но некультурно врываться в чужой разговор.

— Некультурно ноги на стол складывать. Как видите — я этого не сделал.

Незнакомец развёл руками, указывая на свои ноги, и хлестнул по воздуху журналом.

— К тому же, это вы ворвались в чужой разговор. А не я.

— Вы ни с кем не говорили, — с нарастающим раздражением процедила Александра.

— Вы не можете этого утверждать.

Пальцы Александры разжались, и Андрей, кажется, затаивший дыхание, наконец грузно выдохнул и оттянул ворот футболки. Скинув рюкзак на пол, Александра громко отодвинула стул, проскрипев ножками по полу, и затем то же самое сделал и Андрей, как рыба открывая и закрывая рот в попытках хоть как-нибудь вклиниться в разговор.

Незнакомец приторно улыбался, но в его улыбке не было ничего приветливого. Наоборот, она напоминала оскал хищника, заметившего свою добычу. И от Александры не ускользнули вспыхнувшие во взгляде огоньки торжествующего безумия, когда мужчина, переложив ногу на ногу, неожиданно хлопнул себя по лбу и охнул.

— Ах да, я же не представился. Как невежливо с моей стороны, — наигранно сокрушился он. — Яков Александрович. И можно на «ты». Так я чувствую себя моложе.

Куда он хотел выглядеть еще моложе Александра не представляла: Яков Александрович — у его родителей определенно было плохое чувство юмора — выглядел ровесником Димы, лет на двадцать пять, но щетина и помятый вид накидывали на него не то чтобы лишние годы, но ощущение бесконечной усталости. Он выглядел помятым, как будто не спал несколько суток, но от этого не менее обаятельным. Александра тут же замотала головой, сбрасывая с кожи липкое чувство внушения, и улыбка на лице Якова тут же сменилась раздражённо поджатыми губами.

Мороз неловко хихикнул.

— Андрей, что-то смешное услышал? — Яков перевёл потемневший взгляд на Морозова, и края журнала хрустнули под хваткой его пальцев.

— Да не. У меня просто в садике был товарищ. — Андрей подавился воздухом от смеха, но звук этот был больше похож на хрюканье. — Так мы его все звали Яша Степаша. Как зайца из «Спокойной ночи».

Александра Звягинцева впервые увидела человека, чьё лицо при всей общей спокойности, каждой своей морщинкой показывало внутреннее раздражение. Тёмная бровь остро изломилась, взгляд карих глаз потемнел еще больше, а под кожей заложили желваки, когда Яков сжал челюсть. Кажется, Александра даже услышала, как заскрипели приправы от крылышек между зубов.

— Андрей, да?

— Ага, — быстро кивнул Морозов.

— Андрей, — Яков опустил ноги на пол, отложил в сторону журнал и, облокотившись о край стола, подался корпусом в сторону стажёра, — а хочешь я покажу тебе фокус из «Гарри Поттера»?

— О-о-о! — Андрей заёрзал на стуле. — Превратите стакан в крысу?

— Нет. Добавлю к твоему образу свиной хвост.

Если бы Яков Александрович мог, он бы отвесил Морозову подзатыльник тем самым журналом про вязание, который уже через мгновение снова оказался у него в руках. Мужчина посмотрел на Александру и уже мягче улыбнулся, не глядя перелистнув несколько страниц.

— Если вдруг кого-то не устаивает «Яков», можете звать меня Жаком. Но не думаю, что это поможет... — его взгляд метнулся на Андрея, — некоторым, находящимся здесь. В крайнем случае — Джеймс. Или Джейми. Если, конечно, у вас нет национальных предрассудков.

— Привет, Джейми. Где твоя Клэр? — снова хрюкнул от смеха Морозов.

— Он у тебя головой слишком часто ударялся? Или его каждый день роняли на кафельный пол по несколько раз?

— Без понятия, — пожала плечами Александра. — Надо у его родителей узнать.

— А тебе... — осторожно поинтересовался Андрей, понизив голос до доверчиво-заговорщицкого тона, — то есть вам плохо не будет?

— От чего? — несколько удивлённо отозвался Джеймс.

— Ну там... три ведра острых крылышек, например.

— А тебе не плохо от неправильного использования падежей? Нет? — снова выгнул бровь Джеймс, даже не пытаясь скрыть сарказм в своём голосе. — Ну вот и я себя хорошо чувствую.

Молчание повисло в кафе писком кассовых аппаратов, негромким переругиванием сотрудников и громким телефонным звонком одного из посетителей. Андрей даже не стал пытаться угадать, играя с Джеймсом в гляделки: сразу повернулся к электронному меню над кассами и прищурился, вглядываясь в маленькие цифры. Джеймс поджал губы, всем своим внешним видом показывая крайнюю степень непонимания этой жизни. Александра же пнула валяющийся под ногами рюкзак и ущипнула Андрея в бок. Морозов болезненной ойкнул и повернулся к Александре.

— За что?

— Невежливо поворачиваться к собеседникам спиной. — Схватив одну из салфеток, Александра сложила ее несколько раз, с силой провела ногтем по сгибу, превращая некогда рифлёную поверхность в гладкую и ровную, а затем резким движением разорвала бумажку.

Морозов громко и нервно сглотнул, проследив за движениями пальцев Александры.

— А... — приосанившись, Андрей попытался стащить одно крылышко, но тут же получил по рукам журналом, — а если умереть, то правда попадёшь в Ад?

— Ты где нашла этого мальчика, Звягинцева? — съязвил Джеймс.

— Я не говорила, как меня зовут, — нахмурилась Александра, отложив в сторону разорванную салфетку, и скрестила на груди руки.

— А мне и не нужно спрашивать, чтобы это знать. А ты, — Джеймс ткнул пальцем в Морозова, — вряд ли попадёшь в Ад. Ты слишком глуп для этого. Да и там сейчас в принципе пусто.

Андрей возмущённо подавился воздухом и громко кашляну, заставив губы Александры растянуться в ухмылке. Помедлив еще немного, Морозов откинулся на спинку стула, сунул руки в карманы куртки, пытаясь придать себе как можно более беззаботный вид, и выгнул бровь. Он мог бы быть тем самым спортсменом из глупых комедий, в которого влюбляются все девушки школы, если б не поношенная джинсовая куртка вместо куртки леттерман[1] и польские кеды с кривым «Абибас» вместо фирменных с тремя полосками. И почему только Александра раньше не обращала внимания на эти мелочи?

— Александра сказала то же самое, — отстранённо протянул Андрей и тряхнул головой, отчего чёлка снова упала ему на лоб и глаза. — А почему?

— Ну, знаешь, — уголки губ Джеймса нервно дёрнулись, но улыбка не сошла с его лица; только стала более острой и рваной, — люди ходят, донатят в церковь и получают кэшбек в виде индульгенции. Это когда тебе прощают все грехи и так далее и тому подобное. Даже не нужно перед смертью исповедоваться. Удобная вещь. Настоятельно рекомендую. Еще можно оформить месячную подписку в виде свечек, исповедей и воскресных служб. В принципе тоже работает.

— Я знаю, что такое индульгенция. На уроках истории проходили.

— Поздравляю. Возьми из ведра крыло, — Джеймс подтолкнул красно-белую полосатую картонную упаковку к Андрею. — Еще вопросы?

Вопрос, крутящийся у Звягинцевой на языке, не требовал ответа. Александра в принципе не была уверена, что хочет знать правду, что ускользала от неё между пальцем мелким речным песком. Александра чувствовала подвох в происходящем, но не могла найти ни одного разумного объяснения, а потому, набрав в лёгкие побольше воздуха, твёрдо и уверенно отчеканила:

— Кто ты?

Джеймс замер, так и не перелистнув страницу. Он поднял взгляд исподлобья на Александру и хмыкнул.

— А тебе какая разница? Сказал бы, что я вас ждал, но это будет ложью. А вот то, что вы испортили мне чудесный вечер — чистая правда. Поэтому вам лучше либо поскорее сказать, зачем вы пожаловали, либо свалить, пока я еще в настроении с вами разговаривать.

— А с чего ты взял, что мы пришли к тебе? — парировала Александра точно таким же тоном. — Влез в наш разговор и думаешь, что все внимание теперь приковано к твоей персоне?

— Да вы на все кафе сказали, что вас сюда послал Асмодей, — хищно оскалился Джеймс. — Что, рыжий черт, побоялся сам прийти? По глазам вижу, что побоялся. Ладно, говорите, зачем он послал вас ко мне.

Звягинцева едва заметно заёрзала на стуле, прикусила изнутри щеку и отвела взгляд, когда поняла, что Джеймс пытается перехватить все ее внимание на себя. Она хорошо знала этот приём: Стас порой делал то же самое, отвлекал и заставлял Александру забыть все, чем она занималась. Но Вознесенский был знакомым для неё человеком, Джеймс же... нет, не пугал Александру, но заставлял чувствовать себя неудобно. И с каждой секундой, что Звягинцева тянула с ответом, температура вокруг них словно повышалась, кожа начала покрываться мелкой испариной, а дышать становилось все сложнее даже невзирая на жужжащие над ухом кондиционеры.

Сдув несколько упавших прядок со лба, Звягинцева попыталась подвинуться вместо со стулом, но только безуспешно дёрнулась и, оставшись сидеть на месте, вздохнула.

— С моим другом... — Александра осеклась, — парнем. — Смутившись, она быстро поправила себя: — Бывшим, парнем. В общем, с ним... произошло несчастье.

— Несчастье? И ты пришла, потому что хочешь, чтобы я занял его место?

— Что?.. Нет, — Александра подавилась воздухом от нахлынувшего возмущения. — С чего вдруг...

— Успокойся. Я пошутил. Ты не в моем вкусе.

Андрей неловко хрюкнул от смеха, и Александра развернулась к нему с такой силой, что едва не столкнулась лбом с навязчивым непутёвым стажёром, от которого у Звягинцевой за неделю свалилось на голову столько неприятностей, сколько она не получала за все девять лет работы с Вознесенским.

— Так что там с твоим *другом*? — Джеймс откинулся на диванчик и закинул ногу на ногу.

— Ему нездоровится, — уклончиво ответила Александра.

— Нездоровится? Когда людям нездоровится, они ходят не ко мне, а в церковь. А лучше в больницу. Могу помочь только с одной проблемой — бесплодием, — едко хмыкнул

Джеймс, хрустнув журналом и пробежавшись взглядом по строчкам.

— Несмешно, — закатив глаза, сухо выплюнула Александра.

— А я и не шучу, если ты не заметила. А что скажет твой молчаливый напарник? — Джеймс слегка повернулся корпусом к Андрею и выжидающего на него уставился. — Или вы говорите по очереди? Ну знаете, враги в играх обожают любезно стоять в сторонке и дожидаться своей очереди вместо того, чтобы напасть толпой. Но вы на неписей не очень похожи, а мы все-таки не в игре. Хотя у меня иногда бывают сомнения относительно реальности нашего мира.

Александра решила не отставать от Джеймса: в очередной раз за вечер повернуться в сторону растерянного и потерянного в пространстве и времени Андрею заняло у неё не больше двух секунд. А вот Морозов за это время успел вжаться в спинку стула и вцепиться пальцами в края пластикового стула. По правде говоря, Александре казалось, что она застряла в очень плохом кино, где ей досталась главная роль, а не кресло режиссёра. Она еще никогда за свою жизнь не делала столько однотипных движений, как за последние несколько дней. Все, что Александра могла сейчас делать — это хмыкать, понимающе кивать и поворачиваться в сторону Андрея, чтобы выразить неудовольствие от его компании. Хотя сейчас Морозова ей было даже несколько жаль. Видимо, виной тому было шевелящееся в груди чувство симпатии к этому парню.

Морозов испуганно смотрел на Джеймса, его челюсть шла мелкой дрожью, а пальцы скребли ногтями по пластику.

— Я... Я не знаю. Я вообще не понимаю, что происходит.

— О, бедняжка первый день в этом мире, — насмешливо отозвался Джеймс, отрывая от куриной панировки кусочек и закидывая себе в рот. — Узнаю этот потерянный взгляд.

Андрей открыл было рот, чтобы ответить, и тут же закрыл. Что послужило тому причиной: выражение лица Джеймса или исходящие от него густые пряные волны, которые, казалось, можно было попробовать на вкус — Александра поскребла зубами по языку, пытаясь снять тонкую невидимую плёнку из корицы и чего-то травянистого, но безуспешно — сказать было достаточно трудно. Но уже через секунду от бывшего напряжения ни осталось ни следа, а Джеймс мило улыбнулся им обоим, отложил в сторону журнал и потёр в предвкушении руки.

— Ладно. Веди меня к своему другу. Я подумаю, чем ему можно помочь. Но сначала, — тон Джеймса сразу не понравился Александре, а когда тот еще и сделал многозначительную паузку, улыбнувшись и кивнув на три ведра с жареными крылышками перед ним, Звягинцева поняла, что они в очень больших неприятностях, — я съем вот это все. Можете тоже что-нибудь себе взять, потому что я делиться не буду.

***

— И чего вы от меня хотели?

— Ну... Чтобы ты на него посмотрел. Сказал что-нибудь.

— Хорошо. Я на него посмотрел. Дальше что? Могу посоветовать хорошего священника. Недорого берет за отпевание. Оно ему скоро понадобится. Да и было бы неплохо его соборовать. Если он верующий.

Сказать, что Джеймс было в квартире Александры неуютно, было бы очень сильным преуменьшением. С самого порога подъезда он вертел носом, кривил лицо и бурчал, что ему здесь не нравится. Он даже попытался сбежать, но идущий позади Андрей помешал ему это сделать. Что было причиной подобного поведения — оставалось загадкой. Александра могла

только растерянно пожать плечами на вопросительные ужимки Морозова и втолкнуть Джеймса в квартиру.

— В смысле? — Андрей непонимающе моргал, переводя взгляд с Александры на Джеймса.

Тот склонился над удивлённым Стасом и приложил ко лбу последнего ладонь, недовольно поджав губы. Простояв так несколько мгновений, Джеймс отстранился от Вознесенского и обернулся на прилипшую к дверному косяку Александру. Она знала, каков будет диагноз, но все же слабая надежда в груди говорила, что возможно еще не все потеряно и надежда есть.

— Вы позвали меня посмотреть на почти мертвеца? — Джеймс развёл руками и отошёл подальше от восседающего посреди кухни на стуле Стаса. — Или ты хотела, чтобы я сказал, что могу помочь твоему парню? Увы, нет. И ты сама прекрасно это знаешь. Да, Александра Звягинцева?

— Стас не мой парень, я уже это сказала. Он был им. Когда-то. Но сейчас мы не вместе.

— А вот у меня есть несколько другие сведения. И о тебе. — Джеймс указал пальцем на Александру, а затем обернулся на Стаса, обведя его взглядом. — И о твоём так называемом «не парне». Вот только ни тебе, ни ему я помочь не смогу. Ему — уж точно нет. От этой болезни есть только одно лекарство.

Морозов встrepенулся, услышав слово «лекарство», и даже отлип от стены, которая оказалась достаточно дружелюбной. Как и кот Александры, разгладевший в Андрее идеального хозяина — им было легко помыкать и требовать еду раз в пять минут. Звягинцева на это обычно говорила «Заткнись» и продолжала работать. Морозов же оказался слишком сердобольным и оставить животинку голодной просто не мог. Надо бы сводить кота после всего к ветеринару — несколько килограмм за этот день он точно прибавил благодаря бабушке Андрею.

— Какое? — Морозов подался вперёд, почёсывая кота за ушком.

Джеймс раздражённо фыркнул, сложил на груди руки и закатил глаза.

— Смерть, мой маленький глупый зверёныш.

— Эй!

— Заткнись, оболтус. Это ведь все из-за тебя случилось, — Джеймс не задавал вопрос: он просто констатировал факт, словно лично присутствовал на том кладбище и все снимал. — Теперь тебе и разгребать.

Андрей, судя по напряженному выражению лица, проглотил заготовленные оправдания и нахмурился, почёсывая мурчащего кота за ухом.

— Ты сказал, что сможешь, — холодно бросила Александра, сжав ладони в кулаки.

— Я сказал, что я подумаю, чем можно ему помочь. Сколько уже дней прошло? — Джеймс выгнул бровь и махнул рукой на Стаса. — Он у вас холодный, как труп.

— А мне никто не хочет рассказать, что происходит?

Быть предметом обсуждения в разговоре, о котором ничего не знаешь, не понравилось бы даже Андрею Морозову. Но услышать низкий хриплый голос Стаса оказалось для Александры слишком болезненным. Она поморщилась, сжимая на груди ткань футболки, и сглотнула, отводя от Вознесенского взгляд. Александра чувствовала себя вором, которого поймали на месте преступления. И в этот раз ее добычей была жизнь Станислава Вознесенского.

— Стас, давай не сейчас...

— Давай не сейчас? — Стас подскочил на ноги с такой силой, что стул повалился на пол. — Что вы от меня скрываете, Сашка?

— Стас, послушай...

— Ты умрёшь через пару дней, — резко и бесцеремонно вклинился в разговор Джеймс. — Как-то так. Наслаждайся последними днями своей короткой и бессмысленной жизни. Можешь съездить в Сочи. Деньги тебе уже вряд ли понадобятся. Так хоть проведёшь с пользой время. Могу даже подсказать пару мест, где можно снять...

— Хватит.

Слово вырвалось из горла Александры колючим горьким комком. Ей даже пришлось негромко прокашляться, сжав ладонью шею, а на языке растёкся приторно-миндальный привкус лжи. Дышать стало тяжело, Александра хватала воздух ртом, скребла ногтями по коже и вжималась плечом в дверной косяк, находя его единственным, что могло удержать в вертикальном положении. А затем все прекратилось. Воздух ворвался в лёгкие взрываясь пузырьками альвеол, и Александра поняла, что все это время неотрывно смотрела в глаза Джеймса, такие карамельно-золотые, что ее собственные казались на их фоне бледными и пустыми.

— Что он несёт? — Стас уставился на Александру вопросительным взглядом.

— Не слушай его. — Александра сжала пальцами переносицу и сделала несколько глубоких вдохов. — Он уже уходит. И надеюсь, больше никогда не появится в нашей жизни.

Играть с Джеймсом в гляделки было бессмысленно — проигравший был известен заранее и это не ухмыляющийся во все зубы мужчина. Джеймс перекатился с пятки на носок, а затем еще раз, вслушиваясь в скрип паркета. Его взгляд скользнул по кухне Александры, и он подошёл к стене рядом с дверью, остановившись в нескольких сантиметрах от Звягинцевой.

— Да в принципе мне ваша жизнь не очень-то и нравится, — скептически протянул Джеймс, подцепив пальцем краешек отслоившихся обоев, за которыми виднелся кусок дореволюционной газеты с кокетливыми «і» и «ъ» и решетчатые деревянные стены. — Ремонт бы вам здесь сделать. А то такое чувство, что Ильич не в Германии жил, а в этой квартире. Вон, даже броневилок есть, — хохотнул Джеймс, кивнув на кота на руках у Андрея.

Александра даже не стала спрашивать, откуда ему известно имя кота. Назвать рыжего нахлебника «Броневином» предложил Стас, когда тот в первый же день своей жизни в этой квартире забрался на загривок Вознесенского и не спускался, пока Александра не отцепила его вместе с куском футболки. Джеймс выглядел как человек, который знает слишком много в этой жизни, но это не мешает ему сладко спать по ночам. В отличие от Александры, которая, судя по всему, не знала ничего. Жаль, что у неё фамилия не Снежная — можно было бы все время шутить.

— В общем... — Джеймс пожал плечами. — Чао-какао, как говорится!

Он улыбнулся и уже собирался протиснуться мимо Звягинцевой, но тут же замер, занеся ногу над порогом.

— Стас, что... — Александру оборвал низкий грудной рык.

Табурет повалился на пол, опрокинутый Вознесенским. Александра успела только заметить нахмурившиеся брови Джеймса и пролётшую между ними складку, прежде чем того резко развернули и, вцепившись за воротник куртки, приподняли над полом. Вечный серый шарф Стаса рухнул на пол бесформенной кучей, а по стёклам быстро поползли

морозные узоры, захватывая на своём пути все, до чего могли дотянуться, проникая в каждую трещинку на деревянной мебели. Воздух вырвался изо рта Александры молочным облачком и повис в воздухе, не спеша распасться на разрозненные пряди. Время замерло: даже стук часов стал низким, тяжёлым и заторможенным, вибрирующем на барабанных перепонках пчелиным жужжанием и вибрируя по швам черепа.

А затем кухня вспыхнула ярким ослепляющим светом.

Когда Александра открыла глаза, облачко дыхания растеклось перед ней по воздуху. Стас больше не держал Джеймса — тот повалился на пол, как будто это он был шарфом, а не тот замызганный кусок серой ткани рядом с ним. Его грудь медленно вздымалась, он хватался за неё рукой, пытаясь сделать вдох, но вместо этого из его горла вырывались булькающие хрипы.

— Ничего личного, *братишка*, — склонившись над скорчившимся на полу Джеймсом, ехидно протянул Стас и похлопал его по плечу.

Перешагнув все еще шевелящееся тело, Стас не встретил никакого сопротивления ни со стороны опешившей Александры, ни со стороны испуганно жмущегося к стенке в объятьях кота Морозова. Только выскочивший в коридор Дима попытался преградить брату путь и тут же отлетел с громких хрустом в стенку, повалившись на пол вместе с парочкой старых пожелтевших от времени фотографий.

Дверь хлопнула за спиной Стаса слишком быстро, чтобы кто-то успел перехватить ушедшего Вознесенского. Липкое чувство оцепенения маленькими иголочками покалывало кончики пальцев, мир кружился вместе с распластавшимся по полу Джеймсом, и Александра вцепилась пальцами в дверной косяк, удерживая себя на ногах. Давно забытое чувство тошноты подкатило к горлу, и Звягинцева сжала плотно зубы, заскрежетав невидимым песком. Дима громко охнул, шурша подошвой по паркету, и хрустнул стеклом рамки для фотографий.

— Пожалуй, — раздался тихий надломленный голос Джеймса, — я задержусь у вас еще ненадолго.

[1] Университетская куртка, она же бейсбольная, она же куртка леттерман — классический атрибут американских университетских спортсменов. Это короткая куртка с контрастными рукавами, стёганой подкладкой, коротким трикотажным воротником, манжетами и поясом-резинкой. В самом классическом варианте корпус куртки сделан из мольтон (плотной шерсти, почти как у бушлатов и пальто), а рукава — из кожи.

Глава 10. Хороший родственник — мертвый родственник

— Почему у тебя в доме воняет мертвечиной, Александра?

— Тебя не было — не воняло.

Преувратившаяся в хостел двухкомнатная квартира Александры, к счастью своей владелицы, за последние три дня значительно опустела, выселив из себя непрошенных постояльцев. И хоть Александра и предпочла бы, чтоб Стас или его брат остались у неё, Звягинцевой приходилось мириться с тем, что Дима ускользнул посреди ночи, а от Стаса не было ни единой новости за все семьдесят два часа, что прошли с момента его ухода. Александре даже удалось немного поспать. Четыре часа. Но и этого Звягинцева считала излишним: она все время ходила по квартире, раздражая валяющегося на диване Джеймса, вздрагивала от каждого звонка и иногда ожесточённо выкручивала щелкающий диск, набирая знакомый номер.

Вот и сейчас, кажется, вселенная решила, что нервы Звягинцевой еще не до конца истончились и на них можно сыграть припасённым смычком: задержавшийся на несколько дней кузен Александры бесцеремонно вошёл через окно, уселся на стул и закинул на стол ноги, с ехидной ухмылкой глядя на Звягинцеву.

— И я тебя рад видеть, Александра. Как дела, Феликс? — он передразнил Александру писклявым голосом и качнулся на стуле, балансируя на двух ножках. — Хорошо. Спасибо, что спросила. Что нового в жизни? Погасил ипотеку за тот дом на юге. Спасибо, что тебя интересовало, как я выживал все эти годы. Что ты?..

— Феликс. — Александра резко остановилась, прекратив нарезать по кухне круги, и с силой ударила ладонями по столу, отчего пара чашек со звоном подпрыгнули. — Какой дом? Какая ипотека? Ты мёртв, Феликс. Тебе никто не выдаст кредит.

Феликс сделал вид, что его задела слова Александры, и он поджал губы.

— Ну, я правда гасил кредит. Правда не свой, — тут же добавил он, — а безвременно покинувшего этот грешный мир владельца. Как оказалось, банку все равно, кто приносит им деньги. Главное, чтоб платили в срок. А милая вдова была не против.

— Ничего не хочу об этом слышать, — на выдохе пробормотала Александра, отлипая от стола, и потёрла ладонями глаза. — Как был идиотом, так идиотом и помер. Вы вообще не развиваетесь после обращения?

— Эй!

Вот теперь Феликс звучал действительно оскорблённым. С самого детства Александра Звягинцева слышала от своего деда только одно: «Этого нахлебника оскорбить не сможет даже смерть. Разве что сам черт поднимется на землю и укажет Феликсу на его место», — и могла только догадываться, почему ее опекуну настолько неприятен их приходящий родственник. Когда же Александры выросла и обязанность заботиться о Феликсе легла на ее плечи, она первым делом отозвала его приглашение в квартиру. Кузен, как она его обычно называла, несколько месяцев оббивал порог и все подоконники квартиры Александры, добиваясь от неё разрешения войти. Сдалась Александра только через год. Да и то, потому что Стасу надоели ночные завывания за окном.

И вот теперь, кажется, Александра даже смогла опровергнуть слова своего деда.

— И давно ты научилась так хамить родственникам, Александра? Я твой брат...

— Ты наш крест, Феликс, — выдохнув, Александры рухнула на стул и, опершись локтем о край стола, накрыла ладонью глаза. — Всей нашей семьи. С самого момента твоей смерти. И мы пытаемся его нести, как можем. Но шея порой начинает болеть от этого вечного восхождения на Голгофу, знаешь ли. И тебя никто не учил стучаться? — вспыхнула Александра, резко вскинув голову и посмотрев на Феликса. — Ты не можешь просто влетать в мою квартиру и делать вид, что все в порядке.

— Бла-бла-бла, Александра решила поиграть в грозную мамочку. Что, накажешь меня?
— Убью.

Слово сорвалось с кончика языка Александры быстрее, чем она подумала о сказанном. Однако Феликс тут же как-то затих и обиженно засопел. Он все так же покачивался на стуле, но теперь сложил на груди руки, нахмурился и опустил взгляд, прожигая им чашку на столе. Часы негромко тикали в тишине кухни, пока Александра играла в односторонние гляделки с кузенком. Тот продолжал игнорировать ее весьма упорно, и Звягинцева могла поспорить, что делать так он мог до самой смерти. Смерти Александры, разумеется. Потому что, вспоминая все ситуации, из которых Феликс выходил живым, когда все факты были против него — он даже пережил два лихоборовских суда, добившись оправдания и возмещения морального вреда, — Александра начала подозревать, что Феликс у смерти в черном списке.

И все же первым не выдержал Феликс: резко опустил стул на все четыре ножки, гордо вздёрнул подбородок и посмотрел на Александру. Только теперь в его взгляд читались подозрение и страх. Он повёл носом, принюхиваясь, и театрально фыркнул, как если бы ему в нос залетела пыль и начала щекотать.

— Как-то у тебя и правда воняет, Саш. Что тут происходит?

— Не твоего ума дело, — Александра сцепила руки перед собой в замок и торопливо начала перебирать кончиками пальцев по костяшкам.

— Мне жить в этой квартире несколько дней. Я должен знать чьи запахи я буду каждый день вдыхать. Это, знаешь ли, — Феликс сморщил нос, — не розы.

Помедлив несколько мгновений теперь уже сдалась Александра, не видя смысла делать из Андрея тайну.

— У меня стажёр. Возможно, это его одеколон.

— И где этот стажёр? — с подозрением уточнил Феликс.

— Уехал домой, когда мы поняли... — Александра запнулась и прикусила изнутри щеку, тут ощутив на кончике языка металлический привкус. — Когда мы поняли, что нужно сдать отчёт начальству, а срок уже сегодня. Обещал прислать материал на правки, но скорее всего он лежит сейчас на диване и спит. А когда не спит — пьёт и смотрит телек.

— Почему считаешь, что пьёт?

— Я бы после такого на его месте пила.

Знать, что Андрей ушёл из квартиры Александры уже пьяным, Феликсу было не нужно. Поэтому с большей вероятностью, сейчас Морозов отсыпался и боролся с похмельем, в которое его загнал расстроенный Дима и сама Александра, обнаружившая, что пьяный Морозов — тихий Морозов. Разговаривал он намного меньше, и не мешал думать, что теперь делать со всем, свалившимся на голову за последнюю неделю. И все же звонить и справлять о состоянии Андрея Александра не спешила, позволяя стажёру свыкнуться с новой информацией: по его взгляду было заметно, что он в трех минутах от звонка в районное отделение психдиспансера. Жаль, он не знает, что все его сотрудники — члены «Лихобор».

— Можем все-таки поговорим? — осторожно предложил Феликс, усаживаясь на стуле ровно и неестественно для нынешнего времени распрямляя спину. — Или дама изволит желать чего-то другого? Чаю например?

Александра помедлила. Слова, которые она так долго хотела высказать своему кузену, застряли, пойманные в ловушку ее же собственной спесивостью и неумением скрывать свои мысли дольше, чем то было необходимо.

— Нам не о чем говорить, Феликс. Можешь сделать себе чай, если хочешь. Я не голодна.

— А я вот что-то давно не кушал. Если ты понимаешь, о чем я, — Феликс намекающе поиграл бровями, а затем его лицо резко стало серьёзным, и он перевёл взгляд за спину Звягинцевой. — Что у вас тут происходит, Александра?

— Доброе утро всем не спящим в такую рань.

Александра не должна была оборачиваться. Она не должна была прожигать взглядом прильнувшего к дверному косяку полурядетого мужчину перед ней в одном набедренном полотенце. И уж тем более она не должна была позволять себе следить, как капелька воды стекает на его шею, огибают острую ключицу и скользит по слегка заметному прессу, чтобы затем скрыться за краем белоснежного полотенца. И тем не менее она все это сделала. Еще и сглотнула, чтобы наверняка закрепить у Джеймса в голове мысль, что она оставила его дома только ради того, чтобы забыть о Стасе.

Резко отвернувшись, Александра тут же пожалела об этом, столкнувшись взглядом с ехидным Феликсом, играючи постукивающим кончиками пальцев по столу.

— О, я смотрю, ты времени даром не теряешь, Сашка. — Феликс метнулся взглядом на Джеймса, и тут же его губы изогнулись в ухмылке. — Что, забываешь Стаса в объятьях другого?

— Заткнись, Феликс.

Послышались мокрый звук отлепляющейся от дерева кожи и два громких тяжёлых шлепка босых ног по полу. Джеймс остановился над самым ухом Александры, опершись руками о спинку ее стула.

— Она не в моем вкусе, — раздалось сверху, и Александра втянула шею, чувствуя, как щеки горят.

— Мы это уже все поняли, — резко рявкнула она. — Не нужно повторять дважды.

Стул скрипнул, когда пальцы Джеймса разжались и он отпустил спинку, встав рядом с Александрой. Феликс тут же подскочил со своего места и шагнул немного в сторону, чтобы не толпиться у стола.

— Феликс Звягинцев, — он протянул руку, чтобы поприветствовать Джеймса, но тот просто прошёл мимо Феликса, тут же заняв его место рядом с Александрой.

— Я знаю, — бросил в воздух Джеймс, глядя на Звягинцеву. — А где этот? Ну, другой убогий. Не твой кузен.

— В это квартире хоть кого-нибудь не оскорбляют за первые пять минут общения? — обиженно засопел Феликс.

— Да. Мёртвых.

Александра постаралась придать своему лицу как можно более бесстрастное выражение, когда говорила эти слова. Не улыбаться — было тяжёлой задачей. Но, кажется, она с ней справилась: Феликс поник, опершись о край столешницы кухонного гарнитура. Его взгляд бегал с Джеймса на Александру, а из ушей разве что не поднимались вверх

маленькие струйки черного дыма от перенапряжения.

— Мне кажется, или это дискриминация по видовому признаку? — глаза Феликса с подозрением прищурились, а пальцы пропустили меж собой несколько светлых прядей его волос, растрёпывая причёску.

— Тебе кажется, — отмахнулась Александра, плеснув в стоящую рядом кружку воды из кувшина.

— Но ты ведь сама назвала меня мёртвым.

— Я мыслю, следовательно, я существую, — задумчиво протянул Джеймс и с хрустом откусил кусочек схваченного со стола яблока.

— Изображаешь злодея из кино? — саркастично вскинул бровь Феликс.

— Нет, просто мне нравятся яблоки. Навевают воспоминания о детстве.

Хруст, с которым Джеймс откусил еще один кусочек, треском разорвал безмятежность небольшой кухни. Жевал яблоко он еще громче, кажется, догадавшись, что Феликсу этот звук доставляет дискомфорт: Феликс нервно моргал, как будто у него тик, каждый раз, когда челюсть Джеймса делала круговое движение, чтобы снова разбить кусочки яблока на более мелкие.

— Если хочешь, хоть что-нибудь узнать, сиди и помалкивай, — Александра метнула предупреждающий взгляд на Феликса.

— Ладно, ваше высокоблагородие, — он отлип от столешницы и, звонко ударив каблуками друг о друга, отвесил Звягинцевой шутливый поклон. — Как скажете. И если ты не заметила, на кухне только два стула. И оба они заняты.

Александра не стала отвечать на резонное замечания Феликса. Вместо этого девушка обратила все своё внимание на жующего Джеймса и в который раз за последние дни заметила, что хоть это имя ему и идёт, но называть так достаточно непривычно. В окружающей их обстановке. Оно казалось неестественным, как и сам мужчина, было чем-то лишним на этой кухне, где даже помятый бессонными ночами Андрей Морозов вписывался намного лучше в своей поношенной куртке и дурацких палёных кедах.

— Что за тварь сидит в Стасе? — Александра пожалась вперёд, заглядывая Джеймсу в глаза.

— Зачем же так грубо? Тварь, — он ткнул пальцем за спину на подоконник, где примостился домашний любимец Звягинцевой, — это твой кот, решивший, что мои кеды — идеально место, чтобы обосновать в них лоток. Жаль не смог притащить наполнитель — тогда бы он сразу на них кинулся.

— Кота не трожь, — вскинулся Феликс.

— Разумеется, товарищ Дзержинский. Не буду я трогать ваш Броневинок. Не очень-то он мне нужен.

Джеймс вскинул было руки в примирительном жесте, но Александра только смерила его хмурым взглядом и упрямо поджала губы.

— Не отходи от темы.

— Твоему другу не помочь, если ты хочешь снова это услышать. — Джеймс развёл руками и, отбросив яблок в сторону, откинулся на спинку стула. — Хотя в нем и не тварь, но потрепал он его за эти дни знатно. Однако я удивлён, что Стас все еще не откинулся окончательно. Крепкий парнишка. Или его просто что-то слишком удерживает.

— Он просто упрямый козел, — усмехнулась Звягинцева, чувствуя на губах неприятный горький привкус лжи.

Джеймс улыбнулся одновременно с Александрой.

— В любом случае, ты знаешь правила, Звягинцева. Либо то... — Джеймс помедлил явно подбирая слова, потому как на секунду он оглянулся на Феликса, — существо само покидает тело Стаса, либо мы звоним священнику. Насильно мы ничего не сможем сделать. Тебе и самой это известно, не так ли? — Губы Джеймса растянулись в довольной ухмылке, когда Александра скривилась и нервно взмахнула руками, намекая, что разговаривать об этом она не собирается. — Разве что, — он пожал плечами, — твой дружок сможет самостоятельно выдавить Б... демона из своего тела. Но я в это слабо верю. На моей памяти такое было всего два раза. И то через несколько минут после слияния. Да и в одном из тел демону просто не понравилось быть — они не любят девственниц.

— Что ж, как говорится, бог любит троицу, — неловко крякнул Феликс и перекатился с пятки на носок, скрипнув половицами.

— Скорее пятницу.

— Что?

— Ничего, — отмахнулся Джеймс и тут же с улыбкой добавил: — Шутка.

Он улыбался недолго. Всего несколько секунд, показавшихся Александре вечностью загнанного в ловушку зверя. Джеймс улыбался, и от этой улыбки по телу Звягинцевой разливалось неприятное ощущение, которое не могли стереть ни золотистые глаза напротив, ни подтянутая фигура, несомненно вставленная сейчас, чтобы отвлечь Александру. Тиканье часов замедлилось, сливаясь с кухонной тишиной и гудками машин, а улыбка превратилась в оскал, чтобы в следующее мгновение и вовсе исчезнуть за ярким алым пятном надкушенного яблока.

Звягинцева замотала головой отгоняя от себе наваждение и заметила краем взгляда напряженного Феликса. Охотник увидел охотника, — Александра усмехнулась собственным мыслям и резко дёрнула край домашней футболки.

— Дима весь город уже обыскал, но Стаса не видно, — выдохнула Звягинцева, подтянув одно колено к груди и обхватив его рукой.

— Конечно, не видно. Вы думали он в гостиницу пошёл? Жди своего дружка с сосульками вместо волос. Ставлю сотку, что он сейчас у себя дома. И это не Чукотка, — шутливо погрозил пальцем Джеймс. — Либо же он прячется там, где вы никогда не будете его искать. Например... в офисе. Ростислав ведь не знает, что произошло со Стасом, так?

— Откуда?.. Ладно, ты знаешь все.

— Именно, — с видом победителя заметил Джеймс. — Советую вам поискать получше. Прошло уже три дня. А как известно время — сохранённые нервные клетки нас и Стаса.

Джеймс говорил тоном учителя, который объясняет что-то в двадцатый раз нерадивым ученикам, а те так и не хотят запоминать. Он говорил с Александрой, как с маленьким ребёнком, а ей оставалось только послушно кивать, чтобы разговор закончился побыстрее: выносить еще несколько минут немых оскорблений и унижений умственных способностей Звягинцева была не в силах. И, кажется, Джеймс слышал ее мольбы. Бросив быстрый взгляд на часы, он схватил со стола недоеденное яблоко, поднялся на ноги и посмотрел по очереди на Феликса и Александру.

— Ладно, если допрос окончен, я пойду еще посплю. Не люблю демонов. Все соки выпивают. — Джеймс театрально вздохнул, подняв взгляд к потолку и с хрустом впился зубами в яблоко, позволив соку стечь по его руке.

Феликс позволил себе громко выругаться, когда дверь в комнату для гостей

захлопнулась и из-за неё негромко донеслась тихая классическая музыка. Схватив с раковины помятую мокрую тряпку, Феликс бросил ее на пол и, ногой вытер оставленные Джеймсом липкие следы поедания яблока.

— Пусть свинью за стол...

— И вот зачем я начинала этот разговор? — Александра резко оборвала кузена отчаянным стоном и, опершись локтями о стол, закрыла глаза руками. — Время потратила, а нового ничего не узнала.

— Ничего в этой жизни нет бессмысленного, — понимающе протянул Феликс, присаживаясь обратно на стул, и положил руку на плечо Александры. — Не думай сейчас об этом, Сашка.

Александры хватило только на то, чтобы устало всхлипнуть и сползти на стуле пониже под стол, уворачиваясь от руки кузена. Быть слабой было позором в семье Звягинцевых — так всегда говорил ее дед. Но к тридцати годам Александра стала догадываться, что большая часть того, что внушали ей в детстве — это травмы взрослых людей, взваленные на плечи пятилетней сироты. Быть сильной было приятно. Но еще приятней, оказывалось зарыться в мягкую рыжую шерсть кота и слушать его мурчание, позволяя себе наконец чувствовать хоть что-то помимо вечной внутренней силы.

И Феликс, — надо было назвать кота Феликсом, у них даже взгляд одинаковый, — к удивлению Александры, понимал ее намного лучше, чем родной дед.

Телефон разразился нервной вибрацией из-под плетёной корзиночки, куда Звягинцева спрятала его по старой привычке. Сжав руку в кулак, Феликс сдвинул к переносице светлые брови и кивнул в сторону телефона, но Александра беззвучно прошипела, оттолкнув от себя мобильный. Разговаривать с людьми не хотелось, даже если бы это был сам Стас. Феликс же оставался ее семьёй, даже при всей эксцентричности и взбалмошности.

— Знаю, что наши отношения оставляют желать лучшего, Александра, но... — Феликс помедлил, не решаясь выдвинуть своё предположение. — Покажи Стаса Марьяне.

— Она хороший друг Ростислава. Она сразу побежит ему обо всем рассказывать.

— Я понимаю, и все же. Покажи. Не верю я этому твоему... Джеймсу, — перекиривлял имя Феликс. — И пахнет он... никак. Никогда такого не встречал.

— О чем ты? Он конечно после душа...

— Нет, Саш, ты не понимаешь. — Феликс встрепенулся, заёрзал на стуле, затем замер, напряженно вслушиваясь в тишину квартиры, и понизил голос до заговорщицкого тона: — Он не пахнет. Вообще. Я не отличу его от окружающего мира, как будто он это и есть мир вокруг. Он сливается с ним и меня это пугает. Каждый в этом мире имеет свой запах. А он... — Феликс сделал большие глаза по пять рублей и схватил ладонь Александры, сжимая в руке, — пустота. Я слышу как бьётся его сердце, я чувствую его присутствие, но стой я к нему спиной — был бы идеальной добычей. Я не могу это объяснить, но просто хочу, чтобы ты была осторожна. Ты моя сестра, Александра. И я беспокоюсь о тебе.

Феликс выглядел испуганным. Искренне напуганным и растерянным. И все же посоветованный Асмодеем парень оставался пока что единственной надеждой Александры на то, что Стаса можно спасти.

Звягинцева привстала на стуле, выскользнув ладонью из хватки Феликса.

— Я знаю.

— Поэтому будь с ним осторожна, — Феликс доверчиво уставился в ее глаза, отчего Александре стало неловко, и она поспешила отвести взгляд. — Я не доверяю тем, кто

искренне желает помочь. Они делают это не от душевной боли за тебя. Не верь его словам. И делай, как считаешь нужным.

Быть осторожно нужно было, когда Александра пришла с Морозовым на кладбище в полночь.

Сейчас же она могла только пользоваться тем, что даёт ей судьба. И надеяться, что на этот раз она ее не обманет.

Глава 11. Братские узы

Парк дышал сыростью недавно пролившегося на землю дождя и чихал пылью июньской жары. Утки в маленьком пруду приветливо закрякали, заметив издали Александру, но она только прошла мимо, сжимая в кармане мешочек с чёрствым хлебом. Кормить уток было признаком дурного тона. Особенно когда кормом служила выпечка. Но отказать себе в удовольствии посмотреть на этих милых неуклюжих созданий, переваливающихся с лапы на лапу, было просто невозможно.

Несколько раз на узкой тропинке в глубину парка Александра оглядывалась, всколыхнутая странным чувством в груди: она чувствовала на себе чужой взгляд, но не могла приметить хоть кого-то, кто мог следить за ней.

Телефонный звонок от Димы прервал послеобеденный сон Александры, едва он начался. Двадцать пропущенных от начальника с укором смотрели на Звягинцеву из панели уведомление, и она, гонимая внутренним голосом укора, все же решила, что выбраться из дома до офиса будет неплохой идеей. К тому же она прекрасно догадывалась о причине столь яростного интереса Максима Олеговича к ее персоне — они с Андреем так и не сделали третье задание. А все письма, что прислало начальство, Александра отправила скопом в корзину.

В любом случае, она уже подумывала об уходе. Так что тянуть и дальше было бы просто глупо.

— Что за срочность? У меня телефон с утра разрывается. Рассказывайте и я побегу в офис, получать похвалу за невыполненное задание от Макса.

Она нашла Диму с Лерой на одной из покоцанных от времени скамеек, чернеющих облупившейся краской и мокрыми от дождя деревянными полосами сидений. На секунду Александре захотелось развернуться и уйти, оставив их, но план рассыпался так же быстро, как Звягинцева его создала в своей голове: Лера заметила ее раньше, чем Александра снова скрылась за деревьями, и дёрнула Диму за руку, указав в ее сторону.

— О, передавай ему привет. — Лера поднялась со скамейки, погладив Диму по плечу, и поравнялась со Звягинцевой.

— Обязательно, — едко скривилась Александра. — После того, как он распишет меня в некомпетентности.

Дима нервно усмехнулся. Он не смотрел на Александру: уставился под ноги пустым безжизненным взглядом, накрыл ладонями рот и тяжело дышал, но его надрывный смешок, Звягинцева все равно услышала. Лера нахмурилась, напряженно следя за тем, как Дима медленно дышит, а затем коротко тронула Александру за руку.

— Так зачем звонила, Лер? — не глядя на Валерию, Звягинцева повела плечом, сбрасывая с себя ее ладонь. — Мне казалось, сейчас середина рабочего дня и ты должна сидеть в офисе, перекладывая бумажки с одного конца стола на другой, а не приглашать меня в парк на дружественную прогулку.

Лера неловко перемнулась с ноги на ногу и, оглянувшись на Диму, понизила голос:

— Давай отойдём ненадолго. — Она кивнула в сторону, а затем, чуть громче обратилась к Вознесенскому: — Дим, мы сейчас вернемся. Никуда не уходи.

— Да куда я отсюда денусь? — устало выдохнул Дима, откинулся на спинку скамейки и, развалившись, немного сполз вниз. — Как будто я маленький.

Лера цокнула языком и быстро зашагала в сторону раскидистого старого дуба над маленьким прудом, заполонённым утками. Александре стоило усилий, чтобы успеть за этой невысокой и проворной сотрудницей «Лихобор». Обычно тихая Лера сейчас выглядела обеспокоенной и дёрганной. Ее пальцы то и дело теребили пуговицы на светлой блузке, а маленькая сумка сползала с плеча каждые несколько секунд, отчего Лера раздражённо подтягивала ее и фыркала.

Наконец, спустив сумку с плеча, Лера вдохнула и, указав головой на притихшего на скамейке Диму, протараторила:

— Он меня беспокоит.

— Он тебя беспокоит? — Александра удивлённо выгнула бровь и вздёрнула подбородок, сложив на груди руки. — Не очень понимаю, с чего бы.

— Все время бормочет что-то про Стаса. Я пытаюсь поработать из дома, а он все «Стас это, Стас то», — передразнила низким голосом Лера. — Я трижды из-за него переписывала отчёт! Еще и пропал где-то полтора дня и даже не отписался мне!

— М-м-м, да, — поджав губы, согласилась Александра. — Это весомый повод для беспокойства.

Склонность Вознесенских к бродяжничеству и неожиданным исчезновениям не была ни для кого секретом. Стас мог с лёгкостью исчезнуть на несколько дней, не предупредив даже Александру, а потом заявиться посреди ночи, вывалившийся в грязи и пахнувший, как дорогой французский сыр с плесенью. До монаха Станиславу было далеко, но состояние его головы всегда вызывало у Александры некоторое беспокойство. Однако, сейчас она успокаивала себя тем, что в Стасе находился неизвестный демон, и его поведение вполне обосновано. Дима же любил повторять многое за братом, считая его образцом, но некоторые черты характера, кажется, были для Вознесенских общими.

— Твой цинизм тут неуместен, Саш.

— Да я абсолютно серьёзна. И что, он ничего тебе не сказал по этому поводу?

— Сказал. «Ста-а-ас», — растягивая гласную пробасила Лера, явно снова изображая Диму. — И рухнул спать. Думала, съедем от его брата, так хоть жить нормально начнём. Так нет. Он и тут не даёт покоя. Вечно ощущение, словно его дух все время стоит у меня за спиной. Особенно, когда я работаю или готовлю. Иногда вообще кажется, что скрипят половицы. Ужасное чувство. Спасибо, хоть в душе такого нет.

— Да брось, — Александра тряхнула хвостом и бросила взгляд на Диму, — Стас бы не стал подглядывать за тобой. Особенно после смерти. Он же у нас верит в рай с сорока девственницами.

— Мы его уже расстроили, что ему это не светит, — хихикнула Лера. — Он немного ошибся образом жизни, чтобы рассчитывать на такое богатство после смерти. А вот квартиру надо будет проверить. У меня как раз есть знакомый молодой батюшка.

Александра дёрнулась, словно ее обожгло раскалённым утюжком для волос, а кожа над левыми рёбрами засадила. Хотелось стянуть с себя всю одежду и расчесать небольшую выцветшую на коже надпись до крови, как если бы это могло облегчить боль. Увы, старые забытые всеми слова сейчас наверняка проступили с новой силой от слишком близкого нахождения Леры. А при упоминании священника и вовсе вспыхнули огнём. Однако, казалось, Лера этого не заметила, потому как мягко улыбнулась и продолжила:

— А вчера, вечером, около одиннадцати, я видела Стаса. Около нашего дома.

— В смысле «видела»?

Александра хотела искренне верить, что ей послышалось из-за шумящей в ушах боли, что Лера имела ввиду что-то совершенно другое, но каждая клеточка мозга кричала, что это не так. И выражение лица собеседницы намекало на сомнения в слуховых способностях Звягинцевой.

— Ну, выглядываю я в окно, чтобы как обычно обсудить прохожих с мистером Бингли, — Лера закатила глаза в ответ на скептически выгнутую бровь Александры, считавшей, что назвать пса «Бингли» было верхом надругательства над английской литературой, — а тут он стоит. Под деревом на другой стороне улицы и смотрит на меня. Мне даже показалось, что у него глаза светились в темноте. Ну, как у одержимых, знаешь?

— Да, помню эту особенность, — с лёгкой полуулыбкой кивнула Александра.

— Ну так вот. Стоит, значит, смотрит на меня и улыбается.

— Ты это все с двухсот метров разглядела?

— Я взяла бинокль, — вскинула указательный палец Лера. — Специально держу его на подоконнике для таких случаев.

«Склонность к сплетням». Александра мысленно внесла новый пункт в свой длинный список мнений о людях, и Лере Громовой, увы, не повезло: она собрала уже больше пятидесяти процентов минусов из возможных ста, и желание общаться с ней в голове Александры очень быстро и стремительно неслось по экспоненте вниз.

— И что в итоге? — с некоторым раздражением бросила Александра.

— Что в итоге? — Лера прозвучала удивлённой подобным вопросом, но тут же одёрнула край блузки и черты ее лица смягчились. — Побежала за Димой. Еле разбудила и тут же потащила на кухню, но Стаса уже не было. Подумала бы, что мне привиделось, если бы не записала это все в блокнот. Привычка у меня такая.

— Хорошая привычка, знаешь ли. Помогает потом вычислить злостных нарушителей общественного порядка.

Воспоминания о Медее даже с какой-то теплотой вспыхнули в памяти Александры, но они тут же растворились, когда хлёсткая пощёчина от слов Ростислава напомнила ей о произошедшем. Нужно будет навестить его в хранилище «Лихобор». Когда она разберётся с текущими проблемами.

— Эх, да, — Лера грустно улыбнулась, нервно перебирая пальцами цепочечную ляжку сумки. — Жаль, пока бегала сожгла макароны. И Стаса в итоге так ему и не показала.

Александра не была уверена, что Стас со светящимися глазами — это именно то, что хотел увидеть Дима после нескольких бессонных дней и того, что он знал о брате. Вознесенский все еще надеялся, что они не опоздали, что еще не поздно спасти Станислава, и Александра не спешила его в этом разочаровывать. Ей и самой было приятно самообманываться. А мысль, что есть однопроцентный шанс вытащить из Стаса засевшего в нем демона, — согревала и давала сил. Хотя Александра прекрасно знала, что падать с вершины собственных надежд будет до разорванных легких больно.

— Пыталась уговорить его сходить на охоту, — Лера нахмурилась, посмотрев на поникшего на скамейке Дмитрия, — но он ни в какую не хочет. Брат в лазарете, поэтому у нас свободно одно место. Но Дима упирается. Говорит, что пойдёт только с братом. Упёртые эти Вознесенские, как бараны.

— Да, есть такое, — коротким кивком согласилась Александра.

— Барышни, помощь не нужна? Найду вашего милого Стаса быстрее, чем успеете моргнуть глазом. Дайте что-нибудь из его вещей и все будет выполнено. Только не носки

или трусы.

Феликс возник из-за спины, уведомив о прибытии только лёгким порывом ветра. Он прекрасно знал, как Александру раздражает эта его привычка и все же продолжал. Сделав несколько глубоких вдохов, Александра посчитала, что ее сердце достаточно замедлилось, чтобы мозг не предложил ей совершить непоправимую ошибку и лишиться единственного родственника. Поэтому, едва удерживая на лице маску спокойствия, Александра обернулась к Феликсу, выгнула бровь и поджала губы, надеясь, что это хоть немного сможет передать ее недовольство.

— Ты за мной следил?

— Обижаешь, Саш, — Феликс обаятельно улыбнулся, и за спиной Александры раздался тихий кокетливый смешок Леры. — Приглядывал.

— Зачем? — Единственный вопрос, на который Александра хотела знать ответ.

— Время нынче небезопасное, — развёл руками Феликс. — Вдруг кто-то решит тебя обидеть, Саш. Я, как твой кузен, не смогу простить себе этого.

— Феликс, тебе сколько лет? — Александра сжала пальцами переносицу и с силой надавила на неё, массируя.

— М-м-м, двести вроде бы, — прикинул Феликс, подняв глаза к небу. — Плюс-минус десяток лет.

— А я бы дала пятнадцать. Уровень эмоционального развития такой же.

— Ну конечно, это же ты у нас тут барышня-Несмеяна. Железная леди «Лихобор». Тащишь все на своих плечах и даже не хочешь попросить помощи у родственника. Ты когда вообще последний раз улыбалась? Тебе тридцать, а ни одной морщинки на лице. Ну-ка, давай.

Феликс схватил Александру двумя руками за щеки и потянул за них, растягивая ее губы в подобие улыбки, быстрее, чем Звягинцева успела среагировать и увернуться. И все же она нашла в себе силы замотать головой и хлопнуть Феликса по рукам.

— Во-первых, мне двадцать восемь. А во-вторых, не вижу ни одной причины, чтобы улыбаться круглые сутки.

— Ох-ох-ох, это все воспитание твоего деда даёт о себе знать. В моё время детей воспитывали по-другому. А люди были приветливей.

— Главное деду не говори. А то он снова начнёт рассказывать тебе, как подобные тебе эксплуатировали рабочих и крестьян.

— Ага, высасывал из них всю кровь, кровопийца проклятый.

Феликс закатил глаза и наморщил нос, словно учуял чьи-то недельные носки, в которых ходили круглосуточно, не вынимая из сапог, да еще и пару раз провалились в глубокий снег. Дед Александры помимо стального характера — хотя Звягинцева скорее считала это проблесками старческих изменений — в какой-то момент оказался еще и рьяным поборником прав рабочих и крестьян. Причём чем старше он становился, тем сильнее отстаивал их права, не упуская случая упрекнуть Феликса в империалистических замашках и буржуазности. Тот только отмахивался, приторно улыбался и выстукивал пальцами на поверхности слова что-то отдалённо напоминавшее Александре «Боже, царя храни». Иногда кухня старенькой дачи Звягинцевых превращалась в настоящее поле политического боя, из которого дед всегда отступал первым, стоило Феликсу продемонстрировать свое неоспоримое преимущество — острые клыки и не слишком долгое терпение.

Покачнувшись, Феликс рассеянно потёр ладони друг о друга, а затем уже несколько

менее уверенно посмотрел на Александру.

— Может... вам правда нужна *моя* помощь?

— Феликс, когда мне понадобится найти неприятности, я обязательно позову тебя, — едко отозвалась Александра и вытащила из кармана джинс противно вибрировавший последние пять минут телефон. — Не беспокойся.

Отходить слишком далеко было бессмысленно — при большом желании Феликс услышит каждое слово на том конце трубки, даже если Александра будет в четырёх кварталах от неё. Поэтому Звягинцева только из приличия немного шагнула в сторону, скрываясь под низкими тяжёлыми ветвями деревьев, прежде чем пробежать взглядом по экрану и нажать на зелёный круг приёма звонка...

...чтобы в следующую секунду вздрогнуть от голоса, раздавшегося у самого ее уха.

— С-саш... это я.

Александра обернулась, заметив заинтересованное выражение лица Феликса. Наверно, ее собственное лицо было сейчас чересчур испуганным или растерянным, потому как даже Лера выглядела заинтересовано. Так что Александра поспешила отвернуться, до хруста сжимая хлипкий пластик телефона.

— Я не понимаю, что произошло, Саш. Помню, как мы разговаривали на кухне, а теперь... Теперь я стою посреди какой-то заброшки без обуви. Что произошло? У меня в голове только самые ужасные варианты, поэтому... Саш? Ты здесь, Саш?

— Да-да, я слушаю.

— Забери меня отсюда. Мне... мне стыдно признаваться, но, кажется, мне нужна твоя помощь. Черт. — Послышался глухой треск, и Александра отняла телефон от уха, поморщившись. — Прости, — прошипел на другом конце Стас. — Выронил телефон. Пальцы дрожат. А воздух... дышать нечем. Пожалуйста, приезжай скорей. Я... я сейчас сброшу свое местоположение, пока сеть ловит. Пожалуйста, мне нужна твоя помощь.

— Хорошо, Стас. Я приеду.

Слова горечью отдались на губах Александры, когда дрожащий палец нажал на красный кружочек сброса звонка. Конечно, она не приедет. Она не посмотрит ему в глаза. Но пока что Стасу знать об этом не обязательно.

Ветка за спиной Александры хрустнула, и она обернулась. Взгляд тут же заскользил по темной от дождя листве, остановился на мерно качающихся ветвях и рухнул вместе с опавшими на землю каплями. Абсолютно никого. Ни одной живой души, что могла бы в тених высматривать Александру в качестве своей жертвы. И все же неприятное липкое чувство, будто кто-то следит за ней, не покинуло Звягинцеву, даже когда она уверенным шагом вернулась к скамейке. Феликс уже успел развалиться на другом конце деревянной скамьи от Димы и бросал на Вознесенского подозрительно-недовольные взгляды. Дима же единожды оглянулся на Феликса, фыркнул и закатил глаза, будто бы говоря, что у него есть дела и поважнее.

Например, поиск брата.

— Что там? — Вознесенский встrepенулся и подскочил со скамейки, стоило его взгляду наткнуться на ноги остановившейся перед ним Александры.

Александра переглянулась с Феликсом как люди, которые знаю чуть больше остальных. По крайней мере Александра хотела верить, что ее кузен понимает ее с полуслова и не придётся объяснять все по несколько раз.

— Стас звонил. Он ждёт нас... — Александра осеклась, сжимая ладони скрещённых на

грудь рук в кулаки, — точнее, тебя, Дим. Ему не очень хорошо. Не знаю, что у него там произошло, но, пожалуйста, возьми Леру и съездите за ним.

— А ты? — Дима нахмурился, поднимаясь со скамейки, но оказавшийся рядом Феликс тут же усадил его назад.

— Мне нужно в офис. Я же говорила. Поэтому рассчитываю на вашу помощь. И, это, — Александра решила, что контрольный выстрел в лице Марьяны пойдёт им всем на пользу, — нужно показать его Марьяне.

— А ей зачем? — встряла Лера, непонимающе хлопая своими невинными глазками.

Либо Лера была глупой, либо да. Каждый раз, когда нужно было отправлять на задание, Лера вместе с братом-близнецом делали вид, что не понимают задания, из-за чего их координатору приходилось лично идти с ними и все контролировать. «Напрямую выполняю свои обязанности. Координирую некоординируемое», — как-то пошутил он на встрече с Александрой, и той оставалось только посочувствовать бедолаге. Было ли причиной этого поведения особенности самих близнецов, или виной тому были... особенные отношения брата Леры и их координатора, Александра не знала.

Но была точно уверена: она не купится на эти милые глазки. Лучше уж бросить на эту амбразуру Феликса. Он все равно уже давно мёртв.

— Его не было несколько дней, — медленно, чеканя каждое слово, начала Александра, глядя прямо в глаза Лере; возможно, хоть так девушка усвоит информацию. — Никого не предупредил. Просто исчез. Да, он имеет такую особенность характера. Но... при всей его специфичности, он все себя до этого несколько странно. Ты сама мне об этом сказала. Нужно показать его специалисту. Если все в порядке, она подтвердит, что он чист. А если нет... лучше нам узнать об этом первыми. Пока Ростислав не пронюхал все своим длинным вездесущим носом. — И, чтобы удостовериться, что рыбка не соскользнёт с крючка, тут же повернулась к кузену: — Феликс, поможешь им?

— Я? — несколько с удивлением переспросил тот и тут же осклабился, продемонстрировав ряд острых зубов. — Ну, теоретически... Я слышал, что ты там что-то говорила про Марьяну.

Он, кажется, попытался спародировать Леру, точно так же, как она до этого, захлопав глазками и делая вид, что он прослушал все, о чем только что говорилось. Но не вызвал ничего, кроме раздражённого вздоха Александры.

— Не прикидывайся, ты все прекрасно разобрал. Да, нужно показать Стаса Марьяне. И я прошу тебя помочь им отвести его к ней. Но, — Александра тут же вскинула указательный палец и угрожающе покачала им перед носом Феликса, — даже не думай снова проворачивать с ней вот эти твои штучки. Она все равно не пустит тебя к себе.

— Она просто недостаточно со мной знакома. Я бы мог... — он многозначительно поднял взгляд к небу, как будто бы что-то прикидывал в уме, а затем пожал плечами, — показать себя с другой стороны, дай она мне шанс.

— Ты не в ее вкусе, Феликс. Для начала, тебе пришлось бы поменять пол.

— Жаль, — наигранно-разочарованно протянул Феликс, но разочарованным он не казался. — Впрочем, я был бы плохим охотником, если бы не пытался снова, потерпев неудачу.

Когда-нибудь Марьяна его проклянёт. И Александру за компанию, чтобы мучились вместе.

Еще раз взглянув на все еще зажатый в руке телефон, Александра спешно сунула его в

задний карман и обвела всех присутствующих взглядом учителя.

— Справитесь? Адрес Марьяны я вам скину. Отвезите к ней. Вдруг действительно чего дельного скажет.

Сказать Марьяна могла только то, что все вокруг и так видели. Но Александре нужно было время. Нет, не чтобы найти лекарство от проклятья Стаса. Нет. Ей нужно было время, чтобы смириться с неизбежным.

Ветер всколыхнул опавшие на землю от жары листья, и Александра поёжилась. Дима смотрел на неё взглядом преданного человека, — Александра усмехнулась этой двусмысленности, — как маленькая собачка, что ждёт от хозяина приказа. У Звягинцевой его не было. Как не было и ответов на немые вопросы во взглядах Леры и Феликса.

Поэтому она смогла только негромко выдохнуть и бросить Диме напоследок:

— И да, Дим. Сходи на охоту. Уверена, тебе это пойдёт на пользу.

Глава 12. Тайны и предубеждения

До офиса Александра так и не дошла.

Вместо этого она свернула знакомыми маленькими улочками, чтобы в итоге упереться прямо в шумящую маленькими человеческими муравьями улицу. Несколько раз Александру чуть не сбили проносящиеся по тротуару самокатчики, пока она отбивалась от навязчивой рекламы вкусного чая, а затем ей все же удалось протиснуться в один из переулков и дворами выйти на параллельную улицу. Еще несколько поворотов под сенью пушащихся от дождя деревьев, и Александра остановилась перед входом в старую разрушенную пожаром церковь.

Как иронично, что вход на самый лучший в мире ромашковый чай находится именно здесь.

Церковь встретила Александру тишиной, покорёженными пламенем стенами и стуком собственных каблучков. Она впервые решилась сегодня надеть осенние сапоги в июне месяце, выглянув утром за окно и с неудовольствием отметив морозящий по асфальту дождь и холодный морской ветер. Несколько ступеней вниз по винтовой лестнице со стёсанными ступенями, и Александра оказалась в знакомом длинном коридоре — известном лишь избранным проходе в офис Нижнего отдела.

К ее счастью, Асмодея не было в кабинете, когда Александра с непринуждённым видом отодвинула шкаф и вышла из-за него. Однако она не могла отвечать за психологическое состояние секретарши Асмодея, смотревшей на неё во все глаза, превратившиеся в пять рублей, и залившей цветок на подоконнике так, что тому хватит воды до следующего десятилетия. Бросаться и помогать убрать бардак Александра не стала, посчитав этой работой секретарши. Вместо этого, Звягинцева опустила в мягкое кресло Асмодея, прожигая взглядом входную дверь.

— Будь на твоём месте кто-то другой, я бы не стал думать, налить тебе чаю или убить.

Асмодей ввалился в кабинет вальяжной походкой, бросил пиджак на гостевой диванчик и только после этого заметил крутящуюся в его кресле Александру. Несколько секунд он прожигал ее взглядом, а затем махнул рукой и подошёл к чайнику, щёлкнув выключателем. Секретарь тут же поспешила ретироваться из кабинета, прихватив с собой многострадальный цветок, из которого на пол выплёскивалась вода. Проводив сотрудницу взглядом, Асмодей скептически осмотрел лужи на полу и разочарованно махнул на них рукой, вернув все свое внимание Звягинцевой.

— Прежде, чем ты начнёшь отчитывать меня, как маленького ребёнка, мне нужен твой совет, — предвосхищая написанную на лице Асмодея тираду выпалила Александра, приподнявшись в кресле.

Рыжая бровь демона выгнулась дугой, и он не менее развязно опустился на стул, где в прошлую их встречу восседала сама Александра. Закинув ногу на ногу, он обхватил колени ладонями и сцепил пальцы в замок. Бледные голубые глаза Асмодея несколько долгих и мучительных для Александры секунд блуждали по ее лицу, а затем его губы изогнулись в едкой ухмылке.

— Ба, Александре Звягинцевой нужен мой совет? Неужели Судный день близок? — Асмодей мягко и раскатисто хохотнул и качнулся на стуле. — Что ж, говори, коль уж это так жизненно необходимо для тебя. — Он замолчал, а затем вскинул палец и ткнул им в

Александрю. — Но выговор ты все равно получишь.

— Да-да, — отмахнулась Звягинцева. — Можешь занести его в личное дело, если тебе от этого станет легче.

— Был бы Ростиславом, уже тебя было бы уже десять папок приложений с выговорами. Да и какое личное дело? Ты у нас уже несколько лет не работаешь. Или?.. — Асмодей с подозрением покосился на Александрю.

— Рано загадывать.

— А я всегда говорил, что отсюда можно уйти только вперёд ногами.

Асмодей выглядел донельзя довольным собой и своими «предсказаниями». И больше всего Александрю было неприятно признавать, что демон действительно был прав, выговаривая ее перед увольнением и грозя, что она вернётся к ним уже через несколько месяцев, потому что жизни за пределами «Лихобор» для таких, как она или Стас, просто не существует. Единственное, в чем Асмодей ошибся, был срок. Александрю потребовалось три года, чтобы вновь показаться на пороге родного офиса.

подавив нервную усмешку, Александрю подкатилась поближе к столу, вцепившись в его край пальцами, и с самым серьёзным для себя видом уставилась на Асмодея.

— Что мне делать со Стасом?

Кажется, Александрю сейчас выполнит трёхлетнюю норму по удивлению демона всего лишь за десять минут разговора.

— А что ты хочешь с ним сделать? — мягко поинтересовался Асмодей, подался вперёд и, опершись локтем о стол, подпер щеку. — Есть предложения? Последний раз ты была полна решимости его спасти изо всех сил. Что изменилось за эту неделю?

— Не тот номер.

— Прости, что?

— Он позвонил не на тот номер.

Александрю тяжело выдохнула и зажмурилась. Пальцы вцепились в переносицу, с силой сжимая ее. Звягинцева чувствовала на себе пристальный и немного непонимающий взгляд Асмодея.

— Не знаю, случайно или нет, но Стас... — Александрю всплеснула руками и откинулась на мягкую спинку кресла, — всегда знал, куда звонить, если что-то случится. И это точно не мой основной номер.

— Конспирация превыше всего, — понимающе кивнул Асмодей. — Пароли, явки, адреса. Думаешь, он скрыл это из своего сознания?

— Если так, то у нас еще есть шанс.

Шанс был один из десяти тысяч, и по лицу Асмодея было хорошо видно, что он думает о вере Александрю в успех. Демон хмыкнул, скрыв усмешку под накрывшей рот ладонью, и откинулся на спинку стула. Асмодей ненадолго замолчал, погружившись в мысли, и только стучащий по коленке указательный палец намекал на присутствие его если не в сознании, то хотя бы физически в этой комнате.

— Эх, наивные часов не наблюдают[1], — спустя еще несколько минут напряженного молчания выдохнул Асмодей, тут же поспешив добавить: — И логики тоже. Мне бы хотелось быть таким же уверенным, как ты, Александрю. Но твой Стас с вероятностью девяносто процентов уже мёртв несколько дней как.

Встань Александрю перед зеркалом и скажи это своему отражению, она бы никогда не поверила в эти слова. Ей и сейчас не хотелось верить в то, что говорит старый товарищ,

абсолютно уверенный в своих словах. И хуже всего было то, что они оба знали: это действительно та правда, с которой придётся смириться.

— Все мы рождается яркими пылающими звёздами, — неожиданно протянул Асмодей и всплеснул руками, поднимаясь из-за стола. — Потом кто-то из нас остывает. Некоторые смиряются с этим, некоторые сами стремятся погаснуть, а кто-то так до конца своих дней не может смириться с новой жизнью. Даже самые яркие способны потухнуть по щелчку пальцев, при должном рвении. — Демон медленно обошёл стол и остановился перед Александрой, немного склонившись над ней. — Иные же получают это в наказание за дерзость. Но если бы нас не существовало — весь мир превратился бы в один большой пылающий безжизненный шар. Такие как Стас — неизбежность. Я знаю, что ты его любишь. Но сейчас тебя должно больше беспокоить не то, что ты не можешь помочь ему, а что нужно ему раз он пытается выловить тебя.

Александра нахмурилась, еще больше приподнявшись в кресле. Стасу была нужна она, он хотел ее видеть и вряд ли был сейчас доволен компанией Димы или Феликса. Пусть даже это уже был и не Стас. Но ни разу за эти дни Александра не рассматривала этот вопрос под углом, которым его повернул к ней Асмодей. И насмешливо прищуренные глаза с морщинками в уголках так и кричали о его самодовольстве в этот момент: он опять оказался умней, дав ей совершенно не тот совет, которого она ждала.

Спасение пришло, откуда Александра уже не надеялась его получить: дверь в кабинет негромко скрипнула и из-за неё показалась взлохмаченная светлая макушка испуганной секретарши. Она что-то быстро затараторила и тут же осеклась, когда Асмодей повернул к ней голову.

— П-простите, Амадей Петрович, т-там...

— Что там такое, *Света*?

Демон как-то подозрительно нажимно выделил имя девушки и та тут же ступевалась еще больше: замямлила и замахала одной рукой — вторая держала ручку двери. Причина волнения Светы объявилась сама, замаячив каштановой макушкой за ее спиной и заставив щеки Александры холодно побледнеть.

— Прошу прощения, милочка. — Появившийся на пороге Джеймс уверенным движением оттеснил Свету в сторону и протиснулся между ней и дверным косяком. — Вот, так намного лучше. — Не оборачиваясь, он захлопнул дверь и улыбнулся. — День добрый, Асмодей. Не волнуйся, я пришёл не по твою прогнившую душонку. Я сегодня немного не в настроении для рукоприкладства.

— Да ладно? — едко отозвался Асмодей распрямляясь. — Ты смог меня удивить.

— Будешь язвить — моё настроение поменяется.

Джеймс улыбался, но Александре отчаянно хотелось вжаться в спинку кресла и слиться с ней, только чтобы не видеть этой гримасы на приятном лице ее нового знакомого. Джеймс остановился у самого стола, оперся руками о его край и со скрипом столешницы навалился на него, поочередно глядя, то на Александру, то на Асмодеея. В итоге его взгляд все же замер, но на открытой бутылке виски, которую Звягинцева только сейчас заметила на краю стола Асмодеея.

— Могу я похитить эту юную леди? Если, конечно, у вас тут нет каких-то своих личных планов, — Джеймс многозначительно поиграл бровями и кивнул на виски. — Вон, как посмотрю, уже даже бутылочку приготовили. Играть будете или?..

Щеки Александры тут же вспыхнули, стоило ей поймать на себе красноречиво лукавый

взгляд Джеймса. Она хотела было вопросительно вскинуть бровь и посмотреть на Асмодея в поисках поддержки, но тот тут же вскинул руки в примирительном жесте и почему-то попятился несколькими шагами к стене. Кажется он... боялся?

— Нет-нет, мы уже закончили, — его губы дёрнулись в нервной улыбке. — Уверен, Александра получила от меня все, что хотела. Более не смею ее тут задерживать.

Так настойчиво Александру еще никогда не выталкивали из кабинета Асмодея. И, судя по всему, в ближайшее время ей путь обратно закрыт. Демон больно сильно расшаркивался перед Джеймсом, даже вручил на дорожку подарочную коробку конфет, на которой гордо красовались надпись «Любимому начальнику» и след от алой губной помады.

— Ты покраснела, как девственница на исповеди.

Джеймс все же придержал для Александры дверь, другой рукой закидывая в себя одну из конфет Асмодея, а Звягинцева смогла только растерянно замереть прямо в дверном проёме, быстро моргая и непонимающе глядя на ухмыляющегося Джеймса.

— Прости... что?

— Не волнуйся. Я все пойму. — Джеймс отпустил дверь, и Александра пришлось спешно выскользнуть на улицу: тяжёлая металлическая дверь неслась навстречу Звягинцевой, как «Титаник» нёсся навстречу айсбергу. И мизинчик Александры не оценил это столкновение. — Он мужчина красивый. По крайней мере его тельце. — Джеймс быстро зашагал, но, заметив отсутствие Александры, остановился, дожидаясь, пока Звягинцева дохромает и продолжил: — О душе говорить не будем по очевидным причинам. Не стоит стесняться своих чувств, юная леди. В этом нет ничего страшного.

Разумеется, в этом не было ничего страшного. Как и в том, чтобы следовать внутренним порывам. Только опомнилась Александра, когда руку обожгло ударом о чужую щеку, а лицо Джеймса на секунду отвернулось от неё, скрыв взгляд под упавшими на лицо прядями. Ладонь горела, и Александра поспешила прижать ее к груди, с силой растирая. Джеймс же продолжал медленно пережёвывать конфету. Возможно, Александре было бы проще, накинься он на неё сразу же. Незнание и медлительность раздражающе пугали Звягинцеву.

И все же Джеймс, проглотив сладость, повернул голову к Александре и смерил ее холодным взглядом.

— Я не буду делать вид, что этого не было. — Он отряхнул пыльцу с куртки и запустил пальцы в волосы, зачёсывая чёлку назад. — Но тебе очень сильно повезло, что у меня хорошее настроение. И сегодня в моих планах испортить день отнюдь не тебе.

— Спасибо за одолжение. Как-нибудь обойдусь без любезностей.

Джеймс с силой сжал челюсть, так что Звягинцева слышала скрип его зубов друг о друга, а под кожей заходили желваки. Он сделал несколько неспешных шагов к Александре, заставляя ее пятиться к стене дома, пока спина не упёрлась в холодный крашеный кирпич, а они сами не оказались настолько близко, что при большом желании можно было ударить его лбом по носу.

— Знай свое место, Александра Звягинцева. — Наклонившись, Джеймс выдохнул слова ей в губы. — Если ты думаешь, что твоя жизнь играет хоть сколько-нибудь важную роль в работе вселенной — ты очень сильно ошибаешься.

Он резко отпрянул от неё, несколько долгих мгновений прожигал взглядом прижатую Александрой к груди руку, а затем дотронулся пальцами до щеки, на которой все еще виднелся след от маленькой ладошки, усмехнулся и быстро зашагал прочь. Звягинцева

растерялась: кончики пальцев скользнули по губам, ощущая на них жар от дыхания Джеймса. Его спина удалялась все дальше, и Александра сорвалась с места только, когда он уже практически скрылся за поворотом.

Они вывернули на бульвар, затем свернули в маленькие проулучки, петляя между домами и уворачиваясь от капающих с крыш следов недавнего дождя. Все это время Джеймс молчал: только иногда бросал на Александру хмурые взгляды и продолжал поглощать шоколадные конфеты Асмодея. Однако Звягинцева должна была отдать Джеймсу должное: последнюю конфету он предварительно предложил ей, но, получив отказ, тут же закинул ту в рот, а картонную коробку отправил в ближайший мусорный бак.

— Куда мы идём? — не выдержала Александра, когда они наконец остановились на одном из переходов.

— Узнаешь, — Джеймс нервно передёрнул плечами и отвернулся на светофор. — Иначе какой толк держать место назначения в секрете? Не люблю испорченные сюрпризы.

Александра несколько раз предпринимала попытки докопаться до Джеймса, но в каждый из них сталкивалась с высокой кирпичной стеной, из-за которой не просочилась бы ни единая мысль или намёк на то, куда он ее вел. Они шли еще минут двадцать, пока не остановились перед входом в какой-то подвал, возле двери в который Александра смогла разглядеть маленькую геральдическую лилию золотого цвета — символ «Лихобор». Правда, лилию явно не раз закрашивали сотрудники коммунальных служб, а кто-то продолжал упорно возвращать ее на место: слой краски на стене был такой, что выпячивался острым квадратом на фоне окружающей обстановки.

— Где это мы?

Александра подала голос, как только дверь за ее спиной закрылась. И тут же пожалела об этом, вжав голову от раздавшегося в подвале эха. Джеймс протиснулся между ней и стеной, щёлкнув выключателем, и Звягинцева зажмурилась, морщась от ядовито белых ламп.

— Да брось, — Джеймс насмешливо покосился на Александру. — Только не говори, что никогда не была на нижних уровнях. Или Ростислав не пускает вас в святая святых «Лихобор»? — он поморщился и тут же выдохнул: — Ах, какое же все-таки глупое название.

— Мне нравится, — немного рассеянно бросила Александра и повела плечами. — И ты не ответил на вопрос.

Джеймс хмыкнул и двинулся вперед. Оставив Александру без ответов. Снова.

Протиснуться между ним и стеной оказалось достаточно сложно, поэтому Александра в несколько прыжков преодолела возникшее между ними расстояние и схватила Джеймса за руку, потянув на себя и развернув его. Выглядел ее спутник несколько озадаченным повелением Александры. Джеймс медленно опустил голову, оценивая вцепившуюся в его предплечье женскую ладонь, а затем губы изогнулись в сдержанно-яростной ухмылке.

— А ты забываешься. Я ценю в женщинах характер, но не когда они зарываются. Так что сбавь обороты, пока я добрый. — Он слегка дёрнул рукой, но Александра только сильнее сжала ее. — И отпусти меня.

Радужка глаз Джеймса на секунду вспыхнула, и Александра тут же отшатнулась, открывая спутнику дорогу вперед. Его губы растянулись в самодовольной ухмылке, и Джеймс даже не потрудился спрятать свое самодовольное выражение лица. Его глаза потухли, но яркие жёлтые круги все еще плясали перед взглядом Александры, заставляя мир вокруг неё немного кружиться и покачиваться, как будто они находились на корабле, а море набегало на борт приближающимся штормом.

— Хорошая девочка, — мурлыкнул Джеймс и скользнул кончиками пальцев по подбородку Александры, приподняв ее голову. — Продолжишь в том же духе, и я подумаю, чтобы переместить тебя чуть выше в списке «Люди, которые мне не нравятся».

Он цокнул языком, резко развернулся, скрипнув подошвой кед, и зашагал вглубь коридора. Александра нервно дотронулась до подбородка и тут же одёрнула руку, как от раскалённой сковороды. Через несколько шагов Джеймс остановился и оглянулся на Александру, не скрывая сочившегося из каждого движения раздражения ее медлительностью. А неожиданная смелость Александры испарилась при одном взгляде на поджатую челюсть Джеймса и его потемневший взгляд.

Он все еще был достаточно милым. Но даже это не скрасило бы смерть Александры.

Через несколько шагов, как Александра практически задышала в спину Джеймсу, коридор резко ушёл вниз металлической винтовой лестницей. Вцепившись в поручни, Звягинцева несмело зашагала по узким высоким ступенькам вслед за быстро сбегавшим вниз парнем. Вдоль всей лестницы по стенам шахты были развешаны старые фонари, заговорщицки перемигивающиеся в полумраке подвала.

Как будто они знали то, что Звягинцевой знать было не положено.

Спуск оказался длинным — Александра насчитала около двухсот ступенек, прежде чем перед ней показалась последняя, зависшая в воздухе в метре от земли. Джеймс ловко спрыгнул на бетонный пол и отряхнул куртку. Пальцы Александры сильнее вцепились в липкий влажный металл поручней, и только она было хотела последовать за своим спутником, как громко вскрикнула и едва не сорвалась с лестницы: прямо под ней пробежала черная жирная крыса, блеснув в тусклом свете ламп лоснящейся шерстью.

— Ты чего? Это же всего лишь крыса, — несмешливо отозвался Джеймс, пнув пробежавшее мимо него животное.

Александра сдула упавшую на лицо чёлку и спрыгнула с последней ступеньки лестницы, отказавшись от протянутой ей руки. Джеймс хмыкнул и продолжил свой путь, который вскоре уперся в тяжёлую металлическую дверь, из-под которой по ногам Александры потянуло январским морозом.

— При всей моей нелюбви к вашему нынешнему руководству, — Джеймс дёрнул дверную ручку, — должен признать, работу вы выполняете отменно.

Александра хотела бы сказать ему, что дверь не может быть открыта, но проглотила колкость, стоило металлу заскрипеть, а свету проникнуть в тёмный коридор через небольшую щёлочку. Дверь действительно оказалась открытой. Было ли то халатность или просто неосведомлённость о существовании этого входа, Александра не могла ответить.

Но по лицу Джеймса догадывалась, что об этом входе знает только он.

Распахнув пошире дверь, Джеймс жестом предложил Александре зайти внутрь первой. Хотя его напряженные плечи и острая ухмылка больше говорили о приказном порядке это небольшой просьбы. Спорить и отнекиваться Звягинцева не стала, послушно шагнув через порог холодного и незнакомого ей помещения.

— Как думаешь, в чем задача этой организации? — голос Джеймса раздался прямо у Александры за спиной, а кожей она чувствовала его дыхание у своего уха. — И вот только не отвечай, что отлавливать и контролировать всех этих ошибок природы. Я никогда не поверю, что ты можешь всерьёз воспринимать эту чушь.

— В таком случае у меня нет вариантов.

— Да брось, Звягинцева! — несколько оскорблённо протянул Джеймс, обходя

Александрю. — Ты взрослая умная девушка! Должна смекнуть что к чему.

— Я не...

— Ты что не? — оборвал ее он. — Не умная? Или не взрослая? Или ни то, ни другое?

Если Джеймс планировал попасть в список самых отвратительно-саркастичных и невыносимых людей по версии «Times», то у него это отлично получилось. Осталось только взять «Оскар» за лучшую мужскую роль и лучшие подколки, если такая категория вообще существовала.

Александра стояла, сплёвывая опрокинутый на неё ушат едкости слов Джеймса, рассеянно блуждала взглядом по сторонам и тщательно избегала своего спутника, который каждый раз появлялся перед ней, стоило только повернуть голову в другую сторону.

— Твой кузен, Феликс, кажется, даже не стоит на учёте. Ты ведь знаешь об этом, — прищурившись, Джеймс ловким движением схватил Александру за подбородок, не позволяя отвести взгляд. — Но никто за ним не приходит. Как думаешь почему?

— Потому что всем на него плевать? — язвительно фыркнула Александра.

— Именно. — Будь у Джеймса свободны обе руки, он непременно хлопнул бы ими в ладоши. — По крайней мере сейчас. Все эти бюрократические проволочки, искусственные сроки и бессмысленный контроль популяций всего лишь способ облегчить основную задачу Ордена белой лилии.

Александра нахмурилась: она впервые слышала это название, но оно казалось таким знакомым, что невольно возникало ощущение, будто из памяти кто-то старательно вымарал эту информацию.

— Ордена белой лилии? — медленно по слогам переспросила Александра, слабо дёрнув головой в надежде освободиться. — Что еще за орден белой лилии?

— Настоящее название «Лихобор». Пятый век от рождества Христова. Основа во Франции, королём Хлодвигом[2]. Ну, или Людовиком. Все считали, что цель ордена оберегать людей от того, что живёт в тенях и спасать их грешные души. В какой-то степени это правда. Вы действительно защищаете людей. Как думаешь, Александра, куда деваются все пойманные вами «нарушители»?

— Что? Причём тут это? И... — Александра поёжилась от пронёсшемуся по коже холоду и только сейчас обратила внимание на небольшой слой инея на стенах вокруг. — Почему тут так холодно?

— Из-за неё.

Джеймс резко отпустил Александру, и она отшатнулась назад, упершись спиной в холодный металл двери. Дышала Звягинцева тяжело, чувствуя, как воздух обжигает лёгкие своим холодом, а пальцы мелко задрожали. Пространство заполнилось гулом роя маленьких пчёл, и с каждой секундой он становился все громче и громче. Александра трянула головой, пытаясь отогнать это наваждение, но вместо этого шум накрыл ее приливной волной, оглушая и выбрасывая на берег, как рыбу, задыхающуюся без воды. Александра хватала ртом воздух, бессильно закрывала уши руками, согнувшись пополам, но все равно слышала этот гул: он заполнял каждую мысль в голове, каждую клеточку, а сердце замедлилось, чтобы затем ворваться в реальность резкими неритмичными ударами.

Казалось, что кроме Александры больше никто не слышит этого шума: Джеймс продолжал безмятежно смотреть на неё сверху вниз, пока все резко не прекратилось. Уголки его губ слегка потянулись в улыбке, и он наконец слегка отошёл в сторону, прижавшись к кирпичной стене и открыв Александре вид...

...на абсолютно пустое помещение.

Медленно разогнувшись, Александра сглотнула набежавшую в рот слюну, поморщившись от миндально-металлического привкуса, и прошла вперёд, выбравшись из горлышка небольшого коридора, перекрытого поломанными досками и остатками шкафа. Абсолютно пустое помещение. В котором стоял осенний пронизывающий холод. Взявшийся откуда-то ветер забирался под лёгкую летнюю кофту, и Александра обхватила себя руками, растирая плечи и осматриваясь. Четыре глухих кирпичных стены без полок и шкафов, небольшая металлическая дверь — такая же, через которую они пришли с Джеймсом, но на одной из стен, и лужа на бетонном полу. Александра подняла взгляд к потолку, но он оказался сухим и чистым. Разве что в углу между двух стен она заметила лёгкий налёт плесени, но это было неудивительно в столь холодном помещении.

Александра снова вздрогнула, пытаясь согреть себя руками, как заметила на одной из стен длинные глубокие трещины, сквозь которые сочилась вода. Пресный озёрный запах ударил Звягинцевой в нос, и она хотела было подойти, но ноги онемели и вместо этого Александра отпрянула от подувшего ей в лицо ветра.

— Что это? — она обернулась к выглянувшему из-за деревянных досок Джеймсу и коротко кивнула в сторону стены.

— Это? Причина, по которой орден существует и по сей день. — Он медленной ленивой походкой подплыл к Александре. — На первый взгляд это... стена. Кто-то зовёт ее Завесой, кто-то Барьером, кто-то просто, — Джеймс усмехнулся, — Стеной. Люди знают только одно — она от чего-то защищает. Но в последнее время ей становится все хуже. И все попытки подлатать ее не приносят нужного результата.

— А ты знаешь, что за ней?

— Я? — Джеймс удивлённо выгнул бровь. — Разумеется. Но *вам* об этом знать не обязательно.

Александре казалось, что ее окунули в ледяное озеро. Губы онемели, и Звягинцева могла поклясться, что сейчас они такие же синие, как и ногти на ее руках. Зрение потянулось зеленовато-жёлтой дымкой цветущей осенней воды, а из легких словно выбили весь кислород. Александра зашлась низким грудным кашлем, чувствуя, как каждый вздох даётся ей с большим трудом: что-то давило ей на грудь, а воздух застревал в легких, взрываясь болезненным покалыванием. На секунду панический страх захлестнул ее с головой, и Александра, сделав несколько шагов вперёд, потянулась к стене перед ней, как утопающий к поверхности воды. Воздух вокруг стены был тёплым, заставляя кончики пальцев покалывать маленькими иголочками. Александре хотелось отчаянно до неё дотронуться, чтобы согреться...

Но ей на плечо тут же опустилась тяжёлая рука Джеймса.

— Стой! Не трогай.

Александра растерянно уставилась перед собой, глядя на свою замершую в воздухе руку. В голове раздались тихие голоса, перекликающиеся между собой. Они шептали что-то, но Александра не могла разобрать ни слова, кроме иногда проскальзывающих *«Дотронься»*, *«Он так приказал»* и *«Все должно работать идеально»*. На секунду Александра снова потянулась к стене, но тут же одёрнула руку, обернувшись к Джеймсу.

— Почему?

— Если хочешь остаться живым, советую держаться от неё подальше. Да, от неё веет теплом и хочется погреться рядом, но... это необдуманное желание.

Александра еще раз оглянулась на сочащуюся водой стену и резко замерла. С той стороны двери раздался торопливый топот и гам голосов.

— Сюда кто-то идёт, — взволнованно пробормотала Александра, глядя на скребущуюся дверным ключом металлическую дверь перед ней.

— Твой бывший координатор, — беспечно пожал плечами Джеймс. — И ремонтники. Я заметил их, когда они еще только садились в лифт.

— Ты что?..

— Меньше вопросов, юная леди. Иначе рискуешь больше никогда не заснуть.

Он с заговорщицким видом подмигнул Александре и, схватив ее за руку, быстро утащил за защиту поломанных деревянных досок и полумрака небольшого закутка. Дверь открылась, когда Александра, зацепив рукой одну из деревяшек, упала на прислонившегося к стене Джеймса, прижавшись к нему всем телом.

— Не волнуйся, мы еще успеем перейти к этой стадии отношений, — шёпотом хохотнул Джеймс.

Александра раздражённо сдула со лба чёлку и резко отскочила от него. Деревянные доски опасно скрипнули в нескольких сантиметрах от уха Звягинцевой, и она спешно прильнула к противоположной стене, от которой можно было с лёгкостью следить за происходящим в комнате, не будучи замеченной. Помещение уже не было таким пустым: в него ввалилось десять человек. Взгляд зацепился за Ростислава: сейчас на нем не было привычного костюма, — вместо этого он щеголял в спортивном костюме, не отличаясь от «ремонтников», обычно выполнявших работу по исправлению нанесённого сверхъестественными существами вреда. В руках Ростислава была небольшая банка, в которой Александра узнала пойманного ими с Андреем призрака, а сразу за ним стояла трясущаяся кучка людей, среди которых Звягинцева выхватила знакомое старушечье лицо.

— Что они?.. Это Медей?

— Да. И, увы, нам стоит уходить. Уверен, ты сможешь обо всем расспросить Ростислава чуть позже. У него в кабинете.

Не спрашивая ее желания, Джеймс втащил Александру обратно в тёмный коридор и захлопнул за ними дверь, позволив всему пространству вокруг погрузить в темноту, скрывая от Звягинцевой испуганного Медея и нервно дёргающегося Ростислава. Она обязательно выяснит все, что от неё скрывали.

Но для начала нужно выбраться из этого подвала. И увернуться от очередных брошенных в неё колкостей Джеймса.

[1]Искажённая фраза «Счастливые часов не наблюдают...» из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

[2]Хлодвиг I (также Кловис, Хлодовех; около 466 — 27 ноября 511) — король франков в 481/482—511 годах из династии Меровингов. Существует легенда о появлении геральдической лилии французских королей: Хлодвиг будто бы выбрал этот цветок в качестве символа очищения после крещения. По другой версии, Хлодвигу во время битвы при Толбиаке явился ангел с лилией и сказал, чтобы тот сделал отныне этот цветок своим символом и завещал потомкам.

Глава 13. Прощёное воскресенье

— Ну, показывайте своего болезного.

Последние несколько дней Андрей безуспешно пытался убедить себя, что ему все померещилось. Он каждый час повторял себе, что ему просто почудились и Александра со своим блокнотиком, и ее молчаливый и хмурый бывший, при виде которого хотелось прижаться к стене и отправиться на платформу девять и три четверти, и призрак-светлячок. И даже то, как Дима отлетел к стене из-за невидимой силы, объяснение которой Андрей нашёл только одно. Магнит. Сильный магнит, который смог притянуть к себе Диму из-за его железных... из-за его железного характера. Потому что иначе никак нельзя было объяснить, как этот парень поднялся после такого падения, бросился вслед брату и, перепрыгивая через несколько ступенек, выбежал на улицу. Андрей очень хотел верить, что ему все это почудилось.

Но вибрировавший очередным вызовом от Димы мобильник возвращал Андрея в новую реальность. Кажется, он почти дошёл до пятой стадии, готовый принять все происходящее, но для начала нужно было залить в себя пару кружек колы и встретиться с младшим братом Вознесенского. Он был очень настойчивым. Практически, как президент Франции.

Ехать на самый конец метки метро с другого конца города Андрею не хотелось, но настойчивый голос на другом конце убедил его в ошибочности его желаний. В конце концов он должен был Диме за произошедшее с его братом, и странное чувство в груди давило на Андрея, не давало ему нормально спать, и он пытался вспомнить, когда еще испытывал его. Кажется, никогда.

Дима встретил его у выхода метро в компании Станислава и странного невысокого светловолосого парня, от которого на весь вестибюль несло мужским парфюмом. Стас выглядел весьма... сносно: рассматривал стенд информации метрополитена и потягивал через трубочку молочный чай, пока Дима объяснял, что ему нужна помощь Андрея. Эти слова заставили Морозова напрячься, шестерёнки памяти в голове подкидывали образ розововолосой подружки Александры, а имя «Марьяна» окончательно убедили Андрея с том, что он хочет развернуться и, перепрыгнув турникеты, побежать вниз по эскалатору.

Вот только его тут же подхватил под локоть незнакомый блондин и уверенно потащил вслед за удаляющимися Стасом и Димой, ничего не говоря и только морща нос каждый раз, когда их с Андреем взгляды встречались.

Марьяна встретила их недовольно сморщенным носом. Хозяйка квартиры, как и в прошлый раз оперлась плечом о дверной косяк — но на этот раз оставила место, чтобы гости могли пройти внутрь. Хотя Андрей предпочёл бы остаться ждать на лестничной клетке.

— Ну привет, красавчик, — губы Марьяны изогнулись в какой-то хищной улыбке, пока девушка обводила Андрея взглядом. — Давно не виделись. Не обольщайся, Феликс, — Марьяна посмотрела на держащего его блондина, — это я милому укурюшу, а не тебе.

— Хе-хе, спасибо, — неловко пробормотал Морозов.

— Чему ты радуешься? — Феликс резко встряхнул Андрея, вталкивая в квартиру. — Она укурюшем назвала, а он еще и благодарит. Ну точно чем-то накидался.

— Смотри, как бы я тебе не накидала за шиворот, Феликс. — Марьяна резко вытянула руку, перекрывая тому проход, и Андрей поторопился пройти подальше вглубь прихожей,

чтобы не попасть под горячую руку подружки Александры. — Ты тут на птичьих правах. Как пригласила тебя к себе, так могу и отозвать.

— Ты же ведьма, — пожал плечами Феликс, пригнулся и просочился в квартиру под рукой Марьяны. — На вас это правило тоже распространяется.

— А ты сексист. Я ведьма, а не труп. У меня связь с природой, духами, потусторонним миром, вселенной...

— Астральными телами, — ехидно крикнул Феликс.

— Астральным телом станешь ты, если не заткнёшься. Сегодня как раз ясная погода, смогут наблюдать, как ты летишь в телескоп.

Негромкий кашель раздался со стороны двери, где Дима переминался с ноги на ногу, поддерживая под локоть своего брата. Марьяна помедлила, нахмурилась и затем всплеснула руками, как в какой-нибудь мыльной опере по центральному телевидению.

— Ах, проходите. Даже как-то неловко.

Младший Вознесенский смерил Марьяну укоризненным взглядом и медленно шагнул в прихожую. Раздевались они в молчании. Марьяна убежала на кухню, запричитав, что вода из кастрюльки убежит, Феликс незаметно от неё скрылся в одной из комнат, — кажется, это была спальня, — а Вознесенские стянули с себя одинаковые черные пальто и бросили их на шкаф в прихожей. Андрей снимать куртку не стал, только скинул кеды, не развязывая их, и взъерошил волосы, заглянув в зеркало у двери.

В кухню они вошли уже втроём: Феликс крикнул, что ему нужно еще несколько минут.

— Может делом займёмся, а брачные танцы в свободное время проводить будете? — не выдержав, раздражённо прошипел Дима, опуская брата на стул.

— Прости. Не могу сдержаться, когда вижу его, — закатила глаза Марьяна.

Андрей с сомнением покосился на знакомый низенький табурет и поспешил занять второй свободный стул, удостоившись осуждающего взгляд хозяйки квартиры. Впрочем, ее недовольство было недолгим: уже через несколько секунд, что она прожигала Андрея взглядом, все внимание Марьяны переключилось не прислонившегося затылком к стене Станислава, над которым коршуном кружил младший брат, расстёгивая тому верхние пуговицы рубашки и предлагая уже налитый стакан воды. И когда он только успел это сделать?

Андрею даже стало немного завидно: его сестра никогда о нем так не беспокоилась.

— Так, ну, что тут у нас? — Марьяна ногой подтянула к себе табурет и, опустившись на него перед Стасом, вытянула вперёд руку, загнув все пальцы кроме одного. — Смотри на меня внимательно Стас и следи за пальцем. Скажи, сколько ты видишь перед собой?

— Один.

— Молодец, а теперь?

— Два.

— Отлично, а теперь?

— Три, — обречённо отозвался Вознесенский и тяжело вздохнул. — Но если ты еще раз спросишь сколько я вижу пальцев, клянусь богом, ты отправишься в астрал вслед за Феликсом. Я тебя люблю, Марьян, но со мной все хорошо.

— Ага, конечно, хорошо с ним все, — взлохмаченная макушка Феликса появилась из-за дверного косяка. — Мы тебя нашли среди стройки, и ты родного брата не узнал. А теперь говоришь, что с тобой все хорошо. Проверь его, Марьяна. И со всей строгостью. Нам сюрпризы не нужны.

Марьяна и Стас одновременно повернули к Феликсу головы, но тот лишь гордо вздёрнул подбородок и прошествовал мимо них троих, запрыгнув на подоконник и тут же заболтав в воздухе ногами.

— Что, уже все мои лифчики стырил, кровосос? — Марьяна проводила Феликса скептическим взглядом.

— Не кровосос, а кровосися. И не все, а только кружевные французские, — даже как-то обиженно, по мнению Андрея, протянул вампир. Он же был вампиром, да?

Марьяна хмыкнула и вернулась к Стасу. Хозяйка квартиры расспрашивала Вознесенского о самочувствии, о том, что с ним произошло, и что он вообще помнит. Но Стас только односложно отнекивался, кивал головой или вообще молчал. Марьяна же не теряла надежды и попыток его разговорить.

Андрей осторожно поднялся на ноги и, подойдя к Феликсу, уселся рядом с ним на холодный камень подоконника. Тот, слегка скрипнув, прогнулся под тяжестью второго тела. От Феликса в нос тут же ударил запах парфюма, и Андрей негромко чихнул.

— Будь здоров, — патетично отозвался Феликс, разглядывая потолок.

— Я смотрю, — Андрей на всякий случай оглянулся на Марьяну и, поняв, что она слишком занята Стасом, понизил голос: — характер — семейная черта Вознесенских?

— Характер? — удивлённо присвистнув, Феликс повернулся к нему в пол-оборота, и у Андрея зашевелились волоски на шее от неестественно ярких зелёных глаз. — Да, это их слабое место. Не советую тебе с ними связываться, мой друг, если хочешь спокойной жизни. Препятствие она уже не будет, но лучше бы тебе держаться Александры. С ней хотя бы спокойно. Она барышня смышлёная, умом острая. Язык правда слишком острый, но в наше время это необходимость. К тому же она живёт одна, а ты, — Феликс обвёл Андрея оценивающим взглядом и поправил воротник его спортивной куртки, — достаточно молод, крепок. Телом разумеется. А вот характер... В моё время твои ровесники были другими. Серьёзней, ответственной, с семьями. Хотя и умирали они иногда слишком рано, — он рассмеялся. — Так что у них был экспресс-курс по жизни. Все стадии за тридцать лет. А вы сейчас боитесь взрослеть, боитесь ответственности и заглянуть за угол своей жизни, потому что там неизвестность и новое препятствие, которое, увы, домашнему тельцу с разбегу не преодолеть. Только перебираться. С кряхтением и стонами.

Феликс как-то грустно вздохнул и замолчал. Он смотрел на Марьяну, не моргая и, кажется, даже не дыша. И все же Андрей слышал, как тот обиженно сопит.

Впрочем, продлилось это недолго. Тень печали быстро сменилась широкой улыбкой, и Феликс, по-братски обняв Андрея, похлопал его по плечу.

— В общем, хороший ты парень, Андрей. Из тебя можно слепить идеального мужчину. Главное, чтоб не размотало на этом гончарном круге жизни.

В ответ на это Андрей смог только снова что-то невнятно крякнуть. Вся жизнь была гончарным кругом, а он на ней кривой размякшей вазой в руках подмастерья-недоучки.

Тем временем Марьяна поднялась со своего любимого низенького табурета, от которого в памяти Андрея всплывали только самые болезненные воспоминания, и, подойдя к кухонному гарнитуру, открыла один из верхних шкафчиков. Она недолго рылась, звенела баночками и наконец достала небольшую металлическую баночку из-под крема.

— Что это? — Андрей встрепенулся, подскочив на подоконнике, и вытянул вперёд шею.

— Мазь. — Марьяна опустила на табурет, откручивая крышку. — Помогает от болей в суставах, радикулита и бронхита, если намазать его на грудь. Собственного приготовления.

А вообще я использую ее, чтобы считать человека, — Марьяна зачерпнула похожую на вазелин субстанцию малинового цвета из баночки и растёрла по ладоням. — Берёшь руку другого человека с свои, и слушаешь. Вот так, — она потянулась к руке Стаса. — Ай! Ты такой холодный.

— Да, мне немного нехорошо в последние дни. Не понимаю, что со мной происходит.

Марьяна удовлетворённо кивнула и, сжав ладонь Стаса в своих, закрыла глаза. Дима стоял рядом с братом, не отходя от него ни на шаг. А Андрей с Феликсом продолжали восседать на холодном подоконнике. И если поверхность под Андреем уже достаточно прогрелась, чтобы было комфортно сидеть, то рядом с Феликсом камень был все таким же холодным. Впрочем, соседа это не особо смущало: он продолжал болтать в воздухе ногами, рассматривать кухню Марьяны и несколько раз зачем-то обернулся на окно, словно оценивая высоту, на которой находилась квартира Марьяны.

Марьяна молчала. Сжимала в руках ладонь Стаса и молчала, погружившись внутрь себя. Что она надеялась там найти Андрей не знал — он обычно с таким видом игнорировал нотации от матери и сестры или делал вид, что слушает лектора на первой паре. Но Марьяна продолжала сидеть на низкой табуретке, держать Стаса за руку, странно поглаживая его костяшки пальцем, растирая мазь по коже, и раскачиваться из стороны в сторону, как если бы только она слышала одну ей открывшуюся мелодию.

Но сидела она так недолго.

Через несколько мгновений Марьяна резко выпустила руку Станислава и подскочила, опрокинув табурет.

— Ты... — ведьма тяжело дышала, схватившись за грудь. — Что вы притащили в мой дом? Отвечайте сейчас же, пока я не превратила вас в жаб.

— Ты не можешь превратить нас в жаб. Могла бы — я уже давно куковал бы на болоте с братьями по несчастью, — закатил глаза Феликс.

Марьяна метнула в его сторону вампира предупреждающий взгляд, на что тот только самодовольно ухмыльнулся.

— Что. Это. Такое? — Марьяна ткнула пальцем на Стаса, который выглядел весьма оскорблённым тем, что его называют вещью.

Морозов пожал плечами — он и сам не знал, что такое Стас, а объяснение Александры Андрея не удовлетворило. Марьяна сделала еще несколько глубоких вдохов, включила на полную мощность кухонный кран и нервно смыла с рук мазь. Ее била дрожь — это было заметно даже Андрею с другого конца комнаты. Дима поджал губы и хлопнул себя по карманам.

— Предлагаю отойти и спокойно поговорить. Феликс, — младший Вознесенский кивнул на брата, — присмотри за Стасом.

— А почему сразу я?

— Потому что из нас троих, — Дима указал на себя, Андрея и Феликса, — только ты можешь в случае чего помочь. Сам должен все понимать.

По лицу Феликса было трудно сказать, понимает ли он к чему клонит Дима, но дожидаться реакции соседа Андрей не стал, соскочил с подоконника и быстро вышел из кухни вслед за Марьяной и Вознесенским.

Едва оказавшись в коридоре, Марьяна свернула в комнату, где до этого ненадолго скрылся Феликс, — это и вправду оказалась спальня. Андрей слотнул подкативший к горлу горький комок и неуверенно перешагнул порог личной комнаты ведьмы. Широкая

двуспальная кровать с пологом и исписанные черным маркером малиновые обои. Андрей не разобрал ни слова и того, что увидел, но и этого было достаточно, чтобы пробудить его желание поскорее сбежать из этой квартиры. Оптимизма не добавлял и пустой книжный шкаф у затемнённого окна — единственным его жителем был толстый орфографический словарь. Наверно, она держала его для самообороны.

— Что за тварь вы притащили ко мне в дом? — зло прошипела Марьяна, прижав не успевшего среагировать Диму к стене.

— Вот у него и спрашивай.

Вознесенский, глядя на Марьяну спокойным взглядом человека, проглотившего не одну пачку глицина, кивнул на Морозова.

— Я уже извинился, несколько раз, — Андрей с непонимающим видом уставился на Диму. — В чем твоя проблема?

— Какой мне толк в твоих извинениях? — Дима слабо дёрнулся, намекая Марьяне, что было бы неплохо его отпустить, и та отступила назад. — Наказывать я тебя все равно не собираюсь. Жизнь уже сделала это за меня. Наверно сложно жить с извилиной, которая единственная и соединяет уши.

— Тихо! — рявкнула на них Марьяна. — Умерь свой пыл, Дим. Ты вроде всегда был разумней, чем твой брат. А ведёшь себя сейчас как маленький ребёнок. И объясните мне, наконец, кто сейчас сидит на моей кухне и стоит ли мне сегодня съезжать с этой квартиры? Если да, потребую с вас компенсацию. Залог мне не вернут. Я живу тут меньше обозначенного срока.

— А я думал, потому что ты обои испортила, — безразлично протянул Андрей.

Марьяна смотрела на него долго и пронзительно. Единственным плюсом сложившейся ситуации было то, что на фоне Морозова младший Вознесенский уже не выглядел таким уж глупым. По крайней мере Андрей так себя успокаивал и повторял, что он делает это все ради дела.

— В нем демон, — устало выдохнул Дима, опершись об стену, и потёр глаза. — И мы без понятия, кто он, чего хочет и по какой классификации его отслеживать. Он проявил себя всего один раз, а сейчас... Стас выглядит таким нормальным, что я даже не уверен, что нам это все не привиделось.

— Так. — Несколько глубоких вдохов, и Марьяна выдохнула со свистом пропуская воздух сквозь стянутые в две узенькие полоски губы. — Я спокойна. По крайней мере моё приглашение всегда при мне.

— Да что за приглашение, с которым ты так носишься? — встрял Андрей, распираемый желанием выяснить то, что беспокоило его больше всего.

Дима и Марьяна посмотрели на него одновременно взглядом Александры Звягинцевой, тем самым, в котором легко читалось лёгкое презрение к невежеству Андрея в части сверхъестественной половины мира и снисходительность учителя, что должен был объяснять такие банальные вещи своим ученикам. Ладони Морозова сжались в кулаки, и он поспешил спрятать их за спиной, разминая костяшки пальцев.

— Существам, подобным Феликсу, нужно разрешение, чтобы пройти в жилище человека. Я — человек. Пусть и немного отличающийся. Но я могу в любой момент отозвать разрешение, если моей жизни будет сулить опасность. Хотя, — Марьяна поджала губы, — в этом случае запрет ослабевает, и существует возможность, что существо снова проникнет в твоё жилище. Обычно для этого нужны определенные условия. Полнолуние например. Тогда

даже отозванное приглашение не помешает ему прийти и поменять в твоей квартире содержимое солонки и сахарницы, — она скривилась и, выглянув из-за угла, показала стоящему спиной Феликсу средний палец. — Но вот то, что вы не сказали мне заранее... Могу и обидеться. И брать с этого момента с вас двойную плату.

— Мы не могли, — Дима наконец отлип от стены и тряхнул разметавшимися темными волосами. — Не были уверены, что за нами не следят.

— Кто? Ростислав?

— Он в том числе. А еще... те фанатики, что все это устроили.

Наконец-то хоть он признал, что вины Андрея в произошедшем не было. Нет, конечно, он несомненно приложил руку к тому, что они вынуждены в такой странной компании сидеть на двадцать восьмом этаже в малиновой комнате и беседовать о старшем Вознесенском. Но *полной* вины его в случившемся не было.

— И... — многозначительно протянула Марьяна, — чего вы хотите от меня?

— Ведьмовского ахалай-махалая, — крикнул с кухни Феликс.

— Немного не этого, но суть ты уловила, — хмуро поправил его Дима. — Мы думаем, что ты можешь нам помочь.

— Могу вам помочь? — бровь Марьяны резко вздёрнулась и выгнулась изломленной дугой, и Андрей только сейчас почему-то обратил внимания, что и она у девушки была приторно-розового цвета. — Могу разве что за вас заказать цветы и катафалк за вас, если боитесь звонить.

— Тише, он же может услышать.

— Да ладно вам, он уже ушёл.

Феликс показался из-за угла с пачкой сухариков в руках. Андрей не был уверен, что вампиры питаются чёрствым хлебом со вкусом чеснока, но уточнять вкусовые пристрастия Феликса он не спешил. В конце концов, сегодня сухари, а завтра — ты.

— Что, прости? — голос Марьяны истерично сорвался. — Куда ушёл?

— Подошёл к окну, открыл его и сиганул вниз, — тщательно пережевывая, пояснил Феликс. — Практически разбежался и камнем вниз. Знаю я тут одну песенку...

— Почему ты не бросился за ним? — резко оборвал его Дима.

— У меня новые джинсы, а мы на двадцать восьмом этаже, между прочим! К тому же я слишком стар для подобного. — Феликс замолчал, задумавшись, и резко вскинул указательный палец. — У меня радикулит. Вот.

— Ты вампир, Феликс. У тебя не может быть радикулита.

— У меня вампирский радикулит.

По мнению Андрея, это было значимое оправдание. Сам он радикулитом никогда не страдал, но окружающие все время пугали, что страшнее него может быть только радикулит летом. Должно быть, вампирский радикулит был еще более опасной формой, раз Феликс не решился прыгать вслед за Стасом. Надо будет разузнать об этом побольше у Александры.

— Что ж, — Марьяна хмыкнула, похлопав Диму по плечу, — удачи в поисках Стаса. Как я понимаю — снова. Как найдёте, позвоните. Морально поддерживаю.

Марьяна хлопнула в ладоши и поспешила выпроводить всех троих гостей из квартиры. И, кажется, единственным, кто был этому рад, оказался Андрей. По крайней мере за пределами квартиры этой странной малиновой ведьмы дышалось намного свободней, а ее присутствие больше не давило на него аурой всезнающего сознания карт таро.

Или всему виной были расставленные по всей квартире благовония?

Глава 14. Бойся Вознесенских, дары приносящих

— Александра! Какие люди! Что заставило тебя снизойти до простых смертных?

— Я хочу знать, что вы делаете с пойманными демонами, призраками и всеми остальными чудесными существами. А еще больше, я хочу знать, что вы делали с ними около той протёкшей стены буквально полчаса назад. И не ври мне, Ростислав. Я знаю о ее существовании. Теперь.

Ловить людей в их рабочем кабинете уже превращалось для Александры в плохую привычку. Сначала Асмодей, а теперь вот и Ростислав попался в расставленную Звягинцевой ловушку. Точнее, навестить бывшего начальника предложил Джеймс, пребывавший после визита в подвал в весьма приподнятом настроении. Нельзя было сказать, что и настроение Александры не улучшилось, но все же она предпочла, чтобы с ней не пытались флиртовать в мокрых и заплесневелых подвалах.

Ростислав, кажется, не заметил развалившегося на гостевом диванчике Джеймса, а тот в свою очередь спрятался за одним из гляцевых женских журналов о вязании. Забавно, все мужчины в окружении Александры питали слабость к рукоделию.

— Вот как? — Ростислав откинулся на спинку мягкого кресла и закинул ноги на стол. — С чего это тебя стала беспокоить их судьба? Мне казалось, ты никогда не питала особой любви к братьям нашим меньшим. И уже тем более никогда не интересовалась, зачем мы их отлавливаем. Ты была, как бы это помягче сказать, — он помедлил, — идеальным работником. Никогда не задавала вопросы и делала свое дело. Лучший сотрудник месяца. Образцово-показательный экзорцист последних десяти лет. Ни одного отпуска, ни одного выговора. Никогда не болеешь и всегда готова выйти на работу, даже в праздники. Меньше вопросов — больше работы. Ведь это именно так и работает, — осклабился Ростислав. — И кто же рассказал тебе об этой... стене?

— Он.

Александра слегка наклонилась, кивком указав за спину, где Джеймс, судя по шуршанию страниц, бездумно перелистывал журнал.

За несколько секунд выражение лица Ростислава сменилось с самодовольного на глубоко испуганное. Его глаза расширились, зрачки нервно подёргивались в обрамлении зелёной окантовки, а челюсть с силой сжалась вместе с обхватившими кожаный подлокотник пальцами. Ростислав дышал медленно и тяжело, не моргая глядя за спину Александры.

— Как... интересно.

Не зная Александра Ростислава достаточно хорошо, она бы подумала, что у него просто случился инсульт. Дементьев бездумно раскрывал рот, сумев выдохнуть только несколько раз «Как интересно». Его правый глаз нервно подёргивался, а по губам то и дело скользил кончик языка, смачивая сморщившуюся розоватую кожу. Диван скрипнул, и через несколько негромких кошачьих шагов Джеймс оказался около стола. Он бросил на него один из журналов и шутливо отсалютовал Александре.

— Не буду вам мешать, — он мягко хохотнул, но его смех разнёсся по кабинету майским громом. — Кажется, я произвожу на людей не самое приятное впечатление. Еще увидимся.

Дверь захлопнулась за Джеймсом быстрее, чем Александра успела понять, что теперь

она в кабинете с Ростиславом осталась одна. Нет, она привыкла к индивидуальным допросам со стороны координаторов — странная привычка пахла формалином и бабушкиной кашей, а плакат женщины с заклеенным ртом на стене за креслом Ростислава посылал странные намёки на прошлое организации. Майор Александра Звягинцева. Был даже иногда смешно видеть в шкафу старую форму и вспоминать, что ты еще и офицер.

Александра негромко хмыкнула и закинула ногу на ногу.

— Что? — бровь Звягинцевой вопросительно выгнулась.

— Что что? — делая непонимающий вид переспросил Ростислав.

— Почему ты так смотрел на него? Тебя что-то в нем беспокоит? Если да, — Александра подалась вперед, — то я предпочту узнать об этом сейчас, а не когда к моему горлу приставят нож и попытаются убить. Как в тот раз.

— Ну, вышло небольшое недоразумение. С кем не бывает.

Недоразумение, по мнению Ростислава, едва не стоило Александре жизни. Впрочем, она никогда не замечала за координаторами особой заботы о своих подчинённых. Задание и результат — единственное, что скрывалось за бездушными строчками отчётов, посылаемых сначала в главное здание, а затем и в головной европейский офис. Александра даже не была уверена, что хоть кто-то читает их отчёты, потому как не знала никого в организации, кроме Ростислава. Каждый разговор о вышестоящем руководстве пресекался. В архивах информации было ровно столько, чтобы удовлетворить любопытство школьника и зародить в нему чувство гордости за величие «Лихобор». А карьерный рост отсутствовал.

Единственным повышением, грозившим Александре, были похороны.

Ростислав закряхтел в кресле, вырвав Звягинцеву из воспоминаний о работе.

— Нет, — уже намного серьезней отозвался Дементьев, — он не причинит тебе никакого вреда.

— Откуда такая уверенность?

— Просто знаю. Мы... немного знакомы.

— Зна... — Александра подавилась воздухом, схватившись за грудь. — Что? То есть ты знаешь этого человека, но ни слова не сказал нам? Прекрасно, Ростислав.

— А зачем вам о нем знать? Твоя жизнь как-то изменилась бы, узнай ты о существовании людей, подобных ему? Нет? Вот и ответ на твой вопрос. — Ростислав хлопнул ладонью по столу и ткнул Александре указательным пальцем в лицо. — Меньше знаешь, крепче спишь, Александра. Я несу за вас ответственность и весь груз знаний. И поверь, тебе бы не понравилось общаться с теми, с кем мне приходится иметь дело каждый день. И этот твой новый друг не самый худший из них.

Александра вжалась в резную спинку стула, болезненно впивающуюся своими шипами в позвонки. Кончик языка покалывало. Хотелось задать всего один вопрос, интересующий Звягинцеву больше всего, но надежда получить на него ответ стремилась к нулю. Негромко промычав под нос, Александра привстала на стуле, неестественно выпрямляя спину, и посмотрела на Дементьева.

— Его точно зовут Джеймс?

— Джеймс? — Ростислав скривился, кажется, немного задумавшись над вопросом Александры, а затем замотал головой и вскинул руки. — Без понятия. Мне он вообще не представлялся. Прихожу в первый день работы в этот кабинет, а там он. Сидит на моем месте, закинул ноги на стол и попивает виски. Да, это было слишком неожиданно. А потом начал мне вещать про вот эту вот стену, наше предназначение и смысл всей нашей работы.

Разговор был, знаешь ли, не самый интересный. И добавил, что если буду плохо работать — он скормит меня Стене.

Скормит стене. Видимо так же, как Ростислав скормил ей тех несчастных, среди которых Александра видела своего старого знакомого. Скормит стене звучало, как издевательство над здравым смыслом. Кривая кирпичная стена не могла быть живой, она не могла говорить с Александрой и тянуть к себе.

— А мы знаем, что там? — собственный голос казался Александре чужим и приглушенным, словно раздавался из-за той самой холодной преграды. — За этой... этим барьеров?

— Нет. Все, кто приближался к ней ближе этой линии или, не дай бог, дотрагивался до неё, исчезали. — Ростислав помрачнел, сцепив пальцы перед собой на столе в замок. — Мы потеряли нескольких людей только на прошлой неделе. Она как будто притягивает к себе. И мы никак не можем ее остановить. Сейчас вроде бы стало немного лучше. Трещины затянулись. Но мы не знаем насколько долго. Прорвать может в любой момент. Один из уцелевших сказал, что слышал голоса. Они говорили ему дотронуться, потому что так надо. Мы успели его остановить.

Ростислав выглядел уставшим. Его пальцы нервно тёрли друг друга, пока он напряженно сжимал ладони.

— Вся эта работа — всего лишь бессмысленный способ скрыть от людей существование бреши. Что за ней? Одному богу только известно. Но мы, координаторы, вынуждены держать остальных в неведении. Знания — источник страха. А страх приводит к неповиновению. Расскажи я кому-то еще о существовании стены — и все рухнет.

— Ты так в этом уверен? — скептически цокнула языком Александра.

— Мне так сказали. Я солдат и не задаю вопросы, — хмуро отозвался Ростислав.

— И давно мы превратились в организованную группировку? Хорошо хоть, еще не преступную.

— Ну знаешь ли. — Дементьев закатил глаза, откинувшись на спинку кресла и пропустив несколько прядей между пальцев. — Иногда мы нарушаем законы нескольких государств одновременно. Но у нас работа такая, — вздохнул Ростислав. — И да, «Лихоборы» всегда были оторваны от остального общества. Ни войти, ни выйти. Никогда об этом не задумывалась?

— А сам ты... никогда не задумывался, откуда взялась эта стена?

— Неудачное колдовство. Вот моя версия. Поэтому я и не люблю ведьм. — Губы Ростислава растянулись в ухмылке, и он тут же поспешил добавить, заметив взгляд Александры: — Марьяна не в счёт.

— Ну да. И ты туда же. Поддаётесь на ее чары, как послушные коты на валерьянку.

Ростислав растерянно развёл руками, словно извиняясь за собственную слабость.

Бросив на Александру еще несколько долгих многозначительных взглядов, Ростислав схватил одну из папок с края стола и, раскрыв ее, уткнулся взглядом. Разговаривать с Александрой и дальше на эту тему он, судя по напыщенно-насупившемуся внешнему виду он не планировал.

Несколько раз с силой сжав подлокотники, Звягинцева подскочила на ноги, едва не опрокинув пошатнувшийся под ней стул, поджала губы и не моргая посмотрела на Ростислава. Надежда, что он не сможет вынести пробуравливающего его насквозь взгляда, ускользала меж пальцев, как песок. Ростислав продолжал самым внимательнейшим образом

изучать документы.

— Ладно, мне пора, — слова колючими иголками процарапали горло Александры и застряли на кончике языка хриплым сухим кашлем. — Спасибо, что хоть в это меня посветил.

— Заходи, если соскучишься, — Ростислав поднял взгляд и приторно улыбнулся.

Проглотить скрутившуюся во рту колкость, оказалось сложно, но Александра нашла в себе силы. Отставила в сторону стул и быстрыми шагами засемила к выходу, спиной ощущая на себе тяжелый взгляд Ростислава. Сказать все и ничего — она уже и забыла насколько ее бывший начальник бывал невыносим.

— Он... — Александра остановилась в дверях и обернулась на Ростислава, сжимая холодный металл ручки, — он сказал, что знает. Знает, что за этим барьером. Но не расскажет нам, потому что мы недостойны.

— Классический способ манипуляции. С другой стороны, — развёл руками Дементьев, — мне плевать, что там и на кой черт мы этим занимаемся, пока мне платят деньги. Я тут не потому что мне нравится. У меня нет выбора.

Что ж, как и у Александры.

***

Александра не могла сказать, почему выйдя из кабинета Ростислава, она сразу же направилась к тому самому подвалу, куда ее привёл Джеймс.

Те же повороты, те же крысы и та же тяжёлая металлическая дверь, которая, к удивлению Александры, оказалась открытой. Открытой, насколько могла быть открыта дверь, чей замок расплавился черной липкой субстанцией. Дотрагиваться до ручки Александра не решилась — вытащила из кармана несколько бумажных салфеток и, попытавшись оттереть от замка черные пятна, выронила их, когда на белой бумаге стали разъедаться уродливые дыры. Края бумажных платков зашипели, взмыв вверх тонкими струями дыма, и Звягинцева, подцепив носком край двери, оттолкнула ее в сторону и быстро скользнула внутрь коридора.

Узкое помещение уродливо перемигивалось тусклыми лампами и черными разводами по стенам. Везде, где серого бетона касалась черная жидкость, пробегали маленькие трещины, а на пол опадала пыль. Несколько раз Александра хотела дотронуться и попробовать на ощупь субстанцию, и каждый раз она останавливала себя, глядя на обуглившиеся края дыр на стенах и вспоминая рассыпавшиеся у неё в руках бумажные платки.

Спускаться по винтовой лестнице оказалась труднее, чем в прошлый раз: перила тоже были измазаны черным и вспыхивали блеском, когда аварийные лампы снова загорались. Спускаться по винтовой лестнице, не держась за поручни, было опасно для здоровья, но еще опасней казалось сжать ладонью металл и почувствовать, как черная жидкость расползается по коже.

Александра Звягинцева никак не ожидала увидеть в секретном подвале кого-то еще, помимо нескольких посвящённых. Но стоило ей выйти из-з покосившейся балки, как ее взгляд уперся в широкую спину мужчины. Он рассматривал стену, ходил перед ней из стороны в сторону и громко кашлял, позволяя эху разносить грудные хрипы по подвалу, отражаться от стен и возвращаться, оглушая.

— Что вы тут делаете?

Будь у Александры пистолет, она немедля выдернула бы его из кобуры, чтобы направить

на стоящего к ней спиной человека. Но вместо этого она схватила валяющийся под ногами камушек и бросила в голову незнакомца. Необдуманно? Определенно. Глупо? Стопроцентно и даже Стас сказал бы, что Александра выжила из ума. Но теперь было уже поздно отступить назад: мужчина обернулся, зайдясь низким грудным кашлем. Платок в его руках, как и пальцы, окрасились в черное, а плечи содрогались при каждом вдохе.

Он молчал, непонимающе глядя на Александру.

— Спрашиваю еще раз: что вы тут делаете? — скрестив за спиной пальцы, повторила Звягинцева.

Мужчина как-то странно посмотрел на неё, а затем отнял платок ото рта и улыбнулся. Александра подавилась воздухом, узнав в нем проверяющего Ростислава, и сделала несколько быстрых сбивчивых шагов назад.

— Ох, прости милая. У меня задание.

Он сказал что-то еще, но слова потонули во вновь набежавшем на Александру шуме и взволнованных перешёптываниях голосов. Она схватилась за голову, закрывая ладонями уши, но шёпот стал только громче, просачиваясь сквозь пальцы, вибрируя в барабанных перепонках и оглушая. Мужчина говорил странно, растягивал гласные, проглотил парочку «р», а каждый звук, вырывающийся из его приоткрытых губ сочился мягкостью. И с каждым новым словом он подходил все ближе к Александре, пока она не почувствовала спиной холодный камень стены, а на губах чужое горячее дыхание, налипающее черными капельками кашля.

Губы у него были горькие и маслянистые. Александра подняла взгляд, но вместо лица увидела перед собой только темноту. Ноги подкосились, обмякли, и она повалилась на землю, поддерживаемая чьими-то сильными руками. Был ли это «проверяющий» или же ей просто показалось, Александра не знала. Но затылок встретился с мокрой от влажности подвала землёй, щеку неприятно царапали маленькие камушки, а в нос ударил запах чеснока.

Интересно, кому пришло в голову есть сухарики в таком месте?

Она не слышала удаляющихся шагов, но когда ее веки дрогнули, приоткрываясь, вокруг не было ни одной живой души. Размеренный звук падающих со стены капель успокаивал. Под потолком плясали маленькие зелёные огоньки, раскручивались в спирали, сталкивались друг с другом и подрагивали волнами тёплого воздуха. Александра поморщилась и попыталась подняться, но руки оказались стиснуты шершавой верёвкой. Нервная попытка высвободить запястье обжигающей болью содранной кожи раздалась в голове Александры. Слабое чувство нарастающей паники притупилось, мозг лихорадочно пытался понять, что происходит.

Если это было ритуальное жертвоприношение, то Александра Звягинцева была худшим вариантом на роль агнца.

Зелёные огни стали ближе, и через секунду перед Звягинцевой появилось знакомое взволнованное лицо.

— Сашка!

Вознесенский. Старший из них. Он склонился над ней, разглядывая лицо Александры взглядом пластического хирурга в поисках изъянов. Звягинцеве попыталась двинуть головой, но и она оказалась зафиксирована. Если до этого Александру мало беспокоило то, что она не может пошевелиться, и она списывала все на усталость после обморока, то сейчас сердце неожиданно ускорило свой темп, болезненно ударяясь о ребра. Стас смотрел на неё,

дотронувшись до щеки облаченной в перчатку рукой. Он выглядел так же, как и в последнюю встречу. Разве что из-за его воротника выглядывали края уродливый язв, разъедавших кожу охотника.

Александра нервно сглотнула, не в силах отвести взгляд от этих шрамов одержимости.

— Стас? Что ты?..

Тёплый пахнувший обработанной кожей палец тут же притулился к ее губам, и Стас только коротко шикнул. Его глаза сверкнули в полумраке алым и тут же потухли, только слабо светя желтоватым отливом. Он улыбнулся, а затем распрямился, накрыв Александру своей тенью от слабой лампочки на стене за спиной.

— Ну здравствуй, Александра Звягинцева.

Глава 15. «Придёт серенький волчок и укусит за бочок...»

— Александра не звонила?

— Нет. Никаких известий с момента, как она отправила нас к Стасу.

Солнце уже успело склониться к закату, когда яркий циферблат на часах Андрея показал половину одиннадцатого вечера. Из квартиры Марьяны Андрей вылетел первым, перемахнул все двадцать семь лестничных пролётов и упал на асфальт, вдыхая свежий воздух, пока Дима и Феликс плелись позади. Почему вампир не мог по-быстрому спуститься с помощью своей волшебной суперскорости Андрей не знал, но был благодарен этим несколько секунд тишины и спокойствия.

Воздух пах летом и спокойствием. Только негромкие перешёптывания трелей птиц в соседнем кусте выдавали суетность дышащего ночной жизнью города. Высотки уродливыми гигантами возвышались над остальными домами, но сейчас Андрей нашёл в них свою особенную защиту. Пусть и продлилась она ровно пять минут.

— Черт.

Дима остановился около него, тупо глядя в телефон и еще несколько раз чертыхнувшись.

— Что такое? — Андрей с громким кряхтением поднялся и отряхнул заляпавшиеся в песке джинсы.

— Задание. — Дима неопределённо повёл плечами, словно это была просто невыполненная домашняя работа по географии. — Срок завтра. Не выполню — вылету со стажировки. У меня уже и так три предупреждения с момента... с момента, как все это началось со Стасом. Еще одно и брат меня убьёт, — он неловко хохотнул, скрывая нервную усмешку за плотно стянутыми в тонкие полоски губами.

— Так у тебя тоже стажировка?

— Хах, да. В нашем мире все еще приходится сдавать экзамены, ходить на зачёты и защищать отчёты по проделанной работе. А вместо стипендии — *еще* один прожитый день.

Звучало не очень обнадеживающе. Особенно, когда Андрей вспомнил, что теперь это и его мир. Пока что Морозов научился выживать среди гор обычных отчётов, контрольных и бессонных ночей за местным домом культуры, непонятной круглой формы, где обитали не менее сверхъестественные существа. Возможно, стоило позвать Александру проверить потом это место на пригодность к человеческому обитанию.

Заинтересованная мордашка Феликса возникла прямо перед Андреем, и он только сейчас заметил, насколько у него тонкая и бледная кожа. Она пергаментом покрывала тёмные сосуды под глазами и казалась настолько хрупкой, что малейшего усилия было бы достаточно, чтоб прорвать ее неловким движением. Глаза Феликса были неестественно яркими, зелёными и с красными прожилками. А на щеках играл болезненный румянец. В остальном же, его внешность вполне можно было назвать миловидной. Пускай это было лишь оценочное суждение самого Андрея.

— Задание? — Феликс прищурился, перебегая взглядом с Андрея на Диму. — Ой не. Это без меня ребят, я пошёл.

— Что?.. — Андрей рассеянно заморгал, поняв, что миловидного лица Феликса больше перед ним нет, а его собственное обдало прохладным ветерком. — Стоп. Куда?.. Куда он

делся?

— Смылся, — Дима пожал плечами, словно это было настолько очевидной вещью, что можем было в принципе и не спрашивать. — Все вампиры такие. Как доходит до кровопролития — смываются. Только смотри, как их пятки сверкают в лучах заходящего солнца. Ладно. — Вознесенский тяжело вздохнул, рассеянно поправляя лямку рюкзака на плече. — Там дел на пять минут. Быстро управимся. А там может и Саша что-то напишет. Она планировала на работу зайти. Так что думаю, она сейчас немного занята.

— Да, конечно. — Андрей осмотрелся и резко замер. До него медленно доходил смысл слов Димы, но негромкий голос где-то на задворках сознания советовал Морозову задуматься. — Стоп, что?!

— Что?

— Ты сказал «управимся»?

— Разумеется. Ты, — Дима указал на него пальцем, — должен выполнить работу моего брата. Если ты еще не забыл. Накосычил — разгребай. Таковы правила.

— Я на это не подписывался. У меня нет сил.

— Отсутствие сил и желания не освобождает от ответственности. — Улыбка Димы превратилась в звериный оскал, но он тут же спешно спрятал ее за снисходительным взглядом. — У «Лихобор» есть правило: выбил из строя одного из нас — занимай его место и паши до конца своей жизни. Никто не будет с тобой сюсюкаться как Саша. И уж тем более не будет давать тебе поблажку, потому что ты пришёл со стороны. Есть работа, мы ее выполняем. Поэтому, будь добр, закрой свой рот и делай то, что тебе говорят.

Андрей нервно сглотнул заготовленные для Димы слова: они горьким колючим комком процарапали себе путь вниз по горлу и застряли где-то на входе в желудок, отчего в животе появилось тянущее ощущение завязывающегося узла. Чувство было Морозову знакомо по томительным ожиданиям начала экзамена и своей очереди на ответ, но сейчас единственным экзаменатором был только он сам.

— Могу я хотя бы узнать, что за задание? — осторожно подал голос Андрей.

— Оборотень. Щенок, кажется.

— И мы идём на оборотня в полнолуние? — он искренне попытался скрыть сочившийся из голоса сарказм, но все же по лицу Вознесенского читалось, что он этого успешно не сделал.

Дима закатил глаза и нарочито громко промычал от неудовольствия, нажимая пальцем на экран телефона. Из того тут же раздалась незамысловатая тихая мелодия, а затем на всю улицу прозвучало громкое «Ваше задание принято. Спасибо, что пользуетесь услугами личного помощника. Надеемся, что вам не понадобится закрытая коробка!». Несколько раз прокрутив в голове услышанное, Андрей снова нервно сглотнул. Диму же слова бездушной машины ничуть не испугали или же взволновали. Он продолжал смотреть в экран, пока наконец не щёлкнул блокировщиком.

Телефон погас и отправился в карман.

— Ха, посмотрелся фильмов? — Вознесенский посмотрел на него, саркастично выгнув светлую бровь. — Полнолуние — лучшее время, чтобы словить одну из этих тварей. Сейчас они слабее всего. Превращение отнимает очень много сил, и обычно оборотни вырубаются после этого. Могут продряхнуть трое суток. Так что лучше поторапливаться, если мы хотим схватить его еще горяченького.

— Тогда второй вопрос. Я — охотник. — Андрей ткнул себе в грудь пальцем. — Ты —

экзорцист. Что ты собрался изгонять из оборотня?

— Блох.

Андрей подавился воздухом. Тяжелый комок застрял у него в груди, пока Дима напряженно молчал с напряженным видом. Они обменивались взглядами, пока Вознесенский не рассмеялся, вспугивая сидящих на ближайших деревьях птиц. Махнув рукой, Дмитрий поспешил прочь от подъезда и пристального взгляда консьержки в окне, перепрыгивая через небольшую металлическую оградку и лавируя между торопящимися на остановку людьми. Андрей поспешил за ним, подмечая, что физическая форма экзорциста была намного лучше его собственной.

— Шучу, конечно. — Дима шёл быстро, широкими шагами и пружиня, как на батуте. — На самом деле «экзорцист» ошибочное название нашей должности. Мы следователи. Копание в архивах, отчёты, договора с существами, бюрократические проволочки, — он обернулся к Андрею и взмахнул руками, уворачиваясь от тучного вида дамочки в розовых лосинах и пёстрой кофте с черепашками-ниндзя, — это все в нашей компетенции. Люди прозвали нас экзорцистами, потому что несколько раз увидели, как демон покидает человека, после разговора с нами. Мы не умеем изгонять демонов.

Слова Димы звучали логично и разумно.

Они остановились перед пешеходным переходом, и Вознесенский резко выкинул руку в сторону, останавливая Андрея в тот самый момент, как перед ними пронеслась низкая гоночная машина, еще несколько секунд вибрировавшая в барабанных перепонках утробным рыком.

Удачные совпадения бывают только в глупом кино. И в таком случае Андрей был в нем главным героем, потому что выданный Диме адрес оборотней оказался как раз поблизости от дома Марьяны. В тридцати минутах и пяти сердечных приступах от вылетающих на красный сигнал автомобилей.

Полуразрушенное здание встретило их пустыми глазницами и потухшим фонарём над входом. Старый дом, кажется, еще довоенный, одиноко возвышался своим единственным узким подъездом посреди пустыря, огороженный синим забором, колыхавшимся от ветра, словно был сделан из дешёвой ткани. Огромная дыра между двумя кусками металла была достаточной, чтобы Андрей и Дима прошли в неё вместе и даже не соприкоснулись плечами или спиной.

— Почему они расстались?

Они остановились перед входом, синхронно задрав голову и жмурясь непонятно отчего: солнце уже село, а редкие звезды на бледном небе были едва заметны человеческому глазу. Дима шаркнул ногой и развернулся к Андрею.

— Прости? — Морозов не смотрел на него, но мог поклясться, что бровь Вознесенского в очередной раз вопросительно выгнулась; его голос сочился сарказмом, тяжёлыми каплями опадающим на землю. — Знаешь, если дать человеку чуть больше вводной информации, и ответ будет в большей степени тебя удовлетворять, чем если просто спросить «Почему они расстались?».

Андрей Морозов не любил лезть в личные отношения между людьми, но сейчас он посчитал, что отсутствие отношений в настоящем времени позволяет узнать о них чуть больше, чем обычно полагается непосвящённым людям. Набрав в грудь побольше воздуха, Морозов быстро протараторил:

— Твой брат и Александра. Врач, который приходил, сказал, что они раньше были

парой.

Дима замер. Его взгляд не выражал ничего, что могло бы намекнуть Андрею, насколько далеко он зашёл в своём вопросе. Уголки губ Вознесенского легко подёрнулись в полуулыбке, и Дима поспешил нырнуть в упавшую от дома тень, утаскивая за собой и Морозова.

— А-а-а, — Вознесенский протянул это настолько понимающим тоном, словно они с Андреем вместе разделяли какую-то тайну; еще и кивнул для надёжности произведённого эффекта, — Адриан. У него слишком длинный язык, который мешает спокойно жить.

Дима открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но вместо слов из его горла вырвался протяжный надрывный вой, больше подходящий какому-то голодному израненному волку, нежели молодому парню. Только когда он сомкнул губы, до Андрея дошло, что был не Вознесенский от безысходности ситуации, а что-то другое. Возможно, даже оборотень.

Андрей вздрогнул: Дима тут же прижал его к стене и не будь у того девушки, Морозов заподозрил бы что-то неладное. Но нет. В следующую секунду мимо них пронеслось несколько крупного вида взлохмаченных собак. С их раскрытых пастей на землю опадали тяжёлые капли едкой слюны, оставляя после себя шипящие следы. К удивлению Андрея, они не обратили на припавших к тени парней внимания, пробежав дальше по своим собачье-волчьим делам. Морозов еще несколько долгих секунд провожал обратней взглядом, прежде чем из его груди вырвался грузный вздох и Андрей обмяк, подпираемый одной только стеной.

Стая скрылась в набежавших на землю сумерках, зазывно воя. Дима отлип от стены только через несколько минут, напряженно вглядывался вдаль и иногда смотрел на заброшенный подъезд. Он явно о чем-то думал, но делиться с Андреем своими мыслями не торопился. Вместо этого Дима два раз постучал по стене, напряженно прислушался и хмыкнул.

— Эх, еще рано. — Он нырнул обратно в тень и резко сменил тему, заставив Андрея подскочить от испуга: — Да, они были парой. Почти десять лет. Начали встречаться еще в школе при «Лихоборах». Затем стали напарниками. Несколько лет подряд были лучшей ячейкой организации. Даже на корпоративах их всегда поздравляли с перевыполненным планом и вручали благодарственную грамоту. Но, — Дима вздохнул, — нельзя мешать рабочее с личным. В какой-то момент все всегда пойдёт наперекосяк.

— И... что пошло не так у них?

— Не много ли ты хочешь знать?

— Так станет понятней, почему Звягинцева носится с вами, словно от вашей жизни зависит судьба мира.

Судьба мира зависела от чего угодно, кроме Вознесенских, но для Александры эти двое выглядели центром вселенной. Андрей видел, как меняется выражение лица журналистки, стоит речи зайти о старшем брате Димы, видел, как она уклончиво отвечает на вопросы, и не мог не отметить той тоски, что появлялась во взгляде Александры. Так не говорят о людях, которых ненавидишь. Так не говорят о тех, кто для тебя безразличен. И уж тем более так не говорят о тех, кого для тебя не существует. Знать больше о Звягинцевой было жизненно необходимо. Но почему-то под ложечкой засосало, ладони вспотели и Андрей почувствовал, что сказанное Димой ему не понравится.

— Это произошло через три часа после «вступления во владение». — Дима вытащил из кармана помятую пачку и зажигалку. — Так в официальных документах называется

одержимость. Без понятия почему. Не спрашивай. Иногда процесс называют «слиянием», но как по мне — это глупость. В теле после этого существуют две души, а не одна. Впрочем это вопрос для обсуждения. — Дима повёл плечами и выглянул из-за угла дома, проверяя, судя по всему, безопасность. Пальцы наощупь открыли упаковку и выудили оттуда одну сигарету. — Это был общий знакомый Саши и Стаса. Близкий друг. И, разумеется, они не смогли прийти к единому мнению, что делать. Мой брат... Стас просил, позволить забрать несчастного в главное здание и отдать его Ростиславу. Это было бы милосердно. Саша же... была упёртой, как и всегда. Уверяла, что они смогут изгнать сущность. Но три часа... — Дима тряхнул растрепавшимися светлыми прядями и щёлкнул зажигалкой, — даже двадцать минут — критическое время для пострадавшего. Три часа — это уже приговор.

— Но в таком случае...

— Мой брат обречён? Да. Больно ли мне? Безусловно. Смирился ли я? Разумеется.

Сизое облачко сигаретного дыма взмыло вверх, растворяясь в холодном ночном воздухе. Андрей негромко кашлянул, отступив в сторону и с сомнением покосился на Диму. Вряд ли сигареты были необходимы, когда ты стоишь в засаде. Разве что Вознесенский хотел приманить к себе всех собак в округе. Если у тех была тяга к сигаретам.

— Невыносимо знать, что тот, кого ты любишь — умрёт через несколько дней или даже часов. А ты ничего не можешь сделать. Даже не можешь облегчить его страдания. — Дима замолчал, и было в этом молчании что-то надрывное, срывающееся едкими каплями дождя с карниза крыши. Дима молчал, и только неровно вырывающийся из его губ дым кричал о разрывающей Вознесенского изнутри тряске. — Но мы часто теряем близких. Мы к этому привыкли. Нас учат не фокусироваться и использовать нашу боль, чтобы стать сильнее. Как по мне — это конченная глупость. Боль не делает тебя сильнее. Боль делает тебя... больным. Сломленным. Можешь сам подобрать любое подходящее определение. Но я смирился, потому что не могу ничего сделать. А если не можешь ничего сделать, то нет и смысла переживать.

Народная мудрость от младшего Вознесенского напомнила Андрею цитаты буддийских монахов из соцсетей, но поспорить с логичность он не мог. Морозов и сам порой предпочитал смотреть на ситуацию отстранённым взглядом наблюдателя, но еще один пробежавший под носом оборотень напомнил, что сейчас этого, увы, сделать не получится.

Дима сделал глубокую затяжку, медленно выпуская сигаретный дым над собой маленькими порциями. Облачко взмыло вверх, через мгновение осев на лице жмурящегося в лунном свете Вознесенского. Электронные цифры на часах Андрея показывали полночь. Солнце скрылось за горизонтом, подрагивая наступающим уже с противоположной стороны рассветом, и серые сумерки едва ли походили на ночь. Об этом напоминало отсутствие людей, редкие проезжающие мимо машины и стук птичьих когтей по пустым трамвайным путям.

— Родители Александры. Их убил демон, когда Саше было пять лет. Наши со Стасом протянули дольше. Погибли семь лет назад. Несчастный случай в архиве. Проклятые вещи лучше не трогать без защитных перчаток, — Дима нервно усмехнулся. — А Ростислав...

— Пацаны, отбой вашему оборотню!

Андрей подскочил, толкнув Диму плечом, отчего тот странно покачнулся, смерил Морозова недовольным взглядом, словно это он прервал его рассказ, а не возникшая из-за угла дома запыхавшаяся Марьяна. Выглядела ведьма неважно: розовые волосы взлохмаченным облаком обрамляли лицо, грудь тяжело вздымалась, а руки била мелкая

дрожь. Марьяна опёрлась о стену ладонью, делая глубокие вздохи. Несколько раз она звучно втягивала воздух — ее ноздри при этом забавно расширялись. Дима же только молча докуривал сигарету, апатично глядя на неё.

— Марьяна? Что?.. — начал было Андрей, но наступивший на ногу Дима остановил его от расспросов.

— Отбой говорю. Сашка звонила. Стас нашёлся и они ждут нас. Адрес скинула и сказала приезжать как можно скорее. Так что пакуйте вещи и погнажи, пока твой брат снова не ушёл в закат на несколько часов.

— Она что-нибудь сказала? — Андрей пытался говорить спокойно, но голос все равно дрогнул, выдавая зарываемое внутри волнение.

Марьяна прищурилась. Ее яркие глаза блеснули в полумраке ночи, прогнав по коже Андрея маленькие мурашки: если она и не была оборотнем, то потрепать нервы могла не хуже, чем эти сутулые живности, раскидавшие тут повсюду свою шерсть.

— Сказала, — медленно кивнула ведьма, поправляя перекинутую через плечо сумку. — Что тебе лучше поторопиться и сдать ей последнюю статью, пока не наступила дата окончания практики. А еще можешь просто сейчас поднять свою задницу и поторопиться. Я ждать вас не буду.

***

— А Александра точно сказала, что нам именно сюда?

— Точно. Даже фото входа приложила. Как мило с ее стороны.

Пробираться по полутёмным заплесневелым коридорам было не тем, что Андрей любил делать по ночам. Тем не менее адрес в телефоне Марьяны определенно указывал на то, что им нужна была именно эта тяжёлая металлическая дверь, открыть которую оказался в силах только Дима с его пропуском сотрудника. Жаль на входе не сидела вахтёрша — тогда Андрей смог бы уговорить ее пропустить их и без этих сложных бюрократических процедур.

— Мне одному кажется, что это начало какого-то дешёвого ужастика? — Андрей осторожно подал голос, перешагивая через притихшую на земле крысу.

Морозов решил думать, что крыса просто спит.

— Красавчик, — Марьяна резко остановилась перед Андреем, — у меня вся жизнь — дешёвый ужастик. И это я не про монстров и призраков, если что. — Она с шутливой полуулыбкой пригрозила ему пальцем и, хлестнув по лицу крашеными малиновыми волосами, продолжила свой путь.

Почему-то именно в этом узеньком коридоре, Андрей впервые задумался о том, насколько яркие волосы — практичная в хозяйстве вещь. Он бы уже давно потерял всех из виду, плетясь в самом конце группы, спотыкаясь и озираясь по сторонам, если бы не маячившая впереди голова Марьяны. Ее розовые волосы сигнальным огнём вспыхивали в тусклых отблесках перемигивающихся ламп. И, разумеется, засмотревшись на Марьяну, Андрей не заметил, как две спины перед ним сначала начали быстро приближаться, а потом еще и расступились в стороны, пропуская Морозова вперёд. Прямо в глубокую черную бездну.

От падения Андрея спасли только две сильные руки, схватившие его за плечи и втащившие обратно в свет промокшего коридора.

— Постарайся не сломать себе шею, — шёпотом предупредил его Дима, разжимая руку, когда убедился, что Морозов не собирается брыкаться и прыгать вперёд в неизвестность. —

Мы не сможем вытащить тебя на поверхность, если ты не сможешь ходить.

— Уверен, у вас есть план и на этот случай, — рассеянно пробормотал Андрей.

— Да. Но быть зомби тебе не понравится, — недобро усмехнулась Марьяна и первой ступила на узкую винтовую лестницу.

Ступенька под ногой ведьмы натянута скрипнула, но устояла. Кивнув остальным, она продолжила свой путь. Андрей хотел было пойти следом за Марьяной, но Дима остановил его: вытянул руку и преградил путь, бросив предупреждающий взгляд. Помедлив, Вознесенский убедился, что Марьяна ушла далеко вниз, и последовал за ней. Он с силой вцепился в поручни — даже полуслепому от темноты и жизни Андрею было видно, как побелели костяшки его пальцев. На вторую ступеньку Дима ступил уже менее уверенно. Его нога опасно прощупала решетчатую поверхность, прежде чем он перенёс на неё свой вес. С третьей повторилось все то же самое.

Андрей ехидно ослабился. Кажется, у бесстрашного экзорциста все же был страх. Высота.

Лестница закончилась так же быстро, как и появилась: оборвалась перед самым носом Андрея, и он повалился на спрыгнувших перед ним Марьяну и Диму. Недовольное кряхтение ведьмы эхом отразилось от покрытых влажными темными дорожками стен. Андрей спешно перекатился на бок, морщась от саднящих свежими ранами ладоней. Дима закатил глаза, поднялся и протянул руку Марьяне, помогая встать на ноги. Морозову никто помогать не спешил.

Но это и не понадобилось.

— А вот и наши почётные гости! Как мило с вашей стороны, что вы все-таки откликнулись на наше приглашение.

К счастью для Андрея он уже был на земле, поэтому не пришлось падать от неожиданно раздавшегося где-то впереди голоса. Слепой взгляд Морозова забегал по тёмному коридору, и Андрей спешно опустил голову, когда в глаза ударил яркий зеленоватый свет. Ресницы слиплись от набежавших слез. Попытка проморгаться закончилась только тем, что глаза еще больше наполнились влагой, стереть которую у Андрея не было никакой возможности: грязные ладони были измазаны в земле и вероятно его крови, а Дима и Марьяна вряд ли кинулись бы на помощь с платочками.

Спустя еще несколько секунд, Андрей припал лицом в рукаву куртки, промакивая глаза и наконец смог увидеть вырисовавшийся перед ним проход с покосившейся балкой и стоящего за ним Стаса.

— Что?..

— О, предвосхищая твой вопрос, Дима, — Вознесенский вскинул руку, перебивая Диму, — Александра очень хорошая актриса. Ты же к слову не против, что я буду звать тебя Димой? Дмитрий слишком формально. Мы все-таки родственники.

Тихий короткий щелчок разорвал экзаменационную тишину подвала. Дима стоял к Андрею спиной, но даже так Морозов успел заметить блеснувший в руках экзорциста, — или следователя? — пистолет. Руку Димы била мелкая дрожь. Пальцы с силой сжимали рукоять, зацепившись кончиком одного из них за спусковой крючок. Напряженные плечи потрясывались, выдавая волнение младшего Вознесенского, и все же он сделал шаг вперед, не сводя со Стаса дула пистолета.

— Ты не мой брат, — разделяя каждое слово, процедил Дима.

— А вот это вопрос для дискуссии. Я выгляжу, как твой брат, — Стас поднял руку к

лицу и загнул первый облачённый в черную кожу перчаток палец. — Я говорю, как твой брат. И, что более значимо, я знаю, что ты хранишь в коробке под своей кроватью, потому что все это есть здесь, — он красноречиво постучал пальцем по виску. — Так что ты в меньше степени *мой* брат, чем я *твой*. Ты не знаешь моих секретов.

Собственные ноги показались Андрею чужими, когда он попытался поднять с земли, и только стена рядом помогла опереться об неё. Дышать неожиданно стало тяжело: затхлый воздух давил на лёгкие изнутри, грудь горела, как будто Андрей съел несколько вёдер острых крыльев. Морозов поднял руку к пробивающемуся из помещения в коридор свету: бледная кожа покрылась маленькими капельками пота. Андрей сглотнул и не стал дотрагиваться до лба — и без того ощущалось то, насколько липким он был.

— Почему ты сбежал? — Марьяна подала голос, обходя Диму со спины и закрывая Андрею весь обзор.

— Вы мне не нравитесь. А ваш карманный вампир не кровь из меня выпил, а терпение. Впервые вижу второго такого же болтуна, как мой брат.

Выстрел сотряс липкую тишину. Воздух загустел, и Андрей мог поклясться, что видит, как пуля прорезает его, оставляя после себя белый след, как самолёт в чистом летнем небе. Марьяна отшатнулась, и Андрей только сейчас заметил Александру. Она лежала в центре странного спиралевидного узора: три спирали соединялись друг с другом, где-то под спиной Александры, и закручивались на своих концах. Ноги Звягинцевой были связаны скотчем? вдоль одно из спиралей, а руки вытянуты в стороны, касаясь кончиками пальцев вершин воображаемого треугольника, описывающего спиралевидный узор. Рот Александры так же был заклеен коротким прямоугольником синей изоленты. А коробка, из которой, судя по всему, Стас это все достал, валялась в стороне, отсвечивая символом, который Андрей уже видел на двери офиса Ростислава.

Правда сейчас даже не это так сильно интересовало Морозова. Все его внимание переключилось на несколько странных совпадений: Стас отпрянул, касаясь рукой простреленного плеча, в нос Андрею ударил стойкий запах чеснока, а ногу свело судорогой, как в ледяном озере.

Простое совпадение?

— Ай. Это было весьма грубо. — Стас недовольно поморщился, рассматривая окрашенные в багровый кончики пальцев. — Ты же в курсе, что стреляешь в тельце своего брата, да?

— Да. — Дима сделал шаг вперёд, наступая на «брата». — И это даёт мне сил.

— Меньше пафоса, дружок. А то похож на героя дешёвого подросткового сериала. — «Стас» повторил движение Димы, дёргая за кончики черную кожаную перчатку на правой руке. — И могли бы хоть ради приличия кинуться на помощь своей подруге. Стоите там в дверях, мнётесь. Я не люблю ждать, если что. Быстрее начнём — быстрее закончим. Возможно, вы даже успеете к вечерней порции новостей. После них наша маленькая встреча уже не будет выглядеть так пугающе.

Он неловко усмехнулся.

— Зачем ты нас сюда позвал? — Дима пытался говорить твёрдо, но вместо этого голос надломленно сорвался.

— Вам долгую речь злодея или покороче? — Ответа не последовало. Андрей хмурился, прячась в тени и судорожно сжимая в кармане мобильник, Марьяна замерла с открытой сумкой, а Дима продолжал целиться в брата. Стас наигранно-разочарованно вздохнул. —

Жаль. Я успел накидать пару страниц, пока мы вас ждали, — Он достал из кармана небольшой блокнотик, в котором Андрей узнал записную книжку Звягинцевой, и перелистнул несколько листков. — В любом случае мы с Александрой хотели показать вам вот эту чудесную стену. Тринадцатый век. Строителя не скажу. Тут то шведы, то новгородцы стояли. Но, — он вскинул вверх указательный палец, — нам важно не это. Знаете, что за ней?

— Эм, обратная сторона стены? — тоном неуверенного в себе студента хмыкнула Марьяна.

— Практически. — Стас, казалось, искренне улыбнулся. Но от улыбки Андрею захотелось побыстрее спрятаться и забыть все последние дни. — Там другой мир. Идентичный вашему. Сломанный близнец, от которого вас защищает эта самая хрупкая стенка.

— И наверняка ты что-то от нас скрываешь.

— К сожалению, нет. Но пока вас не было — Александра пыталась уговорить меня, — он закатил глаза и вздохнул, — точнее Стаса пройти через эту стену, чтобы спасти свою жизнь. У бедняжки совсем крыша едет. Милая, Стас практически мёртв. И даже если я уйду — придётся заказывать катафалк, чтобы отсюда выбраться.

Раздался выстрел.

— Как грубо! — обиженно воскликнул Стас.

Ещё один.

— Мне казалось, мы нашли общий язык!

И еще.

— Ты убил моего брата!

— Сколько драмы. Сейчас расплачусь.

Дима снова нажал на крючок, но вместо выстрелов раздалось несколько глухих обречённых щелчков. Поднявшийся наконец на ноги Андрей бросил испуганный взгляд на Марьяну, но та одними губами прошептала: «Все под контролем». Если идти на демона без пуль было «Все под контролем», то Гаврило Принцип[1] даже перевыполнил план.

— Эй, красавчик. Мы недоговорили еще о том, что ты бросил мою сестричку.

Моргать оказалось смертельной ошибкой. Веки Андрея не успели опуститься, как неожиданно подоспевший Феликс оказался по другую руку от Стаса, игриво дотрагиваясь до его плеча. Когда же Морозов все-таки моргнул, вампир оказался уже сзади Вознесенского, а потом и вовсе у двери. Дима спешно зашарил по карманам, вытаскивая из одного несколько пуль. Дрожащие пальцы выронили одну, и она медленно подкатилась к ногам Станислава.

— Я тут. — Феликс игриво помахал Стасу.

Вознесенский не сдвинулся с места. Только обернулся на Феликса, полностью стянув с руки перчатку. Кожа на его ладони оказалась еще бледней, чем на лице Станислава. Обычно синие вены глубоко внутри окрасились в ядовито-зелёный, а зрачки окрасились в бордовый. Стас не сдвинулся с места, но вся его поза, все его напряжённые плечи и расставленные на их ширину ноги кричали о готовности Вознесенского атаковать Феликса или кого-то еще.

— Ку-ку.

Феликс снова появился за спиной Стаса, похлопав по плечу, и отскочил, когда рука Вознесенского пронеслась в нескольких сантиметрах от его лица.

— Tu es pathétique.[2]

Феликс усмехнулся. Лицо Стаса покраснело. Буквально. Бледная кожа покрылась

багровыми пятнами, постепенно слившимися. Зелёные вены засветились, продавливаясь наружу. Кончики пальцев раскалились и вспыхнули изумрудными огнями, охватившими через мгновение всю кисть Стаса. Огонь лизал края белой рубашки Вознесенского, но не оставляли на нем следов. Он отбрасывал пугающую тень на лицо охотника, искажая приятные черты лица.

Чесночный запах усилился. Андрей громко чихнул, только сейчас заметив Марьяну, пробиравшуюся за спиной Стаса к Александре. Вспышка зелени — и между ведьмой и Звягинцевой вспыхнула стена огня. Марьяна отшатнулась, закрывая лицо руками. Стас обернулся к ней, вытянув перед собой руку. Огонь из его пальцев тонкими струйками прорезал воздух, тянулся к появившейся стене и неровно пульсировал, повторяя биение сердца.

Феликс попытался еще раз отвлечь Стаса.

На этот раз пальцы Вознесенского встретились с лицом вампира. Феликс отшатнулся, покачнулся и рухнул к ногам Андрея, прикрываясь ладонями. Дима выстрелил, отбегая в сторону к Марьяне. Морозов же растерянно переминался, глядя на корчащегося на коленях Феликса.

Вознесенский ухмыльнулся. Его рука еще раз взметнулась, отделяя себя, Феликса и Андрея такой же зелёной стеной огня. Ее жар обжигал даже на расстоянии, а едкий запах, развившийся по подвалу заставлял глаза слезиться. Ноги сводило судорогой. Дышать было физически больно — Андрей задышался и ничего не мог с этим сделать. Только открывал рот, глотая воздух.

Но делал только хуже.

Драматичная пауза злодея немного затянулась. Стас ничего не говорил — молча следил за каждым действием своих «гостей», вскинув объятую огнём руку.

Андрей тряхнул головой. Звуки стали доноситься до него из-под купола. Он слышал крики Димы и Марьяны, но вместо слов — был только свист и чужой шёпот. Морозов не знал этих голосов. Незнакомые и приглушённые, они доносились издалека, бормотали на ухо Андрею глупости про «стену» и то, что он «должен сделать». Единственным, что сейчас он мог и должен был сделать — помочь Феликсу.

Рухнув на землю рядом с вампиром, Андрей не успел протянуть руки, как Феликс вскинул головой и посмотрел на него. От падения на землю Андрея спасло только то, что он уже был достаточно близок к ней. Уродливые раны рассекли миловидное лицо вампира. Их края шипели, подтягивались и снова расходились. Сквозь разорванную щеку Андрей видел ровный ряд зубов, а нос зарастал на глазах, чтобы в следующую секунду вспыхнуть и вновь обнажиться до хряща. Кожа и мышцы горели, расползались и стекали.

Феликс криво оскалился — его губы растянулись, хлюпая едва заросшим шрамом, — подмигнул Андрею и...

...с разбегу прыгнул через зелёный огонь, закрывая собой Александру от подбирающегося к ней зелёного огня.

Вознесенский скептически выгнул бровь, хмыкнул и оглянулся на Морозова. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот же момент несколько пуль насквозь прожгли грудь Вознесенского. Губы Стаса сжались с тонкую полоску, когда он опустил голову осматривая ранения. Алые розы медленно расползались по белой рубашке. Следующую пулю Стас поймал ладонью. Когда же он ее разжал — остатки пули пеплом опали ему под ноги.

— Что ж, в таком случае до следующей встречи. А я прихвачу с собой маленький

сувенир. Так сказать на память.

Андрей не успел среагировать: Стас оказался около него слишком быстро, полыхнув зелёным столбом огня, схватил его за шкуру и, в последний раз бросив всем шутовской поклон, скрылся в столбе зелёного огня, утаскивая за собой и Морозова.

Эту поездку Андрей запомнит надолго.

[1] 28 июня 1914 года совершил убийство австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда, которое послужило формальным поводом к началу Первой мировой войны.

[2] Как ты жалок. (фр.)

Глава 16. Река Волчья, жизнь собачья

— Обязательно было тащить его сюда? У меня уже не квартира, а проходной двор. А ведь я даже не Звягинцева с ее выводком родни.

Слабый солнечный свет пробился сквозь прикрытые веки Андрея, обжигая радужку оранжевыми кругами, щекоча и раздражая до слез. Он поморщился, слабо дёрнул руками — они оказались плотно связаны со спины. Шею тянуло, словно кто-то с силой приложил его по ней. Холодная стена влагой впечатывалась в кожу через тонкую ткань футболки. Куртки на Андрее не оказалось — он не помнил, как снял ее. Впрочем, он не помнил большей части из того, что было после их эффектного исчезновения в столпе зелёного света.

Стас схватил его, огонь ослепил глаза, а потом... Андрей тряхнул головой: память отказывалась говорить, что было дальше, стирала ускользающие от Морозова буквы старой тряпкой, как уравнения со школьной доски.

Только сейчас Андрею нужно было решить задачу с пятью неизвестными из пяти.

— Да брось. У неё дед да полудохлый кузен. Удивительно, как он еще с его характером не сыграл окончательно в ящик. Хотя я слышал, он не большой любитель колов. Даже деревянных.

Андрей дёрнулся — голоса показались ему знакомыми. Настолько знакомым, что кожа покрылась маленькими пупырышками, из центра каждой из которых поднялись волоски, сердце быстро забило о рёбра, а лёгкие на секунду забыли, как нужно дышать и что вообще делать с набранным воздухом. Андрей замер, прислушиваясь к тихо шуршащему между пальцев времени. Он смог разлепить глаза — не так быстро, как хотелось бы — и обзору мешали набежавшие за несколько часов жирные слезы. Веки хрустели, царапались о рассыпавшийся под ними песок и грозили захлопнуться. Единственным, что продолжало удерживать Андрея в сознании, было любопытство.

Ведь когда еще услышишь разговор Марьяны и Стаса?

— Сколько они ещё будут ошиваться в моей квартире? — прошипела Марьяна, и что-то надрывно скрипнуло. Скорее всего стол на кухне.

— Если все пойдёт хорошо... — Вознесенский замолчал, невнятно промычал и шаркнул ножками стула по полу, — мы сможем закончить все уже завтра. И я помню о твоей награде. Марьяна, да? — ехидно протянул он, наверняка глядя на ведьму невинным взглядом своих больших глаз.

Марьяна ответила не сразу. Андрей напряжённо вслушивался, пока воздух не прорезало резко-тихое раздражённое:

— Да.

Раздался низкий грудной смех — от него захотелось тут же вжаться в стену и слиться с ней. Стас смеялся долго и надрывно, иногда его голос срывался, но Вознесенский тут же брал себя под контроль. Он смеялся долго и с каждой секундой воздух вокруг Андрея становился все более густым — Морозов чувствовал, как он оседает у него в носу чесночным запахом, стягивает кожу сухой трескающейся корочкой и оставляет горящие чешущиеся дорожки.

Пока все резко не прекратилось. Тишина наступила слишком резко, отвесила Андрею пощёчину и растворилась в мечущихся мыслях.

— Так вот. — Вознесенский скрипнул снова стулом. — Я хорошо помню наш уговор.

Твоя помощь в обмен на свободу.

— Хорошо, тогда, — Марьяна хлопнула в ладоши, — какой у нас план?

— У нас? — Вознесенский прозвучал даже как-то обиженно. Неожиданно для того Стаса, с которым Андрей уже успел познакомиться.

— Давай без театральностей. Я помогаю тебе, а значит наш план общий. Мы вроде как в стране победившего коммунизма. Так что в случае неудачи — головы полетят с каждого из нас.

— Только мне голова для существования не нужна.

— Действительно. — Марьяна язвительно цокнула языком. Наверняка так же сделал и проверяющий, когда оценил звукопроницаемость стен в этом доме. — Ты в принципе и сейчас без неё прекрасно обходишься.

— Следи за языком, Марьяна.

Стас замолчал. Часы негромко щёлкали секундной стрелкой, а за стеной что-то неожиданно ударило в неё, заставив Андрея подскочить от испуга и заозираться. Шея подозрительно хрустнула. За стеной раздалось еще несколько ударов и детские крики, поглотившие голос Вознесенского. Как бы Андрей ни вслушивался, он намного лучше слышал жителей соседней квартиры, чем сидящего на кухне Стаса, чьи слова растворялись в гомоне детского смеха и крепких словечках, которых они наверняка набрались от родителей. Андрей не разобрал ни единого слова Вознесенского. Что не могло не расстраивать.

Дети замолчали минут через пять. Ещё несколько раз ударились об стену и с топотом стада африканских слонов унеслись в другую комнату, наконец оставив Андрея в благодатной тишине.

— Должен тебя расстроить. — Голос Стаса неожиданно раздался прямо над ухом у Андрея. — Нас подслушивают. Не люблю рассказывать свои планы раньше времени. С вашего позволения — пойду проветрюсь. Он твой. Подготовь его.

Горячее лицо Стаса было настолько близко от Андрея, что он чувствовал его дыхание на своей коже. Обычно в романах это могло привести к чему-то большему, но сейчас Морозову хотелось больше никогда в жизни не видеть чеснок. Казалось, этот запах пропитал собой каждый сантиметр этой квартиры.

И кажется источником этого запаха был Вознесенский.

Стас стоял рядом с Андреем. Морозов не видел его: только чувствовал на себе взгляд. Он боялся пошевелиться, и единственным, на что его хватило, — сглотнуть набежавшую в рот слюну. Но и это не помогло: горло пересохло, словно Андрей уже две недели не пил ни капли воды, а горький комок пришлось силой проталкивать вниз. Негромкий смешок — и Стас присел перед Андреем. Вознесенский смотрел на него не моргая. Бледные, как кожа, губы стянулись в тонкую обескровленную полоску. Серые глаза пульсировали взбухшими багровыми сосудами. Он ухмылялся. Облачённые в тёмную кожу перчаток пальцы схватили Андрея за подбородок, поднимая лицо и вертя его из стороны в сторону, как будто Морозов был рабом на продажу.

Впрочем, этого тоже нельзя было отрицать.

— Идеально.

Вознесенский резко отпустил подбородок Андрея — тот отпрянул, с силой врезавшись спиной в стену. Стоящий рядом шкаф покачнулся. Одна из маленьких статуэток кошки задрожала и рухнула вниз, разлетаясь осколками по полу. Бра на стене зазвенело хрусталём. Половицы скрипнули, когда Стас отошёл от Андрея, а через несколько мгновений за ним с

грохотом захлопнулась металлическая входная дверь.

— И снова привет, красавчик.

Стул скрежетом разорвал тишину комнаты. Только сейчас Андрей осознал, что он в спальне Марьяны, той самой, куда с таким упорством прорывался Феликс.

Марьяна опустилась на стул по-кошачьи плавно, тряхнула малиновыми волосами и закинула ногу на ногу, прежде чем посмотреть на Андрея. Она сидела недалеко от него, всего в паре метров, но и этого расстояния было достаточно, чтобы пропасть между ними разверзлась пылающей магмой. Морозов смотрел на Марьяну снизу вверх, поджимал от злости губы и сам не понимал, почему его так задевает открывшаяся правда: он знал Марьяну не больше недели, но чувство причастности к происходящему не позволяло просто принять факт предательства.

— Зачем ты ему помогаешь?

Розовая бровь Марьяны выгнулась дугой в изумлении. Ведьма медленно переложила ногу на ногу, не сводя с Андрея взгляда, а затем уголки ее губ дёрнулись в едкой усмешке.

— А за квартиру мне ты заплатишь, красавчик? — осклабилась Марьяна. — Деньги на деревьях не растут. Он предложил мне больше, чем я бы состригла со всего местного департамента, обратись они разом. Это бизнес, малыш.

— Да-да, ничего личного, — раздражённо закивал Андрей. — И все? Все дело только в деньгах?

— А должно быть что-то еще?

— Месть. Жажда власти. Несчастливая любовь, — перечисляя, пожал плечами Андрей. — Что там еще обычно идёт в списке злодеев?

Марьяна помедлила, прежде чем ответить. Прожигала Морозова взглядом и поджимала губы, чтобы в следующую секунду рассмеяться. Громко и искренне. Ее высокий смех отражался от стен полупустой комнаты новостройки, проникал сквозь стены и впитывался в дешёвые бежевые обои. Каждый звук, вырывавшийся из полуоткрытых губ Марьяны, эхом разносился по спальне, тонул в приоткрыт ящиках комода, отпрыгивал от матраса кровати и мелькал отражением ведьмы в чёрной глянцевой поверхности телевизора.

Сделав несколько глубоких вдохов, Марьяна смахнула выступившие на глазах слезы и кашлянула, возвращая себе нормальный голос.

— А ты и вправду забавный. Увы. Жизнь прозаичная тварь. — На миловидном лице ведьмы появилось странное выражение, которому Андрей не смог приписать ни отвращения, ни сожаления. Оно напомнило о том разе, когда в столовой Морозову попалась слишком кислая квашеная капуста. Было больно, зубы сводило, но он продолжал ее есть, потому что потратил на маленькую порцию стоимость проезда. — Деньги — движущая сила прогресса. Заплати и получишь все. Я просто работаю с тем, кто больше даёт. К тому же мне всегда нравился Стас. Жаль, я никогда не была в его вкусе. Впрочем, он забрал то, что я люблю. Так что может быть я действительно мщу. Самую малость.

Маленькие шестерёнки в голове Андрея скрипели, проржавев от недосыпа и голода. Мысли отчаянно цеплялись за слова Марьяны, но вместо логичных и очевидных ответов, они складывались в путанные вопросы. Более запутанные межличностные отношения Андрей наблюдал только в бабушкиных сериалах на триста двадцать серий. Хотя там всегда добрый голос в начале напоминал о произошедших событиях.

В жизни, увы, никто не спешил помогать. А протягивал руку только враг, чтобы с силой толкнуть тебя обратно в грязь.

— Им нужна была ведьма, — продолжила Марьяна со скучающим видом, и уточнила с сомневающимся в умственных способностях Андрея видом: — то есть я. Правильное место для призыва само себя не найдёт. Мне платят не за красивые глазки и бомбочки для ванн. Хотя последние сами себя не купят. В любом случае я люблю навести суету. К тому же если это доставит неудобство Ростиславу.

— А он то при чем?

— Слава-то? О, — многозначительно нараспев протянула Марьяна, кивнув головой и качнув ногой одновременно в такт, — этот урод выгнал меня из «Лихобор», потому что я принесла ему не тот кофе. Как жаль, что мы обычно задумываемся о последствиях только когда наломаем дров.

— Значит, все-таки мстишь, — ехидно заметил Андрей, оскалившись как загнанный в ловушку зверь.

— Значит, ты слишком уверен в своём интеллекте, — таким же тоном парировала Марьяна.

Они смотрели друг на друга, прожигали взглядами и ни один не собирался отступить. Андрей дышал тяжело, его щеки горели, а связанные руки начинали чесаться от слишком долгого обездвиживания. Наверно стоило все-таки идти в техникум, как советовал дед. Уже сейчас работал бы сварщиком, а не сидел на коленях перед чокнутой розововолосой ведьмой. Нет, разумеется, Андрея всегда привлекала идея лёгкого женского доминирования, но почему-то внутренний голос подсказывал, что, если Марьяна и начнёт претворять в жизнь все его тайные мечты — ему это не понравится.

Наконец, Марьяна отвернулась. Она перевела взгляд на окно и медленно неритмично покачивала ногой. Они явно чего-то ждали, но Андрея в это посвятить забыли, так что оставалось только смиренно ждать либо чуда, либо конца. Любой из вариантов в равной степени устроил бы Морозова. И все же он, набравшись смелости и прокашлявшись, решил продолжить их небольшой разговор:

— Как думаешь, там действительно есть другой мир?

Марьяна резко повернула к нему голову — удивительно, как еще не сломала себе шейные позвонки, — вопросительно вскинула бровь и нарочито громко хмыкнула.

— Где? За этой полуразвалившейся стеной? Ха! — закатила глаза ведьма. — Конечно нет, красавчик. Чтобы два мира существовали и не смешивались, нужна огромная энергия. К тому же в какой-то момент равновесие нарушилось бы и тогда... Физика. Не помню какой класс.

Андрей и сам не помнил ни единой темы из школьного курса физики. Но хорошо знал, что наливать полный чайник, если ты хочешь отнести его в другую комнату, неразумно. Как и ставить горячую кастрюлю в холодильник — с последним можно будет попрощаться довольно быстро. *Равновесие*. Кажется, в этом мире все крутилось вокруг этой простой концепции. Даже на занятиях в университете ему всегда советовали находить в работах золотую середину, держать в равновесии смысл и художественную часть, не позволяя внутреннему графоману вырываться на свободу.

Равновесие.

Вот только кто устанавливает для него правила?

— А если честно, будь там еще какой-то мир — мы бы об этом знали, — Марьяна снова переложив одну ногу на другую и, поджав губы, хмыкнула. — Мир не может существовать и не отсвечивать в раскладах, снах и астрале. Мир не может быть отделен непроницаемой

стеной и не экранировать. Все в этом мире отражает друг друга. Как зеркало или стекло. Когда ты едешь в метро, ты ведь видишь даже то, что находится за пределами стекла. Потому что это законы природы и сложные системы. Мир не может существовать бесследно.

— Тогда что это за стена?

— Очередная попытка нас контролировать.

Контролировать? Неужели в этом мире еще осталось хоть что-то, что могло удержать человечество от того, чтобы сгореть в пожаре собственных поступков? Вряд ли. Эта стена могла контролировать Марьяну, Ростислава или других сотрудников «Лихобор». Она даже могла контролировать Звягинцеву, но Андрей был чужим для этого мира и сомневался, что одной стены хватит для контроля целой группы людей. Нужно было по крайней мере две. Верить словам Стаса о другом мире было намного интересней. Другой мир, идентичный тому, в котором жил Морозов, населённый такими же людьми и отделённый одной только стеной — идеальная завязка для фэнтези-романа. Андрею нравились истории о путешественниках между мирами, и думать, что где-то есть другой мир с таким же Андреем Морозовым оказалось заманчивым.

Вот только кто создал этот мир? Зачем? И почему никто о нем не знает?

Андрей вздохнул. Возвращаться в реальность, где перед тобой сидит Марьяна и следит за каждым движением, каждым поворотом головы и вздохом было слишком прозаично. А задавать вопрос, который крутился на языке с самого пробуждения в квартире Марьяны, было страшно. Андрей догадывался об ответе, который его ждал. Андрей не хотел его слышать и все же тихо спросил:

— И как давно?

— С самого начала. Видишь ли, я умею многое, красавчик. — На этот раз только один уголок губ Марьяны дёрнулся в сторону: вторая половина лица осталась неподвижной. Андрей нервно сглотнул. — Например, я могу сделать вот так.

Марьяна медленно поднялась, потянулась и присела на колени перед Андреем. Она мягко скользнула кончиками пальцев по его щеке, оставляя после себя дорожку холодного воздуха, обжигающего кожу. Андрей попытался отстраниться, но позади была только стена, а Марьяна с силой схватила его за подбородок.

Стоило, наверно, сказать, что это не круто и не добавляет злодеям грозности?

Марьяна покрутила его лицо, рассматривая со всех сторон, а затем наклонилась вперед, оставляя между их лицами всего несколько сантиметров. Андрей пялился в ее большие голубые глаза, впервые заметив, насколько они были красивыми в обрамлении золотистых веснушек вокруг зрачка. Марьяна дышала медленно, бегая взглядом по лицу Андрея и слишком подозрительно останавливаясь на его губах через каждые несколько секунд. Пару раз она тяжело вздыхала, прикусывала щеку и качала головой.

— Маленькие пузырьки воздуха в твоей крови соберутся вместе, и ты умрёшь. — Она скользнула подушечкой большого пальца по его нижней губе, оттягивая ее. — Или я могу заставить твои альвеолы взорваться. Результат будет тот же. Впрочем, выбирать тебе.

Марьяна беспечно пожала плечами. Казалось, она не видела в этом ничего необычного. Всего лишь очередное предложение закончить чью-то жизнь.

Андрей не успел ничего понять. Губы Марьяны были мягкими, немного обжигали и на вкус напоминали клубнику. Она целовала его долго, с силой впиваясь ногтями в кожу на подбородке — наверняка у него останутся после этого следы, — покусывала и все время норовила скользнуть языком к нему в рот. От Марьяны исходили лёгкий холод, и Андрей

почувствовал, как сквозь его приоткрытые губы в горло скользнули струйки морозного воздуха. Он дёрнулся, но ногти ведьмы только сильнее уцепились в него, удерживая на месте. Марьяна продолжала целовать его, пока холод заполнял собой голову Андрея. Пальцы онемели, пронизываемые лёгким игольчатым покалыванием, а все тело показалось Морозову вялым мешком, нагруженным картошкой.

Марьяна отпрянула от него резко, так же, как и Стас.

— Как думаешь, кто надоумил выдать вам именно это задание? — Она отёрла губы тыльной стороной ладони и всплеснула разочарованно руками. — Ох, говорю, как дешёвый злодей. Ничего из произошедшего не было случайностью. Разве что ты не должен был присутствовать в плане. Но это даже к лучшему. Смерть Стаса просто выведет теперь Александру из игры. А о тебе никто переживать не будет. Из ниоткуда пришёл и в никуда отправишься.

Андрей не успел ничего ответить: лёгкие обожгло огнём, горло сжалось, будто кто-то схватил за него, и голова закружилась. Морозов быстро задышал, но воздуха все равно не хватало. Язык онемел и распух — он едва мог им шевелить. Каждый вдох отдавался резкой болью между рёбрами, Андрей боялся сделать следующий и ненадолго замирал. Согнутые в коленях ноги пробрало судорогой, мышцы сжались и учащённо задрожали. Пальцы скрючились, и как бы Морозов ни пытался, разжать их не получалось. Он попытался сглотнуть — сухая слюна разодрала горло, и Андрей зашёлся кашлем. Низким и грудным. Казалось, еще секунда и он выплюнет перед собой лёгкие, уродливые остатки того, что некогда помогало ему дышать.

Марьяна смотрела на него бесстрастно. В ее голубых глазах Андрей видел собственное отражение: уродливый грязный старик, чьи белёсые от пыли волосы слиплись, а лицо измазано грязью. Андрей хотел верить, что это грязь, но металлический привкус во рту кричал: «Не обманывайся».

— Не волнуйся. Ты умрёшь не сразу. Не раньше, чем это понадобится нам. Жаль тебя, конечно. Мордашка смазливая, да и характер покладистый. Я бы такого себе завела в качестве фамильяра. Ты был бы очень милой крыской.

Марьяна криво усмехнулась. Ее симпатичное лицо с большими оленевидными глазами показалось сейчас Андрею уродливой маской. Комната начала закручиваться, и он с силой тряхнул головой. С губ сорвалось несколько горьких багровых капель, когда воздух снова тяжёлым кашлем вырвался из его груди. Андрей попытался выпрямить спину, но вместо этого только сильнее скрючился, содрогаясь от приступов. Он пытался выдавить из себя слова, но они надломленным хрипом вырывались из его горла, булькали в груди и скатывались по подбородку, чтобы на секунду повиснуть там и сорваться вниз.

— О какой... — язык едва волочился, и все же Андрею удалось выдавить из себя слабые остатки голоса, — о какой свободе он говорил?

— Скажи я, что ты все равно умрёшь и незачем от тебя скрывать — это будет ложью. Могу лишь заметить, что свобода быть собой тоже весомая причина бороться. Или тебе не хочется сейчас жить? — Андрей не понял, язвит Марьяна или же задаёт вполне серьёзный вопрос. — Знать, что ты доживёшь до утра? Сражаться за право оставаться на этой земле лишние секунды? О да, я вижу по твоему лицу, что ты хочешь этого. Но не можешь. Ты бессилен. Увы, так бывает. Жизнь — несправедливая штука.

Андрей громко закашлял, сплюнул окрасившуюся в красное слюну на пол и прохрипел: — К черту такую жизнь. Но, если другого мира нет, зачем нужно?..

— Все еще болтаете?

Стас появился в дверях неожиданно, облокотился о косяк, сложив на груди руки, и усмехнулся. Андрей суетливо хватал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, давился собственными вздохами и слеп от пронизывающей грудь боли. Марьяна же только сочувствующе смотрела на него, словно ей было действительно жаль того, что с ним происходило.

— Ага. — Спустя еще несколько секунд молчания ведьма неспешно поднялась и подошла к Стасу. — Почему бы не поговорить, пока он еще может? Обсуждаем проблемы мироздания.

Вознесенский ухмыльнулся, и это выражение вырвалось из Андрея очередным приступом кровавого кашля.

— Главное, не думайте слишком много, — приторно-заботливо протянул Стас.

— Ага. А то думалка сломается.

— Верно. А вместе с этим ты начнёшь думать, что что-то решаешь и быть своевольным. А я этого не люблю.

Голос Вознесенского был низким и мягким, он укутывал и пугал. Марьяна вздрогнула и отступила на шаг от Стаса. тот же наконец отлип от дверного косяка, войдя полностью в комнату. Почему-то Морозову показалось, что все это время он стоял за дверью и подслушивал все, о чем он говорил с ведьмой. Возможно, причиной этому послужило то, какой взгляд Стас бросил на Марьяну. Или же Андрею просто показалось. В любом случае Вознесенский выглядел не слишком довольным и все же сохранял маску спокойствия.

— Выдвигаемся с наступлением ночи. — Стас посмотрел на хозяйку квартиры. — А пока сладких снов.

Андрей заметил, как Марьяна подняла руку, сжимая кулак, а затем какая-то невидимая сила ударила его кулаком в грудь, выбивая из лёгких весь воздух. В глазах потемнело, и, прежде чем провалиться в наползающую со всех сторон тьму, Андрей успел услышать только две негромких фразы, потонувших в плотной стене морского прибоя в ушах:

— Они увязались за мной, я ничего не смогла сделать.

— Что ж, в любом случае все вышло даже лучше, чем я планировал...

Глава 17. Трое из ларца

Тишина, накатившая на квартиру Александры, оглушала.

Она перекрикивала шум трамваев за окном и выкрики продавцов о скидках на шаверму, оставалась пыльным привкусом на языке и висла на ресницах сочащимися слезами. Кухня душила опустившейся на город жарой. Она выжигала кожу и правила асфальт.

Как и сердце Александры.

Единственная аптечка в доме Александры Звягинцевой была перерыта несколько раз, бутылёк с остатками йода уныло покоился на краю стола, пока заботливые руки хозяйки квартиры аккуратно промакивали раны сочащиеся кровью, сукровицей и непонятной жидкостью черного цвета. Феликс морщился, и с каждым движением его раны расплзались все больше; их края уродливыми лоскутами висели, обрамляя глубокие багровые ущелья, хрящ желтел сквозь разорванную кожу носа, а губы едва дёргались в улыбке Гуинплена[1].

— Не понимаю, что с твоими ранами не так.

— Кажется, моя регенерация делает только хуже.

Феликс нервно усмехнулся. Жирная капля крови со лба скатилась на бровь, ненадолго задержалась на ней и упала на ресницы, склеивая их. Пальцы Александры, быстро свернувшие новый кусок бинта, осторожно смахнули ее с глаза Феликса, задев одну из ран. Послышалось недовольное шипение, и вампир отпрянул от Звягинцевой, скрипнув ножками стула по полу. Феликс дышал тяжело, надрывно и стискивал зубы, так что даже Александре было слышно, как они скрипят друг о друга. Несколько раз он громко рычал на неё, прикусывая губу заострившимися клыками, но тут же делал глубокие вдохи и успокаивался.

Александра хотела помочь ему.

Но не знала как.

Все, что она помнила из медицины, было плодами их бурной работы со Стасом. Йод, водка и лейкопластырь — Вознесенский лечил так любую рану, будь то лёгкая царапина от листа бумаги или же прорезанный обратнем бок. Александра усмехнулась: удивительно, что он не пользовался подорожником и слюной.

Еще раз опрокинув на бинт стопку водки, Звягинцева посмотрела на Феликса, глубоко вздохнула и приложила повязку к его лбу. Сломленный нечеловеческий вопль пронёсся по квартире, заставив Александру содрогнуться. Внутри все замерло, сердце подскочило кверху, как на американских горках. Наверно, именно это слышат люди перед своей смертью. Кожа на голове Звягинцевой неприятно зашевелилась, словно луковицы пытались выбраться из своих маленьких лунок и сбежать подальше. Однажды Александра читала про банши: говорили, что их крик — последнее, что слышат люди. Феликс на банши не был похож, но его корчащееся в агонии лицо еще долго будет являться Александре во снах.

Паркет за спиной Звягинцевой скрипнул, и она обернулась. Замершее над обрывом сердце рухнуло — Дима стоял в дверях, опершись о косяк и сложив на груди руки, как это обычно делал Стас. Александра моргнула. Минутное наваждение, казалось, исчезло. Перед ней стоял Дима. Не Стас. И все же было что-то слишком знакомое и болезненное в движениях его головы, в том, как он перекрестил ноги, упершись носком одной из них в пол; в том, как он вальяжно опирался на дверной косяк.

Он был копией своего брата. Пусть и абсолютно непохожей.

— Что, — Феликс хрипло кашлянул, прикрыв рот кулаком — звук получился низкий и

глухой, — не думал, что мне тоже может быть больно? Бессмертные неуязвимые вампиры. Такие бывают только в кино. Жизнь более прозаичная штука. Кожа не сияет на солнышке, аки бриллианты королевской короны, да и волосы не укладываются с помощью особого вампирского геля, добавляющего сто очков к метросексуальности. — Он попытался усмехнуться; его раны, едва затянувшись, снова разошлись, хлынув на воротник рубашки. — Увы, любая тварь смертна. Нужно только найти к ней правильный подход.

Кот одобрительно мяукнул с подоконника, посмотрев на Александру своими янтарными глазами. Интересно, где сейчас был Джеймс? Она и сама не поняла, почему именно сейчас вспомнила об этом человеке: были ли виной тому глаза кота, так похожи на карамельные глаза Джеймса, или же тот факт, что в самый нужный момент он бесследно исчез, не оставив даже зацепки, где его искать?

— Не волнуйся, Шур, — Феликс вытянул рук, с заботой дотрагиваясь ладонью до щеки Александры, — моему очаровательному личику эти шрамы только кстати. Да и они затянутся через пару лет. Просто будет тяжелей, чем обычно.

Дима раздражённо выдохнул, снова привлекая к себе внимание.

— Это фосфор.

— Что? — несколько непонимающе переспросил Феликс.

Александра подвинула стул: теперь она сидела боком к Диме и видела их обоих. Вознесенский недовольно закатил глаза, но тут же повёл плечами возвращая лицу спокойное выражении, поймав предупреждающий взгляд Александры.

— Элемент химический. Фосфор.

— Это мы и без тебя знаем, Менделеев, — теперь уже раздражённо бросил Феликс. — Ближе к делу.

— Твои раны. Они похожи на раны от фосфора. Еще этот зелёный свет и запах[2]. Вы не почувствовали?..

— Что от него пахнет так, словно он перечитал сказок про вампиров? — оборвал его Феликс и наконец смог ехидно усмехнуться. — Конечно, почувствовали. У меня едва глаза слезиться не начали от этого смрада.

— Поэтому у вас ничего и не получается. Вы не можете обработать эти раны обычным йодом. Видишь, какие они глубокие? — Дима подошёл к столу и, наклонившись вперёд, в воздухе повторил пальцами дорожки ран на лице Феликса. — Здесь не только повреждения кожи. А его регенерация усиливает эти разрывы. Чем больше он пытается восстановиться, тем хуже становится.

— И что ты предлагаешь? — Александра выдохнула, откладывая в сторону окровавленный квадратик бинта.

Дима промолчал. Он вылетел из кухни и зашуршал своим рюкзаком из прихожей. Александра с Феликсом только скептически переглянулись.

Вампир в первый раз за все время потянулся рукой до лица. Его пальцы замерли в нескольких сантиметрах от ран, словно он не мог решить, стоит дотрагиваться до них или нет. Спустя несколько мгновений сомнений они с хлюпающим липким звуком прижались к ранам. Феликс хмурился, сжимал зубы и осторожно изучал свои увечья. Сначала вверх через бровь, почти до самой кромки волос. Потом вниз через нос и край губы. Следующий — точно такой же, от скулы, через губы и к подбородку. Третий порез был меньше: он задел только часть щеки и подбородок, раскрываясь концами кожи, как неисправная молния. Когда же Феликс отнял пальцы от лица, к их кончикам протянулись жирные чёрные

ниточки, показавшиеся Александре знакомыми. Кажется, она уже видела их. Но где?

Вернулся Вознесенский минуты через два, вертя в руках небольшой пузырёк с насыщенно синей жидкостью. Он смерил Феликса безразличным взглядом: Александра давно не видел такого выражения на лице Димы, — подтащил к столу еще один стул и присел, тут же отвинтив крышку. В близи жидкость оказалась еще ярче, а кусок бинта, который Вознесенский смочил ею, тут же окрасился в синий. Подавшись вперед, Дима попытался приложить бинт к одной из ран Феликса, но тот только недовольно поморщился и отклонился назад. И чем сильнее рука Димы тянулась к нему, тем сильнее вампир выгибался над спинкой стула.

Дима сдался через несколько секунд.

— Будет просто замечательно, если ты не будешь дёргаться, — он глубоко вздохнул, почесав нос, который теперь тоже был синим. — Иначе я не смогу обработать твои раны, и ты так и продолжишь страдать от боли.

— Отравить меня вздумал? — Феликс с недоверием покосился на цветастый бинт, но все же немного выпрямился.

Его взгляд перебегал с Димы на бинт и обратно, а затем вампир посмотрел на Александру, словно искал в ней поддержку. Звягинцева только пожала плечами, зевнула и сложила на груди руки, наблюдая за тщетными попытками руки Димы дотянуться до Феликса: каждое движение было провальным — Феликс реагировал быстрее, чем Вознесенский мог хоть что-нибудь понять. А ехидная улыбка намекала, что вампир не против подобных игр.

— Это всего лишь сульфат меди[3]. — Для наглядности Дима покрутил бинтом пред лицом Феликса и едва не сунул ему его в нос, но вовремя одёрнул руку, заприметив блеснувшие из-за окровавленно-черных губ клыки. — Он не причинит тебе вреда. К тому же ты и так уже мёртв. Хуже не будет.

— А вот это было обидно.

Феликс насупился, но все же позволил Диме прижать синий кусок ткани к своему лицу. Александре оставалось только смотреть на то, как невозмутимый и гордый Феликс позволяет Вознесенскому, старшего брата которого он не переносил, обрабатывать свои раны.

Движения Димы были мягкими и плавными. Совсем не такими, как у Александры: она всегда делала перевязки рвано и быстро, на коленке сворачивая бинт, ничуть не заботясь об его стерильности и спеша побыстрее залатать ранения старшего Вознесенского. Она всегда была небрежной и порой приходилось тащить Стаса к нормальному врачу, мысленно вознося молитвы, чтобы не было сепсиса или чего хуже. Хотя воспитанная дедом Александра знала, что хуже сепсиса, только отец Звягинцевой, «сведший мать в могилу».

Движения Димы были аккуратными и выверенными. Он несколько раз приложил смоченный медью бинт к ранам Феликса, нахмурился, и недовольно мотнул головой. Решив не мешать им, Александра вышла из кухни, и стоило только ей перешагнуть порог, как ноги подкосились крупной дрожью, сделать шаг оказалось невозможно, и она сползла медленно по стенке, зарываясь пальцами в волосы.

Веки чесались изнутри и горели, горький чесночный привкус осел на языке, небе и медленно стекал по горлу мерзкой микстурой, разъедая все, до чего мог дотянуться. Несколько раз Александра громко кашлянула в кулак, прикрыла глаза и откинула голову назад, ударившись затылком о холодную штукатурку. Наверно, стоило все же доделать

ремонт в коридоре, когда Феликс поправится.

Александра вздрогнула, резко мотнув головой, — кажется, она не заметила, как задремала. Шея затекла и с хрустом поворачивалась из стороны в сторону. Сидеть на полу стало неприятно больно — казалось, что пятая точка стала такой же плоской, как и паркет, — а согнувшаяся дугой спина ныла.

— Ты где так научился раны обрабатывать? — послышался тихий недоверчивый голос Феликса.

— Брат беспокойный.

— А купорос откуда?

Дима усмехнулся.

— Было у нас одно... дело. — Вознесенский обернулся, услышав, как Александра громко с кряхтением выглядывает из-за дверного косяка. — Не офисное, не волнуйся, Саш. Стас, конечно, порывался подлить остатки Ростиславу, но я остановил. Я все-таки заплатил деньги. Было бы жаль тратить их на кого-то вроде Славы.

Александра пожалела бы денег, даже чтобы нанять киллера, узнай она, что цель Ростислав. Кажется, это был единственный случай в ее жизни, когда человек отталкивал от себя настолько, что не хотелось марать об него свои или же чужие руки. Ответив Диме нервной улыбкой, Александра коротко кивнула и поднялась с нагретого пола.

Когда она подошла, Дима еще раз промакивал раны Феликса — на этот раз бинт был бесцветным, а рядом на столе стояла морковная пачка пищевой соды. Бросив на опустившуюся на стул Александру короткий взгляд, Вознесенский едва дёрнул уголками губ, отложил бинт и хлопнул в ладоши, отряхивая с ним белую пыль.

— Ну, вот и готово. Теоретически, теперь все должно само заживать. Но шрамы останутся. Если что-то еще будет беспокоить — ты знаешь, где я живу. А если и не знаешь — найдёшь по запаху.

— Спасибо, малой, — неловкой усмехнулся Феликс, неуверенно ощупывая лицо.

— Я Дима.

Вознесенский нахмурился, но уже через секунду его лицо просветлело и молодой экзорцист улыбнулся. Александра внутренне выдохнула — ей не хватало только разнимать теперь уже Феликса и Диму, как это было с его старшим братом. По какой-то причине Феликс невзлюбил Стаса. Наверно тому была виной холодная встреча, когда кузен Александры завалился к ним в квартиру: Стас облил незваного гостя ведром ледяной воды, а затем обрызгал из пульверизатора мятным раствором. Феликс ещё долго вспоминал Александре этот случай, а со Стасом они с того момента были заклятыми врагами до конца жизни. До конца жизни Вознесенского, разумеется.

Медленно поднявшись из-за стола, Александра кивнула кузену в сторону двери и одними губами прошептала:

— Нужно поговорить, Фелек.

Она не стала проверять, что Феликс идёт за ней. Александра была уверена в этом.

— Откуда он у вас только такой умный взялся? — Феликс позволил себе ехидную ремарку, как только за ними захлопнулась дверь на кухню.

— На химика учился. Стас отправил его в универ, чтобы занимался чем-то полезным. Но я не об этом... — Александра нервно передёрнула плечами. — Мы должны найти Стаса и Андрея. И как можно быстрее. Марьяна обещала посмотреть по картам и узнать у своих духов в астрале. Возможно, они что-то знают. Сказала, что позвонит, если что-то

разрешится.

— Но? — Феликс выжидающе посмотрел на Александру, сложив на груди руки и опершись плечом о стену.

— Но я хочу, чтобы их нашёл ты.

Александра выпалила слова на одном дыхании и замерла. Она боялась сделать вдох, чувствуя как воздух снаружи продавливает ей грудную клетку. Лёгкие горели от ожидания, губы ссохлись, стянувшись неровной резинкой, а язык неуклюже ворочался во рту. Феликс смотрел на неё в упор, не моргал и недовольно цокнул языком.

— Знаешь, я не большой любитель мертвечины, — прищурившись, с сомнением протянул Феликс. — Так и диабет развиваться может. Да и к тому же...

— Феликс. Прошу. — Александра умоляюще посмотрела на кузена, чувствуя, как под ложечкой неприятно тянет, в животе сворачивается в узел горький кофе, который она залила в себя во время импровизированного обеда между перевязками, а руки начинают трястись. — Для меня это очень важно. Я дам тебе телефон Андрея. Он его из рук никогда не выпускал. Уверена, его запах перебьёт все остальное.

Феликс помедлил. Он с сомнением смотрел, как Звягинцева дрожащими руками достаёт из верхнего ящика коридорного комода побитый смартфон — его экран пошёл мелкой сеточкой и не пережил падения с высоты заднего кармана Морозова, — едва не роняет снова на пол и наконец протягивает ему. На секунду на лице Феликса промелькнуло непонятно Александре выражение, — он сожалел? Но о чем? — а затем вампир быстро выхватил телефон и оскалился.

— Ладно. Но сначала я поем. Не могу работать на пустой желудок.

***

— Не надо так драматизировать. Меня не было всего шесть часов.

— По статистике шансы найти пропавшего наиболее высоки в первые двенадцать часов.

— Отлично! У нас как раз есть в запасе еще целых три часа!

Феликс объявился через шесть часов, светящийся от счастья и весь измазанный в крови. Он не стал церемониться и спрашивать разрешения — сразу же заперся в ванной, заявив Александре и Диме, что ему нужно несколько минут уединения, а вышел спустя еще час. В точно таком же виде, как и пришёл. Звягинцева сквозь силу нашла в себе остатки терпения и каждую минуту, что Феликс вёл их по следу Андрея, повторяла, что этот невыносимо упрямый в своей самоуверенности вампир — возможно, единственный оставшийся у неё в живых родственник.

Знакомая тридцатипятиэтажка на севере города встретила Александру потухшими огоньками квартир, складывавшихся в насмешливое «Ха!». Даже безжизненная бетонная махина издевалась над Александрой.

Входная дверь со скрипом отворилась и едва не придавила Александру — кажется, все же стоило спать чуть больше трех часов в сутки. Спас Звягинцеву вознишкий между ней и острым углом металлического листа Феликс, ловко перехвативший его ладонью. Он улыбался, но Александры не ускользнуло, какой натянутой вышла эта улыбка — полузажившие шрамы на лице вампира опасно натянулись, как кожа, выдавливаемая изнутри болью, — а по запястью побежали струйки крови, скрываясь от взгляда Александры за рукавом белой рубашки.

Пропустив их с Димой вперёд, Феликс захлопнул дверь, коротко кивнул удивлённой его видом консьержке, послав напоследок воздушный поцелуй, и оббежал Александру, ткнув

пальцем в кнопку вызова лифта. В кабине Звягинцева по привычке нажала на двадцать восьмой этаж и только затем одёрнула руку, подняв на Феликса испуганный взгляд. Он не смотрел на неё: рассматривал своё отражение в зеркале, приглаживал растрепавшиеся светлые волосы и поправлял помятый воротник. Притихший Дима просто стоял между ними Берлинской стеной, сложив на груди руки и вперившись взглядом в потолок, за которым в свете ламп виднелись трупы комаров. Феликс обратил на Александру внимание, только когда звонок негромко оглушил кабину, а мягкий настойчивый женский голос провозгласил, что они прибыли на нужный этаж.

— Не знала, что Марьяна настолько прониклась к тебе, что взяла номер. Обычно она отзывалась о тебе... — Александра замедлилась перед дверью подруги, занеся руку, чтобы постучаться, — менее приветливо. Она что-нибудь сказала про Стаса?

— А я и не говорил, что мне звонила Марьяна. — Феликс встал сбоку от Александры привычно подперев плечом стену, а затем слегка постучал костяшкой пальца по двери. — Я сам пришёл сюда. По запаху. Хотя все же стоило взять на роль ищейки какую-нибудь бездомную псину. Слышал они в полночь на Парнасе любят собираться. — Вампир метнулся взглядом на остановившегося за спиной Александры Диму. — Мне по статусу не положено брать след и вынюхивать. Но мы на месте.

Он театрально развёл руками и даже отлип от стены, чтобы с улыбкой отвесить полушутовской поклон.

А вот Александре не было так смешно. Она с трудом сглотнула, ощущая, как этот комок болезненно цепляется своими сомнениями-иголками за горло, царапает его и опадает тяжёлым металлом в желудок. Звягинцева открыла рот, чтобы спросить, и тут же закрыла: слова застряли в горле, вырываясь из него слабым хрипом.

— Ты... ты уверен в этом? — просипела Александра.

— Абсолютно. У твоего мальчика вторая отрицательная. Не люблю ее. Так что уверен, он был здесь. Из-за двери просто адски воняет.

Феликс снова постучал по двери, многозначительно поиграл бровями и только хмыкнул на очередную попытку Александра разглядеть внутреннюю сторону своего черепа.

Помявшись несколько раз с ноги на ногу, Александра смогла оттянуть момент истинного наказания не несколько долгих секунд. И все же пристальный взгляд Димы в спину и маячащий перед лицом Феликс не оставляли Звягинцевой выбора.

— Марьян! Открывай, это Саша! — голос надрывным хрипом заклокотал в горле Александры, горьким привкусом дешёвого кофе, осаждаясь на кончике языка.

Звягинцева прислушалась: в ответ никто не ответил. Только лифт гулко просеменил мимо них вниз по шахте, шурша своими механическими плечами и иногда замирая, чтобы выдохнуть раскрывающимися дверьми.

— Может она в ванной заснула? Или в туалете сидит, — хохотнув, предположил Феликс. — Мне бы не понравилось, выдерни меня кто-то из комнаты задумчивости.

Александра фыркнула, закатила глаза и несколько раз с силой вжала пальцем звонок. Трель, громкая и навязчивая, раздалась даже по эту сторону двери, но никто не открыл. Не послышалось даже знакомых шаркающих шагов и недовольного ворчания Марьяны. Из квартиры доносилась лишь тишина, и Александра остервенело заколотила горячей от ударов ладонью в дверь.

— Марьян, открой! Мне нужно... Ой.

Александра испуганно отпрянула от двери, как медведь, пробравшийся в чужой дом и

застуканный за похищением еды. Дверь щёлкнула и медленно открылась. Наружу. Феликс скептически выгнул светлую бровь и оглянулся, но, не найдя ни одного потенциального претендента на роль невидимого дворецкого, вздохнул и ехидно оскалился заострёнными клыками.

— Я видел фильм ужасов, который начинался точно так же. И там даже никто не предавался плотским утехам, — Феликс хохотнул и, дождавшись, когда дверь откроется шире, просунул голову в проем, осматривая тёмный коридор.

— Это называется секс, — глухо кашлянул, кажется, в кулак Дима.

— Пшепрашам[4]. Предпочитаю диво дивное и чудо чудное, — едко отозвался вампир, обернувшись к младшему Вознесенскому. — На сеновале. С симпатичной крестьянкой.

— Крепостное право отменили, — мрачно заметил Дима, появляясь из-за плеча Александры.

— Да ладно? Скажи мне это еще раз, когда будет пахать на Ростислава восемнадцать часов в сутки без права на выходные и отпуск.

Александра молча метнула в Диму предупреждающий взгляд, заставляя того сомкнуть уже распахнутый рот и проглотить все заготовленные для ее кузена слова. Вознесенского Александра хотела видеть живым. Хотя бы младшего.

Феликс тем временем уже скрылся внутри квартиры Марьяны, оставив после себя только порыв холодного подъездного воздуха. Александра и Дима переглянулись: идти в квартиру первым никто из них не хотел, но у Звягинцевой было на одну значимую причину для этого больше — Марьяна была ее лучшей подругой, и даже Вознесенскому, далёкому от женских тонкостей общения, предельно ясно представлялось, что выведенная Феликсом информация может стоять в одном ряду со сломанным мизинцем и уведённым парнем в списке «Сто причин, почему мы стали заклятыми врагами».

Аккуратно оттеснив Александру, Дима первым вошёл в квартиру, шаркнув несколько раз ногами по коврику у двери.

Квартира казалась пустой. Не такой, как оставленная хозяевами пять минут назад. Нет. Она выглядела... заброшенной. И Александра не могла уловить это лёгкое витающее в воздухе ощущение, чесночным запахом разносящееся по всей квартире. Жилище не было похоже на то, куда Александра с Андреем приходили не больше недели назад. Нет, обои потемнели, местами пошли пузырями, а ламинат в нескольких местах провалился, как если бы по нему целенаправленно били молотком. Наверняка так и было, но привычные к шуму соседи не обратили внимания. Слой пыли, лежащий на шкафах, столах и комодах был как минимум месячной давности, а лампочка над головой Звягинцевой хлопнула, разлетевшись, когда та щёлкнула выключателем.

Когда же зажмурившаяся Александра открыла глаза, квартира Марьяны снова блестела малиновыми обоями, а люстра в коридоре освещала напольный пол.

Единственным, что осталось таким же, был въедливый чесночный запах.

— Что-то мне подсказывает, что они тут не ремулад[5] готовили, — ехидно отозвался Феликс, появившись за спиной Александры.

— Только не говори, что тебе есть дело до человеческой еды. — Заглянувший было в ванную Дима, осклабился, хлопнув тут же дверью. Маленькое фото на стене рвано покачнулось и рухнуло на пол. — У тебя весь воротник в крови.

— Во-первых, — Феликс вскинул вверх палец; и это был не указательный, — это не кровь, а маки. А во-вторых, если бы ты учился лучше и не прогуливал уроки, как твой брат,

то знал бы, что вампиры едят человеческую еду. И она для нас даже на вкус такая же, как при жизни.

— Ага, а кровь вы пьёте, потому что скучно.

— Нет. Потому что жить хочется.

— Брейк. — Александра вклинилась в их перепалку, встав одновременно между кузенном и Вознесенский. Пальцы била дрожь, мысли роились в голове назойливыми знойными мухами, а язык от сухости прилипал к небу, так что Звягинцевой пришлось приложить усилия, чтобы оторвать его от него. — Лекцию по вампиризму проведёшь Диме позже. Надо понять, куда отправилась Марьяна и...

— Да ясное дело куда. — Феликс хмыкнул настолько выразительно, что на секунду можно было подумать, что это именно он тут действующий экзорцист и специалист по нечисти, а не вышедший на пенсию по потере человеческой жизнеспособности вампир. — Приносить в жертву твоего ненаглядного стажёра. Наверняка они уже добрались до стены даже с учётом пробок. С тобой не вышло — решили, что Андрей будет лучшим вариантом.

— Да, стена, ты... — Александра осеклась. Секундной осознаний холодным потом пробежало по ее спине, задевая каждый позвонок иголками. Она медленно сглотнула, полным корпусом поворачиваясь к Феликсу, и сквозь силу разомкнула губы, выталкивая на воздух единственный культурный вопрос: — Ты ведь знал о ее существовании?

Будь Феликс каким-нибудь стажёром, он наверняка съёжился под взглядом, которым Александра прожигала, нет, проделывала пулемётом Томпсона дыры в его теле. Но Феликс Звягинцев был таким же сотрудником «Лихобор»: он пережил не только смену нескольких руководств, но еще и три падения правительства. Чтобы удивить или испугать Феликс, нужно было что-то существенней разъярённой обиженной женщины — по крайней мере она должна была быть не его сестрой. Именно так Александра каждый раз объясняла, почему вместо того, чтобы извиниться и все объяснить, Феликс хищно скалится и уводит разговор в совершенно другую плоскость — виноватой прямо или косвенно всегда оказывалась сама Звягинцева.

Вот и сейчас он снова язвительно-ядовито улыбнулся, выгнулся в спине назад, потянулся и зевнул.

— А тут все зависит от того, чего хочешь ты, — он поднял взгляд к потолку, с видом студента, тщетно ищущего на нем подсказку, — честного ответа или братских уз?

Будь Феликс каким-нибудь стажёром, он уже наверняка бы искал другую работу, в другом городе, на другом конце земли. Но он был всего лишь отставным сотрудником «Лихобор», которому оставалось прятаться в тени и пользоваться благосклонностью живых родственников. По крайней мере именно так Александра каждый раз объясняла себе его одержимость ее обществом.

Вздохнув, Александра сжала пальцами переносицу, а затем на одном дыхании выпалила:

— Мы поговорим об этом позже. Дим, звони Антону.

***

— То есть ты хочешь мне сказать, что это цыганское чучело — один из ведущих координаторов «Лихобор»?

— Он не цыган. Его отец кубинец.

— Как по мне — никакой разницы.

— Как по мне ты расист, Феликс.

Александра заметила их сразу, еще когда черная тонированная машина только вывернула из-за угла. Не заметить их было в принципе практически нереально: музыка, доносившаяся из-за закрытых окон, должно быть была слышна на другом конце города, а асфальт пульсировал в такт басам. Они остановились на углу, вызвав недовольство следующих за ними водителей: парочка резко объехала их, недовольно просигналив, другие же просто замедлились и, открыв окна, продемонстрировали своё недовольство выставив руку с оттопыренным средним пальцем. В целом, эту команду всегда было легко опознать по главному отличительному признаку — понты. Ни один другой отдел так рьяно не работал над своим имиджем — а точнее антиимиджем, усмехнулась Александра — как команда Антона Тимченко.

Когда же машина остановилась, из неё выскочил один из пассажиров, поправил отливающую золотым металликом рубашку, поднял воротник, зализал волосы и, оглядевшись, запрыгнул на капот машины, приняв самую сексуальную позу, какую только смог представить. Если раньше, великие умы античности предпочитали возлежать на усеянных лепестками роз софах, то Антону подошёл простой лакированный чёрным капот машины. Автомобиль тронулся медленно, и также медленно глаза Александры закатывались с его приближением, пока она не ощутила неприятную боль от натянутых мышц — дальше был только череп и опустевшее от расстройств сознание.

Подъезжала машина Антона медленно. Лежать на боку на капоте было не самой удобной затеей, но «ведущий координатор Лихобор» мужественно это терпел, согнув левую ногу в колене и выставив вдоль вытянутой правой. Его белозубую улыбку Александра видела со ста метров, и спасало Антона только то, что это действительно были его зубы. В остальном... он выглядел весьма обычно: выцветшая гавайская рубашка, тяжёлая золотая цепь на груди и причёска завсегда Думской[6].

Наконец, автомобиль остановился в паре метров от них. Феликс скривился, Дима попытался спрятаться за его спину, но из-за стёкол на него уже смотрели глаза Леры, а Александра мысленно вела отсчёт до того момента, когда Антон сойдёт на эту грешную землю и озарит своим присутствием. Все, что было в нем кубинского, это смуглая внешность — он едва ли мог сойти за жителя южных регионов, а место рождения в бывшей столице и подавно это отрицало. Даже его фамилия, Тимченко, навевала скорее желание узнать, кто его отец и почему у него фамилия матери. Увы, ни одного ответа ни Александра, ни даже Стас в своё время получить не смогли — а ведь с Вознесенским они были когда-то лучшими друзьями. Сошлись на непорочном зачатии, потому что ни один здоровый человек не согласился бы признать Антона своим ребёнком.

— Неужели это сам Феликс Кржеминский? — Тимченко ловко соскочил, а точнее съехал с капота, и попытался подлететь к Феликсу с распахнутыми объятиями, но тот в ответ на это почему-то насупился, зашипел и вытянул вперёд руки, перекрестив пальцы, словно это Антон тут был вампиром, а не он.

— Вот это поворот, — ехидно протянул Феликс, — он даже правильно произнёс мою фамилию. Последний раз это удалось тому милому сотруднику НКВД[7] в тридцать втором. Потом меня застрелили, а потом он стал моим обедом. Четвёртая отрицательная. Я просто не мог устоять.

— Всегда хотел познакомиться с легендой «Лихобор».

Антон проигнорировал воинственный вид Феликса, извернулся и все-таки смог заключить того в объятиях. Вампир недовольно прокряхтел в такт заглохнувшему двигателю

автомобиля и медленно присел, выбираясь из хватки Тимченко, который безуспешно пытался вернуть его обратно. Когда же долгожданная свобода замаячила перед Феликсом, он метнулся за спину Александры, недовольно выглядывая из-за неё.

Антон растерянно растрепал волосы на затылке. Раздался громкий хлопок двери, и вслед за Лерой появился ее брат. Точная мужская копия девушки Димы обладала скверным характером и именем Максим. Он был смазливый — даже смазливей, чем Андрей Морозов, — в его манера общения больше подошла бы под чёрный спортивный костюм «Абибас» и сандали на носки, нежели под выглаженную кипельно-белую рубашку, чёрные узкие брюки и чёрные солнцезащитные очки. Он был смазливый — ровно до того момента, как открывал рот.

Именно поэтому чаще всего вместо него выступали Лера или Антон. Впрочем это было в их же интересах.

— Я рада, что вы пришли и...

— Был у меня подчинённый, — Феликс опередил Александру, заняв место говорящего, и снова выскочил из-за неё, встав рядом. Он нахмурился, прищипил зелёные глаза и наклонил голову на бок, рассматривая улыбающегося Антона. — Коля Воронцов. Хороший был мальчик, смыслённый. Сам нас нашёл и поступил на службу. Потому что не хотел жениться. А учиться тем более. Но как экзорцист очень преуспел, хоть и начал обучение очень поздно. Так сказать, Ломоносов в своей области. Я с ним возился, все объяснял и помогал, а потом...

— Что потом? — Антон быстро заморгал своими пушистыми ресницами, глядя на Феликса самыми наивным взглядом, какой только можно представить.

Последний раз такой взгляд Александра видела только в сказках.

— А потом я стою перед вами. Мой тебе совет, — Феликс покосился на маячащего рядом близнеца Леры, — не прикрывай задницу подчинённых, если не хочешь занять их место. Они справятся и так. А если нет — это их выбор. Откуда я знаю? — он повёл плечами, приосанился, а затем скривился. — От вас двоих воняет так, что у меня неделю нестояк будет.

Лера нервно хихикнула. Лицо Димы неровно покрылось красными пятнами, а уши, казалось, зашевелились, с головой выдавая стеснение своего обладателя. Феликс же выглядел донельзя довольным своей шуткой, лыбился и сиял, как только отчеканенный рубль. Разве что не хватало подписи монетного двора на оборотной стороне, но и это могло быть возможным — зная любовь Феликса к различным авантюрам, Александра не стала бы отрицать вероятности нахождения у него на спине татуировки монетного двора.

— Ну, и что за срочное дело? — тон Максима был раздражённым, и Лера тут же ущипнула его за бок, на что юноша не то, что не повёл бровью: он даже не изменил своего тона «Вы мне тут все должны», когда снова открыл рот и продолжил: — Дима сказал, что ты ведёшь нас в курс дела на месте.

— Стас.

— Что этот идиот опять натворил? Не заплатил аренду? Сказал Славе, что подаётся в сценаристы и напишет сериал о нас? Ростислав все ещё не простил ему тот случай, когда он проболтался какому-то режиссёру об историях с работы.

— Нет, не это... Стоп, что?

— Это было уже после тебя, не волнуйся так. Там было про того оборотня в погонах. Буквально. — Антон ухмыльнулся, а затем, заметив непонимающие выражения лиц

окружающих, удивился: — Что? Пси́на утащи́ла мунди́р и спала под ним. Это было еще когда мы со Стасом учились. И так, — он хлопнул в ладоши. — Что нужно? Мы взяли на всякий случай все обмундирование.

— Это вряд ли понадобится. Пойдём налегке. — Александра повела плечами, но тяжёлые мешки ответственности никак не спадали с них; наоборот боль в спине усилилась и держать подбородок все также поднятым оказалось тяжело.

— Почему?

— Потому что я не имею ни малейшего представления, что нам делать.

Антон синхронно с Лерой нахмурился. Выражение лица Максима оставалось спокойным, а даже если он и повторил все за своим начальником и близняшкой, этого не было видно — большие солнцезащитные очки скрывали, как его глаза, так и добрую половину лба, как будто он отобрал их у какой-то старушки и покрыл тонировкой. Дима в ответ поджал губы, шаркнул ногой по асфальту и рассеянно сунул руки в карманы.

Повисшее молчание давило на все присутствующих. Воздух вокруг сгущался, становился липким и приставал к коже, хотя они стояли на широкой улице, а выхлопные газы от машин уже давно должны были разогнать ощущение изолированности и беспомощности из души Александры. Но вместо этого чёрная копоть только с большей силой осаждалась на израненных нервах, заставляя их вибрировать и головной болью раздаиваться по всему телу.

— Стас одержим. И собирается принести в жертву ее стажёра, — ткнув пальцем в Александру, спокойным тоном сообщил Феликс, как будто это был вчерашний прогноз погоды. — Зачем? Без понятия, но мы знаем где он сейчас. И что в любом случае ритуал надо остановить.

— Я уже маякнула на всякий случай Славе. — Александра нехотя выдавила их себя имя Ростислава, но сейчас позвать его — показалось Звягинцевой отличной идеей. — Он сказал, что подойдёт. Нам придётся... нам придётся поступить по протоколу. Стас скорее всего уже давно мёртв. А значит нет смысла любезничать.

— Есть ещё что-то, что нам стоит знать? — наконец снова подал голос Максим. На этот раз он звучал уже менее уверенным, и Александра могла поклясться, что слышит нотки испуга — неожиданное зрелище для того, кто знает Максима Громова столько лет.

Бросив на Феликса и Диму напряжённый взгляд, Александра отлепила язык от неба и, дёрнув лямку рюкзака, о котором совершенно забыла, пробормотала, словно и сама не хотела слышать этих слов:

— Марьяна. Она проводит ритуал.

[1] Гуинплен — главный герой романа «Человек, который смеётся», изуродованный в детстве.

[2] Белый фосфор при комнатной температуре светится (бледно-зелёное свечение). Горит на воздухе зелёным пламенем и имеет характерный чесночный запах.

[3] Другое название сульфата меди(II) — медный купорос или римский купорос (последний ошибочно приписывают железному купоросу или сульфату железа(II)). Ядовит.

[4] *Przepraszam* — извините (пол.)

[5] Ремулад (фр. *sauce rémoulade*) — соус на основе майонеза во французской кухне. В состав соуса традиционно входят маринованные огурцы, каперсы, петрушка, зелёный лук, чеснок, оливковое масло, пряный уксус, горчица и анчоусы. Если из ремулада исключить анчоусы, то получится соус тартар.

[6] В начале XXI века Думская улица, наряду с Конюшенной площадью превратилась в

клубный центр Санкт-Петербурга. На ней, и прилегающей улице Ломоносова расположено более 20 ночных клубов и баров, преимущественно андеграундной направленности.

[7] Народный комиссариат внутренних дел СССР — центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, в 1934–1943 годах — также и по обеспечению государственной безопасности.

Глава 18. Братья Карамазовы

Андрей Морозов сморщил нос и нервно задёргал закрытыми глазами, когда на лицо ему упали жирные капли воды.

Раз.

Два.

Три.

— О, очнулся наконец, Спящий Красавец? Проснись и пой, потому что впереди тебя ждут великие дела.

На этот раз морщиться Андрею пришлось, потому что в лицо ему плеснули добрую горсть ледяной воды. Когда же он с болью разлепил веки, через мутную пелену перед глазами он смог различить только яркое малиновое пятно. Марьяна. Это определённо была она. Андрей моргнул ещё несколько раз: вокруг головы девушки нимбом разливался яркий свет, и приходилось жмуриться, чтобы что-то рассмотреть. Малиновая туча ещё несколько секунд помаячила перед Андреем, а затем двинулась в сторону. Яркая лампочка обожгла глаза, и Морозов зажмурился, отвернув голову к плечу.

Даже сквозь закрытые веки Андрей видел оранжевые круги. Они неспешно плыли, сливались друг с другом, переходили в красные и жёлтые, а затем лопались воздушными шариками нервов, разносясь болью по всему черепу. Голова трещала, кости словно шевелились, а вибрация от чужих голосов только усиливала ощущения. Андрей дышал медленно, пытаясь успокоить боль, но становилось только хуже.

Наконец, все смолкло. Андрей слышал только своё размеренное дыхание. Голоса заглушились, доносясь словно издалека, а мысли растворились молочным туманом. Он не слышал ничего. Даже собственного внутреннего голоса. Удивительно...

— Так и будешь стоять там или наконец подойдёшь? — Голос Стаса тупой пилой разорвал секундную тишину. — Раздражает.

Несколько секунд невыносимым ожиданием растянулись, пока Андрей смог услышать голос незваного — для Стаса — гостя. Холод пробежался по коже, и Морозов не был уверен от чего: от сырости помещения, где они были, или от знакомых насмешливых ноток в тоне вмешавшегося человека.

— Да я просто ждал, когда ты сам предложишь.

Едкость, с которой выплюнули слова, повисла толстым слоем на лице Андрея. Связанные за спиной руки сводило. Морозов попытался медленно открыть глаза, но свет от лампы снова обжёт раздражённую слизистую. Лёгкие горели, и каждый вдох только с новой силой распалаял их.

— Зачем пришёл? — Стас шаркнул ногой, и его тёмная фигура, просвечивающая сквозь пелену на приоткрывшихся глазах Андрея, распрямилась, замаячивши прямо перед ним. — Испортить мне весь настрой? Тебя Хайдри послала? Тогда можешь передать, что я не вернусь по первому ее зову.

Невысокая фигура выплыла из тени на другом конце подвала — Андрей наконец смог проморгаться и рассмотреть немного помещение, в котором он оказался. Это было то самое место, откуда Стас его умыкнул из-под носа Александры и ее «друзей». А мужчина в тени был тем самым Джеймсом, который обещался им помочь. Андрей был в этом уверен — сложно с кем-то спутать этот насмешливо-снисходительный тон, которым одарил гость

Стаса в следующую секунду:

— Нет. Мне просто интересно, что ты здесь делаешь. — Он остановился рядом с Вознесенским, запрокинул голову и, запустив пальцы в волосы, зачесал вьющиеся пряди назад. — Я не могу навестить любимого брата? И да, — Джеймс посмотрел на Стаса снизу вверх, — я все ещё обижен. Если что, я всегда смогу отвесить тебе парочку оплеух за то, что ты сделал на кухне. Это было больно, знаешь ли. Я восстанавливался три дня.

— Прости. У меня не было выбора, — Стас развёл руками, словно извинялся и, отойдя немного в сторону, жестом подозвал к себе кого-то, — в мои планы не входила компания назойливых родственников. А потом они ещё и тебя притащили. Хочешь сделать все идеально — сделай все сам? — он усмехнулся и, повернувшись к подошедшему, достаточно громко пробормотал ему приказ.

К несчастью для Андрея, он не знал этого языка, поэтому не мог даже предположить о чем была речь. Нет, конечно, он услышал слово, похожее на «пельмени», но сомневался, что Вознесенский просил принести ему покушать. И чтобы никто не узнал — сделал это на другом языке.

— И для этого ты решил, что остудить меня — будет замечательной идеей? — едко протянул Джеймс, сделав шаг к Вознесенскому.

Тот помедлил, прежде чем ответить.

— Я не знал, что ты будешь делать. Лучше перестраховаться, знаешь ли.

— Я мог и умереть.

— Мы оба прекрасно знаем, что нет. — Стас шаркнул ногой и отвесил шутовской поклон, несколько раз описав правой рукой в воздухе круги. — Мы не можем. Нет покоя проклятым. В конце концов мы слишком долго живём вместе. Наш мир огромен, но все мы решили столпиться именно на этой планете.

— Напомнить, почему?

— Потому что это был твой курсовой проект, который оказался лучше остальных? — Стас хмыкнул. — Прекрасная причина застрять в этой дыре и не иметь возможности что-то сделать.

— Ты слишком вспыльчив.

— Такова моя природа.

Вознесенский пожал плечами. Андрей не был уверен, действительно ли Стасу был неприятен этот разговор и он пытается отделаться от Джеймса, как от назойливой мухи, стравивая с себя каждым движением, или же ему просто это кажется. Комната перед глазами Андрея — а точнее подвал — продолжала медленно кружиться, покачиваться и сворачиваться в спираль, как змея, опутывающая своими кольцами.

— Ну, с Андреем вы вроде как уже знакомы, — неожиданно перевёл стрелки на Морозова Стас.

Они одновременно с Джеймсом обернулись и посмотрели на Андрея. Дышать было больно — каждый вдох отзывался в груди резким болезненным подёргиванием. Иногда Андрею начинало казаться, что сейчас он просто задохнётся, но вместо этого из его горла вырывался булькающий хрип, и он сплёвывал на пол пенящуюся кровью слюну. Интересно, сколько ещё он сможет так протянуть?

— А, — губы Андрея растянулись; он почувствовал, как засохшая на них кровь трескается и расползается неровными краями, — мистер свиной хвост. Так и знал, что тебе нельзя доверять!

Ещё более очевидной вещи в мире было трудно представить. Конечно Андрей не знал, что Джеймс предатель. Он даже сейчас не был в этом уверен. И все же слишком хотелось сказать это, вложив весь пафос, на который Андрей способен в голос.

Выражение лица Джеймса было трудно описать. Его удивление смешивалось с растерянностью от наглости Морозова. Он медленно обошёл Стаса, следящего за каждым шагом незваного гостя, и остановился прямо перед Андреем. Он смотрел сверху вниз, слегка наклонив голову набок, недовольно надувал губы, а потом нахмурился. Его глаза полыхнули серым, и Джеймс выплюнул:

— Да что ты вообще знаешь об этом мире, мальчишка?

— Не понял? — рассеянно пробормотал Андрей, ощущая как каждое слово цепляется за его горло крючковатыми когтями.

Взгляд Морозова метнулся за спину Джеймсу и Вознесенскому, где замаячила малиновая голова Марьяны. Но уже в следующее мгновение ему пришлось снова обратить внимание на Джеймса, потому как тот несколько раз щёлкнул пальцами у него перед лицом и достаточно грубо пнул ногой, когда понял, что Андрей не уделяет его персоне достаточно внимания.

— Не понял он. Что ты знаешь об этой вселенной? — Джеймс говорил громко и медленно, размахивал руками и едва ли не прыгал, как будто Андрей был иностранцем, не говорящим на одном с ним языке. — О мире, в котором ты живёшь. Ну, за исключением того, что тебе уже рассказала Александра и ее дружки.

— Ну... вселенная большая.

На секунду все звуки стихли, а взгляды всех присутствующих обратились на него. Кажется, это был неправильный ответ. По крайней мере на Андрея всегда смотрели так, когда он говорил очередную глупость на экзамене. Сейчас же количество неудовлетворенных его ответом преподавателей увеличивалось в геометрической прогрессии: перед глазами все двоилось, и Андрею приходилось часто и с силой моргать, сжимая до боли веки, напрягая мышцы и надеясь, что это поможет. Помогало. Но только на несколько секунд, после которых перед ним снова было три лица Джеймса, а малиновые волосы Марьяны сливались с чёрным пальто Стаса.

— Слыхал? — Джеймс насмешливо оскалился, обернувшись на Вознесенского. — *Вселенная большая.* — Он хмыкнул, мотнул головой, растрепав кучерявящиеся от влажности волосы и, присев перед Андреем, заглянув тому в глаза. — Вселенная уродлива. А единственное, чего она хочет — увидеть, как вы все умрёте на радость ей. Тогда больше не придётся мучиться и поддерживать вашу жизнь. И будет *идеальный* порядок.

— Звучит так, словно это не вселенная нас создала.

— Видишь ли, — цокнул Джеймс, — не всегда в итоге любишь то, что создаёшь. И не всегда создаёшь то, что любишь.

Он виновато развёл руками, снова, и распрямился, громко хрустнув спиной.

Только сейчас Андрей заметил тот самый символ, на котором лежала Александра. Его подлатали: в некоторых местах краска была ярче и блестела влажностью. На этот раз из центра, где соединялись три спирали, отходило по три зелёных луча, изламывающихся и соединяющихся в странную фигуру. Морозов несколько раз моргнул, посчитав лучи плодом своего воображения, но они никуда не делись. Разве что теперь он заметил на них странных багровые пятна, вспыхивающие вместе со светом мигающей лампочки прямо по центру подвала.

— А... а что вы собираетесь сделать? — Андрей с подозрением покосился на Стаса.

Вознесенский не смотрел на него. Все внимание «одержимого» было захвачено подлетевшим к нему пареньком, который несколько минут назад получал от него указания. В руках подошедшего была пластиковая тарелка, на которой Андрей сквозь силу смог рассмотреть... жареные пельмени? и пластиковую вилку. Да, это определенно были пельмени — их запах Морозов не перепутал бы ни с чем другим. Андрей негромко кашлянул и уже значительно тише повторил свой вопрос — на этот раз Стас повернулся к нему, замерев с поднесённой к губам закуской.

— Ты меня за идиота держишь? Хочешь, чтобы я как тупой злодей рассказал тебе весь свой план, пока твои друзья будут к нам пробираться? Нет, разумеется, — уголки губ Вознесенского растянулись в ухмылке, и он, не глядя на Андрея, бросил взгляд на Марьяну и Джеймса, — они это уже делают. Но рассказывать тебе я ничего не буду. Лучше покажу.

Глаза замутнились склизкой жирной плёнкой — Андрей несколько раз с силой моргнул, пытаясь согнать ее. И первым, что снова смог отчётливо рассмотреть Морозов — был пережевывающий пельмешек Стас. Смотреть на него слишком долго оказалось больно для глаз — сухость выжгла слизистую, и Андрей только сейчас вспомнил, что все еще был в линзах. Моргать было невыносимо: забившийся между маленькими кружочками полимера и глазом песок царапал, выделявшиеся слезы скатывались в маслянистую субстанцию, и единственным, что Морозов стабильно и хорошо видел, было черное пятно от собственного носа.

Послышались шаги — Стас подошёл к нему, закинув в рот еще один пельмень.

— Видишь его? — Вознесенский указал вилкой на стоящего за спиной подчинённого.

Морозов медленно кивнул. Улыбка Стаса превратилась в оскал, а приветливое выражение лица в звериную морду: вены на его шее вздулись и засветились ядовито-зелёным цветом — Андрей уже видел это в прошлый раз, когда они пытались спасти Александру; забавно, теперь спасать нужно было уже Морозова, — радужка глаз быстро сменяла свой цвет с бледно-серого на травянистый и насыщенно бордовый, так что если долго смотреть в них, можно было словить сильный приход, а кожа побледнела, сравнившись по оттенку со школьным мелом или плесенью на тех дорогих сырах, что его мама любила привозить из Франции. От них еще невыносимо воняло мусоркой. Стас, к счастью, все еще пах чесноком. И каждый вдох отдавался в груди Андрея раскалённой болью, разрывающей побелевшие от напряжения нервы.

Вознесенский развернулся на каблуках, взмахнув полами тёмного пальто и подошёл к опешившему от внимания к своей фигуре безымянному парню — и внутренний голос подсказывал Андрею, что он таковым для него навсегда и останется.

— Точно видишь? — уточнил Стас. Андрей кивнул, на этот раз уже менее уверенно — мильную картинку удавалось настроить только прищурившись, а одна из линз, кажется, предательски уползла куда-то вбок, залипнув у самого века. — А теперь?

Стас с силой толкнул парня к стене, той самой, что кровоточила ржавыми потёками воды — или это действительно была?.. Андрей замотал головой, отгоняя от себя эти мысли и внимательно следя, как покачнувшись мужчина сделал несколько неуверенных шагов к стене. Он спешно размахивал руками, словно невидимая сила продолжала толкать его. Каждый его шаг был всего лишь продолжением предыдущего, попыткой задержаться от неминуемого падения. Вознесенский только беспечно жевал пельмени, ни одна мышца на его лице не выдавала напряжения или тревоги. Он был настолько безмятежно спокоен, что

Андрей даже внутренне выдохнул, перестав беспокоиться о судьбе чужого ему человека...

...до того момента, как тот коснулся стены рукой. Длинные уродливые щупальца лёгким дымом просочились сквозь трещины и разрывы на красном кирпиче, опутывая руки, ноги и лицо несчастного. Сердце в груди Морозова замерло. Он боялся даже сглотнуть, чтобы невольно не навлечь на себя эту непонятную ему силу. Длинные уродливые щупальца опутывали мужчину сильнее: пока от него не остались только глаза. Несколько струй чёрного дыма отделились от остальных, втянувшись в стену. Остальные же приблизили к ней жертву.

Андрей моргнул — и последние чёрные всполохи скрылись в трещинах, утянув за собой подельника Стаса. Он просто слился с ней чёрным дымом, захлопнувшись одним из разрывов, словно его и не было.

Андрей всегда представлял такие моменты — как в приключенческом фильме, где жертве вырвут сердце, а потом ещё живую сбросят в пасть жестокой кровожадной богине, — громкими, шумными, вбивающимися в голову железными гвоздями звуковых терновых венцов. Здесь же все было тихо. Как будто весь подвал обили дорогим бархатом, поглотившим любой звук, что попал в его сети, как эта стена — или что это было за прожорливое чудовище? — поглотила подготовленную ей пищу. Андрей слышал только морской шум в ушах: он пульсировал, усиливаясь, когда сердце начинало колотиться о рёбра-клетки, и стихая, стоило тому остановиться. Наверно, это было меня тем, про что его бабка говорила: «Тихо, как на кладбище».

И он почему-то не сомневался, что этот подвал стал последним пристанищем для многих неизвестных.

Взгляд Стаса был отстранённым и безучастным. Вознесенский апатично дожевал последний пельмень.

— Магия, правда? — Он посмотрел на Андрея горящими безумным зелёным огнём глазами. Буквально. Его зрачки сузились, словно их и не было, а радужки пульсировали ядовитым болезненным оттенком красного. — Раз — и никого не стало. Не бойся. Это не больно, насколько мне известно. Да и ты уже к этому моменту будешь мёртв. Так что беспокоиться не о чем.

Уголки губ Вознесенского дёрнулись, и он рассмеялся. Запрокинул голову и, схватившись за живот, затрепыхался в своём смехе. Марьяна, на другом конце подвала, склонилась над небольшой чугунной — по мнению Андрея — чашей, но вскинула голову, стоило ей услышать порубежные раскаты голоса Стаса. Джеймс боязливо? отступил в сторону, поравнявшись со связанным Андреем.

— И ты... ты ничего не сделаешь? — просипел Морозов, неожиданно сорвавшимся от испуга голосом.

Джеймс несколько удивлённо взглянул на него, выгнув дугой бровь, и недовольно поджал губы, словно вопрос Андрея был ему неприятен.

— А я должен?

— Ну мне казалось...

— Перекрестись, — раздражённо оборвал его тот. — Ну или что там твоя религия предполагает в этом случае. Я обещал помочь вам с проблемой Стаса. Но, как я потом вам же и сказал, помочь я никак, увы, не смогу. Поэтому теперь я просто безмолвный наблюдатель. Жду развязки истории.

— Будешь просто смотреть, как меня убьют? — маленькие волоски на руках Андрея

зашевелились от пробежавшего по ним ледяного воздуха.

Морозов схватил ртом воздух, но вместо этого тот повалил из его города обратно, срываясь с губ кровавыми каплями.

— А ты догадливый, — оскалился Джеймс. — Думал, тебе потребуется больше времени, чтоб сообразить, зачем ты здесь.

— Не трудно понять, когда об этом говорят каждые пять минут, если ты вдруг прослушал.

— Научился кусаться?

— Хочешь оценить?

— Нет, спасибо, — скривился Джеймс, отряхну с плеча невидимые пылинки. — Ты слишком скверно выглядишь, чтобы ещё больше подвергать тебя опасности.

Он замолчал. Рассматривал Андрея своими светящимися в полумраке золотистыми глазами и иногда хмыкал.

— Вселенная действительно уродлива, — наконец вздохнул Джеймс, — мальчишка. Поверь, ты бы не захотел с ней встретиться вживую.

— А ты как будто ее видел, чтобы так говорить, — едко выплюнул Андрей, пытаясь немного отползти в сторону, но вместо этого упираясь спиной и затёкшими руками в стену.

— Я? — Джеймс на секунду задумался, словно вспоминая что-то, а затем тряхнул каштановыми кудрями. — Нет. Никто из нас не встречал это создание. Но мы много слышаны о ней. Тьма, что поглотит нас всех в конце времён. Слышал о тёмной материи?

— Э-э-э, за неё предлагают много денег, да? — как студент на экзамене, поинтересовался Андрей, ловя расплывающимся взглядом хоть что-то, что могло бы в лице Джеймса намекнуть на то, прав он или нет.

Тот едва заметно улыбнулся и хлопнул в ладоши.

— В точку. Все считают, что она существует. Но никто не может ее потрогать. Тем не менее она занимает собой почти весь космос, оставляя нам, живым существам, лишь малую часть. Не знаешь, почему?

— Нет.

— Вот и я тоже, — театрально вздохнул Джеймс. — Хотя...

— Хорош ему заливать. — Описать тон Вознесенского было практически невозможно. А вот смотрел он на Джеймса и Андрея так, словно они предлагали ему манную кашу с растопленным маслом в школьной столовой: с отвращением, чувством собственного превосходства и презрением к их умственным способностям. — *Его* не существует. Это глупые сказки, чтобы пугать маленьких элементаристов. И ты прекрасно об этом знаешь. — Он обернулся к Марьяне и нескольким суевающимся вокруг неё людям в черном. — Нам пора начинать. Луна почти взошла.

— В таком случае, — Джеймс вскинул ладони вверх, словно сдавался, и сделал несколько шагов назад, — я умываю руки. Все, что произойдёт, будет на твоей совести. — Он осуждающе ткнул пальцев в Вознесенского.

— Да брось. Не хочешь увидеть родителей? — тёмная бровь Стаса насмешливо-скептически изогнулась, как и его губы.

— Что?.. — Джеймс подавился воздухом, но договорить ему Вознесенский не дал.

— Начинаем!

Стас впихнул в руки Джеймсу пустую лоснящуюся жиром тарелку из-под пельменей и, подлетев к Андрею, резким движением поднял его на ноги.

Марьяна уже ждала его в центре подвала. Она кружила вокруг своего небольшого чугунного котелка, кидала в него какие-то травы: когда ведьма поднесла руку к содержимому чаши и выпустила в неё тонкие струи воздуха, на Андрея пахнуло насыщенным ароматом укропа, — и иногда подливала разных цветов жидкости. Их неоновно-ядовитый оттенок сразу впивался в память, отпечатываясь неровными светящимися линиями. Около спирального узора Андрея перехватили двое щуплых низеньких парней в длинных черных мантиях — кажется, он видел точно таких же на кладбище в ночь, когда вляпался во все это. Сил сопротивляться не было, короткие быстрых вдохи не опьяняли кислородом, и Андрей с лёгкостью позволили усадить себя на место Александры.

Чьи-то руки схватили его за лодыжки, а затем их чем-то обвязали, впиваясь грубыми нитями в кожу даже через штаны. Руки развязали и, потянув назад, уложили Андрея на спину, кажется, в букву «У». Запястья обожгло шершавыми верёвками, и он только сейчас смог повернуть голову, глядя на копошащуюся рядом Марьяну.

— Знаешь, — язык еле повернулся, и слова забулькали в горле кашлем, — если хотела ролевых игр, могла просто попр...

— Заткнись. — Малиновая голова Марьяны нависла над ним, пальцы с силой сжали челюсть, заставляя открыть ее, и в рот Андрею тут же зачихнули какую-то тряпку. — Ничто не должно мешать ритуалу. Одно неверное движение — и ты останешься заперт до конца времён между реальностями.

В ее руках что-то блеснуло — длинный инкрустированный разноцветными камнями кинжал, от которого исходил такой же ледяной ветер, как от ладони, коснувшейся груди Андрея. Марьяна закрыла глаза: невидимая сила тут же ударила Морозова в грудь, она вогнулась, а Андрей вскинул голову, жадно хватая ртом воздух. Рука Марьяны давила, вжимала в пол, а затем в одно мгновение исчезла. Дышать стало легче. Сердце забилося медленней, и Андрей устало уронил голову на землю.

Острый конец кинжала уперся ему в живот и, подцепив лёгкую ткань футболки, Марьяна взрезала ее. Разорванные тряпки обвисшими концами опали в стороны. Пальцы ведьмы зачерпнули что-то из чаши и прижались к коже Андрея, там, где и без того редкие светлые волоски, становились еще бледнее и совсем исчезали в аккуратном узелке пупка. Кончики пальцев Марьяны были мягкими, и ведьма, нараспев выговаривая непонятные слова, начала вырисовывать на животе Андрея спирали. Иногда она снова зачерпывала травы, продолжая рисовать — казалось, она пыталась повторить на нем узор, на котором он лежал: сначала спираль вырисовалась на его животе, затем, на секунду замерев в районе солнечного сплетения, пальцы двинулись выше — к одному из сосков, скрупулёзно обводя кожу вокруг него тёплой маслянистой субстанцией.

Марьяна действовала методично. Андрей даже немного приподнялся, чтобы рассмотреть получающийся на его груди узор. Кожу под линиями и спиралями жгло, но эта боль была приятна, и Андрей закрыл глаза, постепенно расслабляясь под уверенными движениями ведьмы.

Чтобы в следующую секунду ослепнуть от пронзившей его сознание боли. Лезвие кинжала плавно скользило по коже, оставляя после себя багровые полосы и невыносимое жжение. Андрей задёргался, пытаясь увернуться, когда Марьяна остановилась, вжав конец кинжала ему в солнечное сплетение. Кто-то снова схватил его, прижимая плечи к полу. Ведьма сильнее надавила на кинжал — тот легко вошёл в кожу, оставляя после себя ровные края раны. Когда же она провернула его внутри, Андрей смог только удивиться, как он еще

не отключился.

— Это побочный эффект. Чтобы ты был в сознании, — мурлыкнула ему на ушко Марьяна, оставив на нем короткий поцелуй.

Кажется, она еще и мысли читать умела.

Еще раз провернув оружие в ране и удовлетворённой хмыкнув от сдавленного тряпкой во рту крика Андрея, Марьяна провела кинжалом дальше, вверх, снова выводя спирали на его коже. Каждое движение раскалёнными углями отзывалось в голове Андрея, каждый поворот лезвия — взрывался оранжевыми фейерверками, выжигался в памяти и оставлял свой багровый росчерк. Кожа расходилась под кинжалом, словно его подержали сначала в огне, а Андрей был куском свежего масла.

Наконец, Марьяна замерла. Мгновения длились слишком долго, чтобы Андрей смог сказать, сколько он пробыл без этой пытки. Он слышал только своей сердце и неровно дышал. Хлёткая пощёчина заставила распахнуть глаза и посмотреть на Марьяну. Ее глаза горели в полумраке, измазанные в крови пальцы откинули чёлку со лба, оставив на нем тёмные разводы, а кинжал в руке упирался Андрею в грудь ровно там, где, как он помнил из уроков биологии, находилось сердце. Сдув на этот раз малиновые пряди волосы, что снова упали на лоб, Марьяна положила вторую ладонь поверх рукояти кинжала и надавила: склизкий хлюпающий звук донёлся до слуха Андрея, потонув в разлившейся по телу боли.

— Да окропится кровью твоей священный алтарь! Да восстанут Верховные из небытия! Да будет разрушена эта иллюзия!..

Марьяна замерла, вскинув растерянный взгляд куда-то в сторону. Андрей повернул голову вслед за ней — шум доносился из тайного прохода, через который они пришли сюда в прошлый раз. Что-то зашевелилось в темноте, громко закричало и из-за покосившейся доски показалась светловолосая макушка Феликса.

Вознесенский появился перед Андреем вспышкой зеленой молнии. Из-за его спины не было возможности ничего разглядеть. Морозов видел, как Стас поднял руки и три раза медленно хлопнул в ладоши, как заправский кинозлодей. Разве что не начал истерично смеяться.

— О, а вот и наши дорогие гости! — Вознесенский развёл руками, насмешливо приветствуя «команду спасения» (Морозов не сомневался, что это была именно она). — Не стесняйтесь. Я уж думал, что вы не придёте.

Андрей тоже так думал. Надежда, что Александра за ним придёт таяла на глазах, пока Марьяна проводила свой ритуал. Теперь же что-то в его душе воспряло, заставило поверить, что его не бросили и скоро он выберется из этого Ада.

Давление на грудь исчезло. Но только потому что на смену ему пришла тупая жгучая боль. Сердце болезненно сжалось, забившись как-то медленней, грудь заныла, а из горла вырвался хриплый агонизирующий кашель, осевший на губах металлическо-багровой пеной. Андрей метнулся взглядом на Марьяну, но смог только остановиться на кинжале в ее руках...

...лезвие которого полностью скрылось в его груди, поблёскивая в свете лампочки окрасившимися в кровь камнями.

Глава 19. Если я пойду и долиною жизни

Падать с высоты полутора метров было больно.

Еще больнее было падать на кряхтящего под тобой Феликса, которому «по статусу» не полагалось вести себя, как рафинированному и разбалованному короткой жизнью человеку.

Однако стоило сказать «спасибо» Феликсу в принципе за то, что он подвернулся в качестве матраца при падении. Иначе Александра Звягинцева отделалась бы не лёгким испугом и парой ушибов, а сломанными конечностями и сотрясением мозга. И это в лучшем случае.

Разумеется, их появление не осталось незамеченным. Только идиот не услышал бы громкую ругань Феликса и возбуждённые перешёптывания близнецов Громовых. Только Антон и Александра оставались сдержанно молчаливыми, тайно лелея надежду, что им удастся напасть врасплох. По крайней мере именно так думала Александра, пока сильные руки мужчин в темных балахонах тащили ее на божий свет.

— Не думал, что вы вообще придёте. — Стас встретил их театральными хлопками и разве что не раскланялся. — По моим подсчётам, это... должно было произойти еще минут пятнадцать назад.

— Задержались, — едко выплюнула Александра, пытаясь сбросить с себя хватку подопечных Стаса. — Пробки.

Кажется, единственным, кого пока не обнаружили, оказался Дима — он шёл немного позади них и наверняка заметил, как остальных схватили, стоило только спрыгнуть вниз с лестницы. Александра не слышала, чтобы он спустился с неё, а потому надеялась, что младшему Вознесенскому хватит хоть немного ума, чтобы не вылезать раньше времени прямо в лапы собственного «брата».

Антон и его команда даже не успели ничего понять, когда их скрутили. Подручные Стаса вели их уверенно, выстроив около стены, противоположной той, что Александре показывал Джеймс. К слову, Звягинцева была несколько удивлена, заметив своего теперь уже старого знакомого неподалёку: он сидел на небольшой горке из кирпичей, рядом с ним валялась пластиковая тарелка, и сам Джеймс наблюдал за всем со скучающим взглядом. Он даже приветливо помахал Александре, когда заметил на себе ее тяжёлый взгляд. Нет, он определенно издевался — по коже Звягинцевой пробежали мурашки от воспоминаний об их небольшом путешествии обратно по коридору, а щеки тут же загорели болезненным румянцем.

На этот раз голосов не было. В подвале было все так же прохладно, как осенью, но Александра не слышала никого, кроме присутствующих. Она не ощущала давления, которое оказывала на неё эта стена в прошлый раз, не слышала странного шёпота, который умолял и приказывал дотронуться до этой проклятой стены. Только тишина в голове и бьющиеся о череп мысли.

Взгляд зацепился за копну малиновых волос. Марьяна сидела в центре подвала с... Глаза Александры округлились не то от оцепенения, не то от ужасающего до костей трепета. Андрей был «распят» на полу, прямо под вытянутыми руками Марьяны, сжимавшими кинжал. Его лезвие едва выглядывало из груди Морозова. Тонкие струйки крови стекали по бокам стажёра, опали на землю, собирались в крупные ручейки и бежали по спиралеобразному узору на полу. Казалось, кинжал высасывает из Андрея кровь. Иногда

Марьяна поворачивала лезвие в груди парня, и потом багровой жидкости вырывался наружу с новой силой. Узорчатый рисунок наполнялся кровью Морозова и слабо светился зеленоватым светом.

Во рту у Александры пересохло — на месте Андрея могла и практически оказалась она. — Марьян, что...

— Выясните отношения потом, ладно? — Вознесенский появился перед Александрой, схватил двумя пальцами за подбородок и приподнял лицо. — Мы ведь не хотим лишних слез. Да и твоя... подруга слишком занята в данный момент.

Звягинцева упрямо дёрнула головой, но Стас лишь сильнее сжал ее челюсть. Кожа его перчаток холодила, но Александра чувствовала как под ней пылают кончики его пальцев. Стас рассматривал ее, вертел голову из стороны в сторону, словно она была товаром на рабовладельческом рынке, и хищно улыбался. Оторвать от него взгляд было практически невозможно, и все же Александра дёрнула еще раз плечами, в слабой попытке высвободиться.

Вознесенский отпустил ее подбородок, глядя на Звягинцеву с наклонённой головой. Где-то сбоку предупреждающе зашипел Феликс: один из людей в балахонах — Александра почувствовала, как кровь отлила от ее лица: именно их она видела на кладбище, — запихнул в рот вампиру горсть свежей мяты. Феликс зашёлся кашлем. Из его рта потекла пенящаяся кровавая пена, и он попытался сплюнуть на землю, но рука стоящего сзади «конвоира» зажала ему рот. Звягинцева отвернула, не в силах смотреть на страдания кузена, и подавила слабый рвущийся наружу всхлип.

— Да бросьте. Привели подмогу? — Стас иронично фыркнул, посмотрев на притихшую команду Антона. — Серьёзно? Ритуал уже начат — если прервать его сейчас, мы все окажемся в огромной опасности.

— Почему? — собственный голос казался Александре незнакомым: тихий, хриплый и далёкий, он звучал едва различимо в творившейся вокруг вакханалии.

— Стена нестабильна, — Стас пожал плечами, словно это было очевидной вещью. — В данный момент она подпитывается кровью твоего стажёра, но через несколько минут он умрёт. Последствия этого будут... катастрофическими. Для вас разумеется. Если, конечно, я не исправлю ситуацию. Так что в ваших интересах не мешаться.

Вознесенский улыбнулся и положил ладонь на грудь Александры. Пальцы несильно надавили на кожу сквозь ткань, словно он пытался пробраться внутрь, прямо к ее сердцу. С каждой секундой дышать становилось больнее. Серые глаза Стаса смотрели на Александру, пока его губы замерли в нескольких миллиметрах от неё, а рука давила на грудную клетку. Слабая боль разливалась по телу, когда облачённые в кожу пальцы Стаса до крови вонзились ногтями в кожу Звягинцевой. Он продолжал смотреть на неё, перебегая взглядом с глаз на губы, и наклонился ближе, обдав своим горячим дыханием...

...а затем резко зашипел, одёрнув руку. Выстрел оглушил Александру. Она слепо заозиралась пытаясь найти источник звука, которым оказался Дима.

Он медленно вышел из-за покосившейся деревянной балки, еще несколько раз выстрелив в «брата». Стас только вздрогнул и сделал несколько шагов назад. Было трудно считать выражение его лица — спокойное и умиротворённое, оно ничем не выдавало ярости, пылающей внутри Вознесенского. Только его зрачки то и дело меняли свою окраску с зелёного на бордовый и фиолетовый, а затем выцветали, пульсируя.

— Вы снова за старое? — сквозь сжатые зубы низким голосом процедил он. — Мне

казалось, мы...

Раздался еще один выстрел — но на этот раз пуля не достигла своей цели.

— Марьяна, что!..

Вытянув руку, Марьяна словно удерживала пулю потоками воздуха, а затем, сжав пальцы, сдавила кусочек метала и небольшой шарик. Когда же она ослабила руку — то, что некогда было пулей опало на пол с глухим ударом.

— Какого?..

Александра вздрогнула, услышав знакомый голос Ростислава. Он стоял в дверях, нахмурившись и глядя исподлобья на вытянутую руку Марьяны.

— Ты должен был прийти раньше! — прохрипела Александра.

— Я пришёл, как смог. — Ростислав хмыкнул и, дёрнув форменную жилетку за края, обвёл взглядом всех присутствующих. — Что у вас тут вообще проис... — он подавился воздухом под сдавленный крик Леры. Вознесенский появился перед ним неожиданно, вспыхнув ярким травянистым пламенем, — ...ходит. Какого хрена?..

Ростислав медленно опустил голову, глядя на пробитую рукой Стаса грудь. Уверенное жёсткое движение, и рука Вознесенского вырвала сердце Дементьева. Ростислав еще несколько секунд непонимающим взглядом смотрел на пульсирующий кровавый комок в ладони Стаса, а затем его глаза закатились и он бесформенным мешком картошки повалился на землю.

Единственным, что могла сделать сейчас Александра, это продолжать дышать. Звягинцева смотрела то на безжизненное тело своего бывшего координатора, то на торжествующего Стаса. Тихий голос в ее голове упорно твердил, что на месте Ростислава должна была быть она, и это эгоистично успокаивало Звягинцеву. Нельзя было быть столь влюблённой в себя, но ощущение миновавшей ее смерти скинуло с плеч тяжёлую невидимую мантию.

— Если что, это не моё желание, а *твоего* хахаля. — Вознесенский обернулся на Александру. — Всё-таки что-то в нас есть общее. Впрочем я никогда не ошибаюсь в своих предположениях. И в чем был смысл его знать, Саша? — Стас вальяжной походкой подошёл к Звягинцевой, сжимая в руках сердце Ростислава. — В чем был смысл приводить всех этих людей? Чтобы повеселить меня? Устроить эффектное появление? Или успокоить своё эго? Их приход бессмыслен, и это прекрасно знаешь. Мы могли обойтись тобой, мной и твоим щенком-стажёром. Но ты решила, что этого будет недостаточно. Не могу не похвалить. Мне нравится твоё пренебрежение чужими жизнями. — Его губы растянулись в ухмылке, и он погладил окровавленными костяшками пальцев щеку Александры, оставляя на ней стягивающие кожу следы. — Ещё будут вопросы? Нет? Тогда продолжаем. Держи своё сердце. Оно вроде было нужно для ритуала.

Вознесенский бросил сердце через плечо, даже не глядя куда.

— Да, спасибо, — промямлила Марьяна, неловко поймала из рук Стаса скользкое, еще пульсирующее сердце, едва не выронив его.

— Приступай. Не заставляй меня ждать. — Стас рыкнул и отошёл наконец от Звягинцевой, оставив после себя неприятное липкое ощущение беспомощности.

Марьяна несколько долгих секунд смотрела на сердце в своих руках. Одной рукой она нащупала стоящую в стороне чугунную чашу, пододвинула ее ближе и опустила внутрь сердце. Отерев кровь с ладоней о светлую ткань джинс, она трясущимися руками достала из сумки рядом блокнот, раскрыла его не животе у Андрея и вновь взялась за рукоять кинжала,

обхватив ее левой рукой, а правую ладонь положив сверху.

— Да окропится кровью твоей священный алтарь! — Марьяна с силой надала на верхушку рукояти кинжала; по блестящему металлу побежала тонкая струйка крови, в груди Андрея что-то хрустнуло, и он громко не то крикнул, не то захрипел. — Да восстанут Верховные из небытия! Да будет разрушена эта иллюзия, что зовётся миром! Да опустятся тёмные времена и поглотят отвернувшихся от света! Мы возродимся из тьмы, как Верховные родились из неё. Мы станем светом, что освещает путь во тьме. — Вжимая кинжал в грудь Андрея, Марьяна потянулась, достала из сумки небольшую шкатулку и, открыв ее, достала небольшой бутылёк. — Я взываю к силам природы. К Воде, что даёт нам жизнь. — Пробка вылетела из стеклянной ёмкости, и Марьяна вылила ее содержимое на покоящееся в чугунной чаше сердце. — К Земле, из которой мы рождаемся и в которую уходим. — на этот раз из шкатулки появилась баночка с землёй, которую Марьяна поспешила неуклюже высыпать одной рукой. — К Воздуху, что уносит с собой наши грехи. — Ладонь ведьмы опустилась на сердце, и Александра смогла заметить, как вылетевшие из кончиков пальцев маленькие струи воздуха разогнали с блестящей поверхности сердца густые капли крови. И... — Марьяна осеклась, с силой сглотнула и сжала пальцами рукоять кинжала, роясь другой рукой в коробке, — к Огню, что уничтожает, возрождая из пепла безумия. Я взываю к вам — примите эту жертву, придите и очистите этот мир от скверны! Да будут таковы мои слова.

Послышался короткий щелчок, и появившаяся в руках Марьяны зажигалка, заставила содержимое жертвенной чаши вспыхнуть. Сердце горело, как на гербе какого-нибудь знатного дома, пылало в липких желтовато-белых языках и плыло, когда на него смотрели. Огонь отбрасывал на лицо Марьяны пугающую тень: черты ее лица искажались в плавающих черных узорах, а безумный взгляд бегал по распластавшемуся перед ней Андрею, чаще с пылающим сердцем и блокноту, с которого она считывала странное заклинание.

Удивительно, но сердце, очертания которого плыли перед взором Александры в языках огня, никак не хотело сгореть до конца, словно его окружала невидимая защита. Послышался громкий хруст, и лезвие кинжала вскрыло грудную клетку Морозова. Кажется, он все еще был жив, потому как смог слабо повернуть голову и бросить полный ужаса взгляд на Александру. Отложив оружие в сторону и отставив чашу, Марьяна просунула пальцы в зияющую дыру на груди Андрея и с усилием развела ее края в стороны, обнажая слабо бьющееся изуродованное сердце студента. Глубоко вдохнув, она обхватила его ладонь и резко потянула на себя — слабый взглас снова вырвался из Андрея, и он подавился ударившимся о тряпку во рту воздухом. Перекатывающееся едва заметным пульсом сердце теперь печально покоилось на ладони Марьяны, капая на обнажённую грудь Морозова разорванными краями толстых сосудов. На месте, где когда-то был такой важный орган, теперь зияла черная дыра, быстро наполнявшаяся оставшейся в организме кровью, что не могла найти, куда бы ей потечь дальше.

Грудь Андрея медленно вздымалась, — Александре оставалось только догадываться почему он все еще жив, но с каждой секундой его дыхание становилось все медленней. Мгновение, и рисунок на его груди засветился, и Морозов сделал несколько глубоких вдохов. Отложив сердце Андрея в открытую коробочку, Марьяна протянула руки к пылающей чаше. Аккуратно и медленно обхватив скользкими от крови руками все еще горящий орган, ведьма вложила его в дыру в груди Андрея.

Стас напряженно замер, вглядываясь в полыхающее сердце. Как и Марьяна. Раздался

негромкий хлопок — в последний раз взметнувшись длинными уродливыми языками вверх, огонь погас, а обугленное сердце замерло.

Бровь Вознесенского удивлённо выгнулась. Он еще несколько мгновений смотрел на Марьяну, а затем негромко прошипел:

— И? Почему ничего не происходит?

— Я... — Марьяна растерянно глядела то на свои окровавленные руки, которыми пыталась описать в воздухе непонятные силуэты, то на замолкнувшее сердце, — я не знаю. Я... Я сверялась с источниками. Все должно было сработать. Жертва, воззвание к Верховным. Созидание с разрушающим огнём. Квинтэссенция их сил должна была уже дать трещины в нашей реальности, если только...

— Если только что? — Стас начал медленно приближаться к Марьяне, наклонив голову немного набок, как и весь корпус, и не моргая глядя на ведьму.

— Если я не упустила что-то.

Вознесенский подлетел к Марьяне мгновенно, поднял на ноги, встряхнул и, схватив за горло облаченной в черную перчатку рукой, прижал к стене. Он несколько раз встряхнул Марьяну, ударив ее головой о мокрый кирпич, на котором тут же отпечатались слабые следы крови.

— Подумай ещё раз хорошенько. — Стас приблизил своё лицо к лицу Марьяну, громко зашипев, словно был раскалённым металлом, который залили ледяной водой. — Что ты могла упустить, когда готовила свой ритуал? Бабушкины заметки на полях? Мелкий шрифт в договоре? Сноску, которую никто никогда не читает, потому что она на французском? Что, Марьяна, ты могла упустить?

— Я не знаю, — жмурясь, прокряхтела ведьма. — Они должны быть все там. Все до единого. Ритуал должен был сработать.

Кажется, сейчас напряглись все находящиеся в подвале. Температура резко упала, кончики волос покрылись лёгким инеем, а конечности заледенели — Звягинцева не чувствовала своих пальцев.

— Мне одному стало как-то слишком холодно? — сплюнув на землю все еще пенящуюся слюну и прохрипев, Феликс поёжился, и Александра заметила какими синими стали его губы.

Вампиры не мёрзнут. Это Звягинцева выучила ещё на первом курсе. И от этого кожа покрылась маленькими вездесущими мурашками, волосы на голове зашевелились, а ноги обмякли, и единственным, что удерживало Александру были руки помощника Стаса. Антон только недовольно хмыкал, то и дело повторял, чтобы его не слишком сильно держали, он все равно никуда не пойдёт, и поглядывал на тело Ростислава — кажется, он прикидывал шансы стать следующим старшим координатором петербургского филиала «Лихобор». Александра смогла на это только закатить глаза и хмыкнуть.

Вознесенский еще несколько раз встряхнул Марьяну, ударив ту головой об стену, а затем отступил на шаг.

— Что ж, — Стас медленно отпустил Марьяну, не сводя с неё взгляда. — Тогда сделаем по-моему.

Он резко развернулся, подлетел к лежащему на земле Андрею и, разорвав верёвки, что держали руки Морозова привязанными к небольшим кольям, резким движением подхватил его, заставляя подняться на ноги. Сердце опасно покачнулось в груди Андрея, но к удивлению Александра не выпало. Марьяна же тут же бросилась к своим вещам и, сгрёбши

их в охапку, спотыкаясь убежала в темноту секретного прохода. Вознесенский только проводил ее полным презрения взглядом.

Неуклюже подтащив Андрея к стене, Стас остановился и, впихнув руку в зияющую расщелину на груди Морозова, схватил сердце, пробив студенту спину. Кровь длинными уродливыми нитями стекала с руки Вознесенского, когда его ладонь сжимала обгоревший кусок мышц. Андрей растерянно смотрел на Стаса несколько долгих секунд, то и дело вздрагивая...

... а затем с силой ударил его лбом в нос.

Вознесенский покачнулся и отшатнулся, выдернув руку с сердцем. Он неверящим взглядом смотрел на Морозова — в его системе координат живой труп не мог с такой силой ударить существо вроде него. Стас низко зарычал, замахнулся зажатым в ладони органом и попытался схватить Андрея. Время словно замедлилось. Андрей изогнулся, балансируя на связанных ногах, и толкнул Вознесенского в бок, в сторону истекающей ржавой водой и покрывшейся новыми трещинами стены. Стас неловко взмахнул руками. Он пытался найти равновесие, но вместо этого упал спиной на стену. Это был первый раз за все время, когда Александра увидела на лице «одержимого» Вознесенского эмоцию, помимо надменности — в его глазах отразился настоящий первобытный испуг перед чем-то, что было сильнее самого Стаса.

Восклик послышался из-за спины Александры, — она обернулась вместе со своим «конвоиром» в тот момент, как Феликс ловко вывернувшись, вцепился клыками в шею одного из подчинённых Стаса, вырывая из нее добрый кусок и сплевывая на пол. Звягинцева не обладала быстрой скоростью и острым зрением, а потому едва успела уследить за тем, как Феликс оказался рядом с Андреем и Вознесенским, схватив Морозова за предплечье.

— Андрей!

— Стас!

Александра и Дима вскрикнули одновременно, слившись голосами в отчаянном вопле. Феликс потянул на себя Андрея и повалился вместе с ним на землю, смазав пяткой сияющий спиралевидный рисунок. Несколько раз глухо вспыхнув узор погас. Вознесенский потянулся вслед за ними, но просочившееся сквозь одну из трещин черное дымчатое щупальце схватило Стаса за руку и потянуло на себя. Тут же изо всех расщелин потянулись новые струйки пугающей субстанции, оплетая Вознесенского и притягивая ближе к стене. Хватка на руках Александры ослабла и державший ее человек отпустил их. Испуганно бормоча что-то он попятился к выходу и вылетел из подвала, споткнувшись о труп Ростислава. Вскоре за ним последовали и остальные, оглядываясь полными ужаса взглядами, они едва не затоптали бездыханное тело бывшего начальника Александры.

Теперь на неё смотрели только глаза Стаса, полыхавшие ядовитым багровым огнём. Несколько щупалец вспыхнули зелёным и растворились, но на их место пришли новые. Вознесенский боролся, выжигал черные струи дыма, растворял их, стоило им только дотронуться до его побелевшей и налившейся вздувшимися венами кожи. Он побеждал в этой игре — щупальца начали немного отступать, продолжая удерживать Стаса, и предпринимая попытки утащить его за собой.

Пока перед ним не возник Джеймс, сжимавший в ладони нечто, напоминавшее Александра копьё.

— Прости. Ничего личного, *братишка*. — Ловко перевернув деревянную палку в руках, Джеймс вонзил ее в грудь Стаса и, надавив, вжал того в стену.

Нечеловеческий крик вперемешку со странным шипением пронзил подвал.

И в следующую секунду все вокруг залило ярким зелёным светом. Он ослеплял и выжигал глаза, оседая на языке чесночным привкусом.

Когда Александра открыла веки, Стаса уже не было. Как и трещин на стене. Они затянулись, словно их там никогда и не было, кирпич выглядел новым и только уложенным, а опавшие на землю отломившиеся куски исчезли. В подвале стало тепло — морозный холод отступил и на лбу Александры даже выступила испарина. Джеймс тяжело дышал — его взлохмаченные волосы опадали на лоб неровными кудрями. Он стоял согнувшись: ладонями упирался в колени и ловил ртом воздух, словно произошедший взрыв не коснулся его, но все равно немного задел.

Феликс накрыл собой Андрея — ткань рубашки на спине вампира была выжжена, а кожа под ней покрылась уродливыми ожогами, пенилась и дымилась. Он слабо приподнялся и, сев, перевернул Морозова, уложив головой себе на грудь.

Ноги не слушались Александру. Каждый шаг давался через силу, и оказавшись около Андрея, Звягинцева смогла только упасть на ноги. Глаза щипало от раздражения — забытое Александрой чувство. Кажется, последний раз она была такой же разбитой... она даже не могла припомнить когда. Наверно, только в тот день, когда дед привёл ее на кладбище к родителям.

Морозов все еще был каким-то чудом жив — рисунок на его коже пульсировал слабым зелёным светом, то прерываясь и затухая, то разгораясь вновь. Дима подоспел вслед за Александрой. Его лицо пылало от негодования, и он, склонившись над Андреем, схватил его за руку и зачем-то потянул.

— Ты... — младший Вознесенский подавился воздухом, — ты снова все испортил!

Рассеянный взгляд Морозова едва ли смог найти лицо Димы, остановившись где-то на потолке.

— Как жаль, что мне по... — слова едва слышно вырвались из приоткрытых губ Андрея, и затихли, оборвавшись.

Рисунок на груди Морозова в последний раз бледно вспыхнул и затих. Как и сам Андрей. Феликс перехватил его под руку, несколько раз встряхнул и побил по щекам.

— Эй-эй-эй, мелкий, ты чего? Морозов, не смей!.. — вампир тряс Андрея, как будто это могло что-то изменить.

Александра же только смотрела на то как застекленевшие глаза ее стажёра смотрели на мрачный влажный потолок. Нет, это были не капли воды, упавшие ей на лицо, — Александра рассеянно смахнула побежавшие по щекам слезы, сглатывая скопившуюся на губах соль. Антон неуклюже переминался около выхода вместе с Максимом и Лерой — зачем она только их звала?

Негромкий шаги Джеймса шаркающим эхом разнеслись по подвалу. Он остановился около Александры, с бесстрастным выражением разглядывая навсегда замершего Андрея.

— *Погиб поэт!* — невольник чести, — нараспев протянул Джеймс. — К счастью, этого поэта молва ещё не успела оклеветать.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — осипшим голосом спросила Александра, обернувшись на него снизу вверх.

Джеймс язвительно оскалился.

— Сделать? Ахалай-махалай, например? — слова едкими жирными каплями сорвались с его губ, опав на лицо Александры. — Нет. Для всего в этом мире есть свои законы. Люди

рождаются и умирают без нашего вмешательства. Мы лишь следим, чтобы все функционировало, и пресекает нарушения законов. Он умер. Как и твой брат. Чем раньше вы это примите, тем будет лучше. И советую воздержаться от необдуманных поступков. — Он бросил на Диму предупреждающий взгляд. — У меня нет желания заставлять уборщиц соскребать твои жалкие останки со стен этого подвала. Тут и без того... — он осмотрелся и, осуждающе цокнув языком, покачал головой, — грязно.

Джеймс постоял еще немного, затем вздохнул и, обогнув Александру, направился к выходу. Он удалялся достаточно быстро, но недостаточно, чтобы Звягинцева не смогла на затёкших маленькими иголочками ногах подняться и, спотыкаясь, догнать его.

— И все? — она схватила Джеймса за руку, разворачивая к себе и заглядывая в светящиеся золотом глаза. — Все закончится вот так? — она махнула рукой на Андрея.

Джеймс смотрел ей в глаза не моргая. Он даже не сводил с неё взгляда, когда сильные пальцы отцепляли от своего предплечья небольшую женскую ладонь. Губы Александры снова стали солёными, и Джеймс небрежно смахнул влажную дорожку, размазав ее по щеке.

— А какой конец ты ожидала увидеть? Тот, что будет по душе именно тебе? — кажется, он старался не звучать слишком саркастичным, но едкие колочие нотки просачивались сквозь его спокойный тон. — Со свадебным платьем, алтарём и кучей детишек от Вознесенского? Ты знала концовку этой истории. И обманывала себя. Могу обрадовать лишь в одном — *это* лучшая сейчас для вас концовка. Вы живы. Этот мир не полыхает в огне, а эта чёртова стена, — он тукнул в ряды кирпичей за спиной Звягинцевой, — все ещё стоит, оберегая от...

— От того, что скрывается за ней. — Голос Марьяны раздался из темноты, а вскоре оттуда появилась и сама ведьма, держа в руках поднятую карту «Император». Растрёпанная, она напоминала призрака самой себя, ее малиновые волосы были взлохмачены и слиплись на затылке кривой короной окрасившихся в кровь волос. — От пустоты, что наблюдает за нами. Тьмы, что поглотит наши души. Но это лишь временный пластырь на трещинах мироздания.

— Откуда ты знаешь? — подал голос Антон.

— Карты так сказали, — огрызнулась на него Марьяна, спешно пряча карту в голоду. — А теперь я вас оставлю. Нужно собрать вещи. И... — ее взгляд скользнул по покоившемуся на руках Феликса Андрею, и перешёл на Диму, — мои соболезнования. Стас был хорошим товарищем, — ослабилась ведьма.

Марьяна исчезла во тьме так же неожиданно, как и появилась. Только ее побледневшие неожиданно ставшие серебристыми глаза, казалось, еще долго смотрели на Александру из глубины полумрака коридора. Антон неловко кашлянул и, извинившись, поспешил уйти из подвала. Вслед за ним ушёл и Максим, а Лера, подойдя к Диме, взяла того за руку и потащила за собой к двери. Феликс же все так же держал на руках Андрея. Он казался Александре неожиданно подавленным, словно мог хоть как-то помочь Морозову, но не смог.

Забавно, они были знакомы всего несколько недель, а теперь Звягинцевой казалось, что она знала Андрея с самого сотворения вселенной.

— Оставьте его. — Джеймс осторожно коснулся рукой плеча Александры, возвращая ее в реальность. — Ремонтники заберут тело. И не благодарите за помощь. Я сделал это не ради вас. Мой брат не умер, но может теперь немного подумать о своем поведении.

Он немного помолчал, а затем, помрачнев, добавил:

— Но теперь у нас есть время подумать, что делать дальше.

Глава 20. Рассвет

Солнце мягкими лучами согревало крыши Петербурга. Александра жмурилась под его обжигающим светом, отражающимся от металлического покрытия домов и оконных стёкол, и медленно покачивалась из стороны в сторону, обхватив колени руками. Июль неспешно пришёл на смену первому летнему месяцу, вытесняя короткие ночные перекуры и ранние подъёмы. И все же Звягинцевой хватало рассвета в четыре утра, чтобы не выспавшись выбраться на крышу и смотреть на горизонт, простирающийся над плоскими домами.

В окружавшей Александру тишине не было слышно ничего, кроме собственного сердца и мыслей, что окружали ее. Город медленно просыпался, автомобили негромко гудели вдалеке, а птицы в гнезде у водосточной трубы раскланивались новому дню переливами трели. Мир вокруг Александры уже давно проснулся.

Вот только она не хотела просыпаться.

— Шур, пойдём.

Феликс осторожно тронул Александру за плечо, но она лишь упрямо мотнула головой и уткнулась лицом в колени. Усталость прошедших недель накатила на неё приливной волной, сбила с ног и лишила понимания, где Александра находится, какое у неё место в жизни и зачем она вообще все это делает. Она хотела бы сказать, что прошедший день отзывался в памяти глазами Андрея, но вместо них она видела только холодные льдинки серых глаз Стаса, прежде чем он взорвался яркой вспышкой. Наверно, ей стоило сильнее привязаться к Морозову, но, Александра горько усмехнулась, ей было не до этого.

Она слишком была занята собственными принципами.

Феликс снова дотронулся до ее плеча, несколько раз мягко толкнул и, разочарованно выдохнув, опустил рядом, приобняв Александру. Интересно, где он только находил силы держаться на ногах после всего произошедшего? Наверно, проживи она столько же, смогла бы сохранять лицо как этот надоедливый вампир.

— Звонили из твоего офиса. Хотят видеть нас, — он замолк на секунду, — обоих.

Шмыгнув носом, Александра вскинула голову, встретившись взглядом с глазами Феликса. Конечно, она знала, что увидит в них своё отражение, в котором не будет ни капли намёка на бессонную ночь. Александра Звягинцева не умела плакать. Она могла только молча поджимать губы, замыкаться в себе и пожирать собственное нутро. Ведь большие девочки не плачут.

Даже когда им очень больно.

Губы Феликса по-доброму изогнулись в ухмылке, когда он по-отечески заправил за ушко Александры выбившуюся прядь. Шрамы на его лице за несколько дней стали удивительно бледней, но все еще пугали своими уродливыми краями и линиями. И стоило вампиру улыбнуться, как кожа в каком-нибудь из мест трескалась и текла багрово-черной жидкостью, прямо на его светлые штаны.

— Нужно идти, — снова повторил он. — Иначе они придут сами, а мы ведь этого сейчас не хотим, да?

Александра нехотя согласно кивнула и с помощью Феликса поднялась со скользкой после ночного дождя крыши. Сейчас ей не хватало только группы сотрудников «Лихобор» на пороге старенькой квартиры. Кузен обвёл ее спину скептическим взглядом и недовольно цокнул, а затем подхватил на руки и унёс прочь, на чердак, а затем и в квартиру этажом

ниже, оставленную Александре матерью.

До офиса они добрались быстро. В пять утра было мало желающих проехать на метро, и все же Феликс умудрился вступить в неравный бой с турникетом, который никак не хотел принимать у него жетон. Пусть это и выглядело так, словно он пытался хоть немного развеселить Александру своей наигранной неуклюжестью с современными человеческими «новшествами». К его чести, Звягинцева действительно смогла улыбнуться. Хотя и очень слабо.

«Лихоборы» встретили их пустыми коридорами, погашенным светом и только изредка возникающими из-за ширм головами некоторых сотрудников. Парочка охотников, три знахаря, развернувшись в другую сторону, стоило им только заметить Александру и Феликса, да два экзорциста, бросивших на Звягинцеву подозрительно-осуждающие взгляды. Словно это она лично вырвала Ростиславу сердце.

Да наверняка уже весь офис был в курсе произошедшего. Смерть ведущего координатора не могла остаться незамеченной. А в случае Ростислава Дементьева для кого-то она еще была и долгожданной.

В сообщении, присланном на телефон Александры, ее просили подойти в офис Ростислава. Как будто это могло хоть немного успокоить бьющееся в груди о ребра-клетки сердце. Колющее ощущение маленьких иголок расплзлось по венам, впивалось в них и разрывало на маленькие клочки. Она долго не решалась взяться за начищенную до блеска ручку двери — казалось, открой она дверь, и увидит там знакомые глаза Ростислава, услышит насмешливые замечания в свой адрес и опустится в знакомое кресло, в котором Дементьев, к удивлению, разрешал порой посидеть после очередного долгого задания, а сам стоял, пока ему отчитывались. Но вместо этого из-за двери раздался голос, который слышать Александра не хотела бы еще очень долго:

— Если будете стоять там еще дольше, я уйду.

Феликс осторожно отцепил ладонь Александры от ручки и толкнул дверь, впуская ее внутрь.

На месте Ростислава сидел Джеймс. Он даже не переоделся со вчерашнего дня, а выглядел так, словно пришёл в офис сразу же и прождал тут Александру все это время. Впрочем, она бы не удивилась, будь это действительно так.

— Проходите, — он расплылся в гостеприимной ухмылке и, закинув ноги на стол, жестом пригласил Александру и Феликса на стулья напротив. — Располагайтесь. Чувствовать себя как дома не предлагаю. Хотя не сомневаюсь, что для вас обоих «Лихоборы» всегда были домом.

Александра переглянулась с Феликсом. Они синхронно хмыкнули, но все же последовали приглашению Джеймса.

— Уверен, у вас есть очень много вопросов ко мне, — он развёл руками и, оттолкнувшись ногами, крутанулся на стуле. — Поэтому я по доброте душевной позволю вам задать один вопрос, прежде чем наши дороги окончательно разойдутся. Так что подумайте хорошо...

— Кто ты? — оборвала его Александра. — Что ты такое?

— О, — выражение лица Джеймса кричало, что он ждал этого вопроса больше всего на свете, — отлично. Но ты задала два вопроса, поэтому, увы, я могу ответить только на первый. Я Джеймс.

— Я это знаю. Кто ты? Ангел? Демон? Или что-то еще? — Александра откинулась на

спинку стула, сложив на груди руки.

Джеймс хмыкнул, еще раз крутанулся на мягком офисном кресле и, остановившись вновь закинул ноги на стол, даже не стряхнув с подошвы налипшую на неё подвальную пыль.

— Ангелы, демоны. Все едино. Это лишь человеческие попытки классифицировать окружающий мир, — он развёл руками. — Я тот, кем хочешь меня видеть ты. Нет ни ангелов, ни демонов. Это условность. Древние греки были близки в своей теории сотворения мира, считая всех, кто после Хаоса — богами. Но боги — всего лишь мы. Каждый народ придумывает собственное объяснение окружающим вещам. Мы же подыгрываем. Сейчас у людей популярно христианство. Что ж, значит будем играть в ангелов и демонов, если остальным это нравится.

Джеймс слегка подскочил в своем мягком кресле, и затем развалился в нем бесформенным телом. Он ответил на вопрос Александры самым бесчестным образом — не дав никаких ответов. Он скрывал от неё половину правды, давая только то, что считал уместным, и оставляя в неведении. Взгляд Звягинцевой метнулся на Феликса, который с интересом рассматривал потолок и иногда зевал.

— Всю жизнь мне говорили, что если я пойду по выбранному пути, то попаду в Ад, — Александра горько хмыкнула, поведя головой в сторону.

— Ад — слишком сложная концепция для сегодняшнего разговора, Александра Звягинцева. Все пошло от Хаоса. И в хаос вернётся. Вы ведь знаете, что такое Хаос?

— Беспорядок, — пожал плечами Феликс.

— Нет, — с полуулыбкой ответил Джеймс. — Хаос — это порядок. Идеальный порядок, когда даже пылинка лежит на своем месте, — он резко опустил ноги и подался вперед, вперившись взглядом в маленькую пылинку по центру стола, — и ты не смеешь ее тронуть. В беспорядок хаос превратили ранние христиане. До этого же люди верили, что все произошло из Хаоса. Сначала появился он. Затем из него появились Титаны. По крайней мере, так их звали древние греки. А потом появились мы, — Джеймс снова улыбнулся и, оттолкнувшись ладонями от края стола, откинулся на спинку кресла. — Занятно, правда? Язычество незаметно перетекло в монотеизм.

Александра не видела в этом ничего занятного. Шестеренки в ее мозгу судорожно пытались соотнести друг с другом сказанное Джеймсом, но она не видела смысла ни в одном произнесённом им словом. Если то, что он говорит — правда, то... все, что она знала до этого было ложью? Все, что рассказывал ей дед, чему их учили на уроках в «Лихоборах», оказалось не более, чем воображением парочки спятивших стариков? Нет, это определенно не могло быть так. Она была в этом уверена...

...хотя Александра не была уверена даже в том, как ее сейчас зовут.

— Вселенная почти полностью состоит из темной материи, — тем временем продолжил Джеймс, не обращая внимания на замешательство Александры. — И энергии. Планеты, звезды и все остальное, что вы видите — лишь небольшая часть того, что дожило до наших дней. Да и то большая часть из них давно мертвы. Мы видим их следы, как палеонтологи[1] наблюдают следы давно исчезнувших растений. Если не поливать цветок каждый день, он зачахнет. Если не следить за мирами, они умирают.

Настолько простая и логичная установка казалась Александре нереальной. Еще безумней выглядело то, что это рассказывал ей парень, юноша, что, кажется, внешне был моложе ее. К тому же... Александра замотала головой. Нет, сейчас в этом разговоре не могло быть ни намёка на тайный смысл. И все же, не уточнить Звягинцева не могла.

— Зачем ты нам все это рассказываешь? — Александра вцепилась пальцами в собственные бока, словно пыталась вдавить кожу и вывернуть себя изнутри.

— Чтобы вы не питали иллюзий. Ангелы, демоны. Чушь, — выплюнул Джеймс. — Вы имеете дело с более сложными вещами. Человеческое упрощение низвергло все до банальных религиозных констант. Увы, вы можете столкнуться с чем-то более опасным.

— Разве ты не должен хранить это в тайне? — снова подал голос Феликс, наконец оторвавшись от потолка. — В мою молодость лепнина была красивей. Теперь они просто сделали объёмный рисунок. Фи, дилетанты, — он посмотрел на Александру и ткнул пальцем куда-то наверх.

Как и Александра, Джеймс проследил за этим жестом Феликса и, подняв голову, на несколько секунд остановился взглядом на потолке. Маленькие румянощечие ангелочки смотрели на Александру с издевательски довольными улыбками, тянули к себе пухлые ручки, но чем дольше она смотрела на них, тем дальше, казалось, они отдаляются. Джеймс сжал губы в тонкую полоску, а затем протянул:

— Возможно. Но мне никто этого не говорил.

Было не совсем понятно, на какую часть фразы Феликса он отвечает. Возможно, на обе сразу. Александре казалось, что в такой момент, как этот, в ее голове будет тысяча вопросов, которые она вывалит на собеседника в поисках ответов на реальности бытия. Но вместо этого она слышала только завывание ветра и единственный непрерывно повторяющийся вопрос: «Почему ты не спас Стаса?» — Джеймс с виновато-невинной улыбкой посмотрел на неё, словно прочитал мысли.

— Что насчёт нас? — кажется, Феликс прослушал ту часть, где Джеймс говорил только об одном вопросе. — Таких как я? Вампиров, оборотней и призраков?

Скривившись, новый временный обладатель кресла Ростислава нехотя ответил:

— Генная инженерия. Вроде это сейчас так называют. — Джеймс взмахнул рукой, описав в воздухе неопределённые круги. — Кто-то был выведен искусственно. Некоторые же также являются результатом долгих лет эволюции. Взять к примеру кицунэ или тэнгу[2]. Этих прекрасных существ рука человека не касалась. Деятельность «Лихобор» всегда была ограничена тем, что вы сейчас называете христианским миром. Нет, конечно, мы, а конкретно я, слежу за всем, что происходит на этой планете. Но... — Джеймс помедлил, словно подбирал подходящее слово, чтобы не сказать ничего лишнего. — Мы те, кем вы нас считаете. Для жителей Европы мы были сначала жестокими, но справедливыми богами, которые порой не слишком следили за целомудрием, а затем скатились до уровня третьесортных ангелов и демонов. Не скажу, что мы жалуемся, нет. Какая разница, как нас зовут люди, если мы продолжаем всем управлять? А восток... — он улыбнулся, словно вспомнил что-то очень приятное. Александра даже не сомневалась, что именно так все и было. — Восток всегда был делом тонким и там наша работа всегда отличалась.

Феликс хотел спросить что-то еще, но замолк, стоило ему поймать на себе тяжёлый взгляд Александра. Джеймс качался на кресле, сцепив на животе руки в замок и глядя куда-то сквозь Звягинцеву. Пошевелиться было невозможно: пустой и отстранённый взгляд Джеймса все равно следил за каждым движением Александры, за тем, как она обхватывает себя руками, как вцепляется ногтями в бока и царапает кожу сквозь ткань кофты. Эта лёгкая боль приводила в чувство, и все же Звягинцевой было этого мало: хотелось попросить Феликса вонзиться в шею клыками и подарить ослепительную агонию хотя бы на несколько минут, чтобы забыться.

Увы, ее кузен никогда не сделает чего-то подобного.

Он слишком любит Александру.

Джеймс закричал в кресле, выпрямляясь и теперь уже глядя на Александру.

— И запомните главное, — он понизил голос, словно его кто-то мог услышать, кроме Звягинцевых, — если вы думаете, что за вами никто не следит, вы ошибаетесь. Вселенная наблюдает за каждым вашим шагом, знает каждую вашу мысль и может использовать это против вас.

О, Александра слышала это с самого детства. Сначала дед внушал ей, что следит за каждым ее шагом и знает все, что она делает, чтобы Звягинцева сама рассказывала ему обо всех проступках. Затем подобную тактику выбрали и учителя в «Лихоборах». Умелые манипуляторы, они все же не смогли сравниться с дедом Александры, а вскоре она и сама поняла, что никто не знает о проступках, кроме неё самой. Страх ушёл и Звягинцева вырвалась из-под гнетущего давления чувства вины.

И вот теперь ей снова говорят, что кто-то следит за каждым ее шагом и знает каждую мысль.

Только почему-то сейчас ей было все равно.

— Это все? — бровь Александры изломленно выгнулась, и она опустила руки, пытаясь рассеянно поправить лямку рюкзака, которого не было.

Джеймс оскалился.

— Не больше одного вопроса, Александра.

— Это не вопрос, — холодно парировала Звягинцева. — Это констатация. Это все? Я могу теперь идти?

Джеймс помедлил. Он смотрел на неё своими золотистыми глазами, жевал щеку и покачивался на кресле. Снова закинув ноги на стол, он развёл руками и отвесил Александре лёгкий поклон головой.

— Разумеется.

Его губы растянулись в широкой улыбке, а Александра поспешила вскочить со стула и быстрыми широкими шагами направиться к двери. Феликс за ней почему-то не последовал, но это сейчас и не было ей нужно. Пять минут одиночества были Александре просто необходимы. Но прежде чем она смогла вылететь из кабинета Ростислава, ее снова окликнул голос Джеймса.

Остановившись у самой двери, Александра нехотя обернулась на улыбающегося Джеймса.

— Я бы на твоём месте заглянул к подруге. Ты ведь не хочешь потом жалеть, что вы не поговорили? — он ехидно подмигнул Звягинцевой, но она заметила это только в щёлку захлопывающейся двери, едва дослушав его слова.

Жалела сейчас Александра только об одном.

Что вообще позволила привести себя в этот кабинет снова.

***

— Марьян, что происходит?

Несмотря на собственную гордость, Александра все же последовала совету Джеймса. Несколько пересадок, душный и тесный в семь утра автобус и вот ее уже встречала знакомая многоэтажка. Консьержка на входе недовольно ворчала на Александру, что та позвонила ей, а не сразу в квартиру. Сообщать Марьяне о своем приходе раньше времени было глупо и, несколько раз вжав звонок около тяжёлой металлической двери, Александра убедилась в правильности своего решения.

Марьяна распахнула дверь, взъерошенная и раскрасневшаяся. Она тяжело дышала, сдувала упавшие на лицо малиновые пряди волос и смотрела на Александру тупым взглядом, словно не узнавала ее. Когда же до хозяйки квартиры дошло, кто к ней пришёл, лицо Марьяны растянулось в ехидной ухмылке, и ведьма, отпустив дверь направилась вглубь квартиры. Александра неуклюже ступила через порог, оглядываясь: неподъёмная тканевая сумка была полностью забита одеждой Марьяны, а теперь пришла очередь рюкзака.

Скрывшись из виду в спальне, Марьяна вылетела из неё через секунду, подхватила рюкзак и, сунув в него какую-то футболку, посмотрела на Александру.

— Что?..

— Только не делай вид, что тебе действительно интересно, — оборвала ее Марьяна, закатывая глаза. — Мы все знаем, что нет.

— С твоей стороны достаточно грубо говорить со мной в таком тоне. — Александра быстрым шагом последовала за бросившей рюкзак на пол Марьяной, настигнув ее в дверях комнаты. — Особенно после того, как...

— После того как что? — снова прервала ее ведьма. Марьяна несколько долгих мгновений смотрела на Александру хмурым взглядом, а затем резко распахнула ящик комода и вывалила из него вещи. — Может быть мне стоит напомнить, по чьей вине все произошло? — она обернулась на Александру, ткнув в неё ночной футболкой и разъярённо тряся малиновыми волосами. — Или мы такие невинные в белом пальто? Раскрой глаза, Саш. Единственный виновный во всем это ты, — с неожиданным презрением выплюнула Марьяна. — Ты потащилась на это чёртово кладбище. Ты и твой стажёр сорвали ритуал, обрёкши Стаса. А теперь ты еще и мою жизнь разрушила.

— Ну знаешь ли... — Александра подавилась от возмущения воздухом.

Марьяна замерла, разглядывая пустой ящик перед собой. Постояв так несколько мгновений, она схватила выброшенные из него вещи и, грубо оттолкнув Александру в сторону, вылетела в коридор. Футболки полетели на пол, а Марьяна, раздражённо рыкнув, захлопнула дверь.

— Тебя не учили закрывать за собой? — не глядя на Александру, рявкнула Марьяна. — Я знаю больше тебя, Саш. И теперь из-за тебя мне придётся уехать. — Она запихнула несколько футболок в рюкзак.

Щеки Александры вспыхнули. Впервые за многие годы ей действительно было неуютно от того, что ее отчитывает другой человек. Она неловко переминалась с ноги на ногу, не решаясь подать голос, пока Марьяна собирала свои вещи, то засовывая очередную деталь гардероба в сумку, то прыгая на ней, словно это могло помочь утрамбовать вещи.

— Если ты из-за произошедшего — никто об этом не узнает, — проскрипела Александра и нервно сглотнула. — Мы что-нибудь...

— Ты прикидываешься душой? Или?.. — Марьяна, стоя на сумке, повернула голову в сторону Звягинцевой. — Нет, ты слишком умна, чтобы задавать такие вопросы, Саш. Мне плевать на то, что произошло. Мне плевать, — она слезла с сумки и резко дёрнула молнию, открывая ее, — расскажет ли кто-то о том, что увидел, потому что я медиум. Вроде как, — Марьяна неловко усмехнулась. — Но мне не плевать, что «Лихоборы» будут вести на меня охоту.

— «Лихоборы»? Да брось, Марьян, — Александра и сама не верила в то, что говорила, но продолжала упорно стоять на своих принципах. «Лихоборы» не могли никому причинить вреда. В фантазии Александры. — У них и без тебя проблем полно.

— О, — насмешливо протянула ведьма, — ты слишком наивна, Саш, если действительно веришь, что они упустят шанс заполучить такой редкий экземпляр — элементалист и медиум в одном лице. Да на мне можно будет проводить эксперименты до окончания времён просто перенося сознание из одного тела в другое. Идеальный план, правда? — Марьяна оскалилась, запихивая в рюкзак какую-то кофту.

Она несколько раз дёрнула молнию, громко выругалась и наконец смогла закрыть рюкзак. От помощи Александры она отказалась, остановив Звягинцеву рукой и недовольно поджав губы. Марьяна говорила быстро, иногда сбивалась, но потом делала глубокий вдох и возвращалась к ровному непрерывному потоку слов. Александра мало что понимала, каждый раз цепляясь слухом за «элементалист». Память подкидывала ей намёки, но Звягинцева не могла их уловить, не могла понять на что ей намекает собственный разум, крича, что она уже слышала это слово и не раз.

Вместо этого Александра только молча наблюдала за тем, как ее лучшая подруга спешно собирает вещи, кажется, собираясь покинуть ее навсегда.

— Я ведь была готова за тебя умереть, Саш. Я даже позвонила Диме, когда Стас... Когда Стас сказал, что поймал тебя. Но ты... — она хмыкнула, и Александра не могла понять, чего было больше в этом звуке: горького сожаления о собственным словах или поступках Звягинцевой, — ты все испортила. Ты влезла, втянула в это Антона и Ростислава. Ладно, — она подняла голову, возведя взгляд к небу и словно что-то прикидывая, — Слава был мудаком, это не считается. Но Антон. У его па... охотника не язык, а помело. Уверена, уже весь филиал в курсе, что я *элементалист*, — Марьяна снова повторила это слово, выделяя его, словно оно что-то могло сказать Александре. — И не смотри на меня таким взглядом, ты прекрасно знаешь кто... — Ведьма резко замерла, медленно повернув голову в сторону Александры и глядя на неё округлившимися от удивления глазами. — О мой дух, — разделяя каждое слово, медленно отчеканила она. — Александра Звягинцева не знает чего-то об этом мире? Ха, я думала, меня уже ничем не удивишь.

Марьяна бросила рюкзак на пол и, схватив с вешалки кожаную куртку, тут же надела ее.

— Что ж, — она хлопнула себя по карманам, а затем вскинула палец, что-то вспомнив, и, подскочив к Александре, схватила с тумбочки ключи, — было очень приятно увидеть тебя напоследок, правда. Возможно, если духи позволят, мы еще свидимся. Сомневаюсь, конечно, но... чем духи не шутят, да? — Марьяна улыбнулась.

Щеки Александры все еще горели. Марьяна отчитывала ее, как провинившегося школьника. Разве что не выставила к доске перед всем классом и не зачитала все проступки Александры Звягинцевой, чтобы народ знал своих героев. Кажется, ей действительно не стоило приходить сюда, но... не увидеться с Марьяной Александра просто не могла.

Улыбка Марьяны на этот раз была тёплой и домашней. Ведьма смотрела на Александру знакомым взглядом, не метала в ее стороны молний, а затем резко подалась вперед и оставила на ее губах мягкий поцелуй, слегка прикусив нижнюю губу.

Александра опешила. Марьяна отстранилась сразу же: царапнула кончиками зубов по нежной коже, неловко заправила за ухо розовую прядь и, взмахнув руками, хлопнула себя по бёдрам.

Кажется, теперь неудобно было им обеим.

— Передавай привет Феликсу. Надеюсь, его шрамы заживут, — Марьяна криво усмехнулась.

Она быстро развернулась на пятках, подхватила тканевую сумку и повесила ее через

плечо. Присев, Марьяна надела рюкзак и, пару раз подпрыгнув на корточках, вскочила на ноги. Ведьма слегка покачнулась, но удержала равновесие. Зажатые на пальце ключи звякнули, приглашая отправиться в путь. А Александра все еще стояла, глупо глядя на Марьяну и не делая ничего, что могло бы ее остановить.

— И да, Саш, — открыв дверь, Марьяна замерла в проёме, оглянувшись. — Прежде, чем осуждать других, посмотри на своё отражение. Иногда оно подкидывает ответы на все вопросы.

Еще раз улыбнувшись и подмигнув, Марьяна покинула квартиру, не закрыв за собой дверь. Лифт глухо скользил по шахте, и до Александры сквозь его шум донеслись лёгкие удаляющиеся по лестнице шаги Марьяны.

Быть может во всем действительно была ее вина?

[1] Палеонтология изучает животные и растительные фоссилии (окаменелости).

[2] В японском фольклоре кицунэ — это лисы, обладающие магическими способностями, которые увеличиваются по мере того, как кицунэ становятся старше и мудрее. Тэнгу — разновидность ёкая, часто встречающаяся в японской мифологии. Существует два основных вида тэнгу. Ворон-тэнгу, представляющий из себя антропоморфную ворону с гуманоидным строением тела, и отшельники-тэнгу, более похожие на человека, но с красной кожей и очень длинными носами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net